S 10/13

РУКОВОДСТВО

КЪ

ЛОГИКѢ,

составленное

Ординарнымъ Проф. Универ. Св. Владиміра

ОРЕСТОМЪ НОВИЦКИМЪ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Кіевскій Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 1841 года, Декабря 13 дня.

Цензоръ *Александръ Ѳедотовъ-Чеховскій.*

2007040130

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ двумъ главнымъ классамъ сходятся Германскіе мыслители нашего времени, обработывающіе Логику. Одни, по примѣру Гегеля, хотятъ всецѣло *преобразовать ее, а другіе, послѣдуя великому основателю этой науки, Аристотелю,* только по частямъ *далѣе развиваютъ и пополняютъ ея прежнее содержаніе.*

Покушающіеся на всецѣлое *преобразованіе Логики хотятъ дать ей чисто-умозрительный характеръ. Но такое покушеніе не столько обѣщаетъ ей въ будущемъ выгоды, сколько угрожаетъ ей опасностію: оно и эту единственную философскую науку, которая до сихъ поръ постоянно шла впередъ на пути своего развитія, хочетъ вовлечь въ общій водоворотъ переходчивыхъ философическихъ системъ. Впрочемъ, эти умозрительныя реформы не касаются Логики здраваго человѣческаго смысла; онѣ говорятъ о такомъ мышленіи, котораго не знаетъ общечеловѣческій разумъ; и потому ихъ должно отнести къ Нѣмецкой Метафизикѣ, которая при зыбкости всѣхъ ея частей уже не имѣетъ предмета*

для своего разрушительнаго вліянія и потому хочетъ обратить его на Логику.

Предлагаемое здѣсь Руководство къ Логикѣ, *составленное по* Фрид. Фишеру, *принадлежитъ ко* второму *направленію: примыкая къ прежнему развитію этой науки, оно имѣетъ въ виду* частное *улучшеніе ея и дальнѣйшее развитіе. Главныя улучшенія и пополненія, представляемыя въ этомъ Руководствѣ,—какъ это легко замѣтитъ всякъ, кто знакомъ съ состояніемъ Логики въ наше время,—заключаются въ слѣдующемъ:*

Въ Чистой *Логикѣ, показана сущность мышленія въ развитіи внутреннихъ отношеній вещей, и законы мышленія опредѣлены, какъ основныя отношенія, имѣющія силу и значеніе въ самихъ себѣ. Показано приложеніе этихъ законовъ къ частнымъ дѣйствіямъ мышленія. Объяснено различіе между простымъ различіемъ и противорѣчіемъ, и между согласіемъ и тождествомъ. Установлено понятіе о противоположности отрицательной и опредѣлена—положительная. Возстановленъ истинный смыслъ закона достаточнаго основанія. Опровергнуто ложное понятіе о началѣ исключенія третьяго. Разграничены въ дѣйствіяхъ мышленія переработка данныхъ представленій и ихъ приложеніе. Раздѣльно исчислены произведенія мысленной переработки,—положеніе, понятіе, система. Полнѣе изложено соотношеніе понятій. Критически разсмотрѣно прежнее и представлено новое раздѣленіе сужденій. Показана двусторонность категорическаго или сказательнаго сужде-*

нія и умозаключенія, именно въ ихъ объемъ и содержаніи. Въ настоящемъ видѣ представлено причинное сужденіе. Систематически перечислены сложныя сужденія. Пополнены отношенія сужденій между собою. Непосредственныя умозаключенія сведены къ ихъ простѣйшему образу выраженія. Предложено новое раздѣленіе посредственныхъ умозаключеній. Раздѣлительныя и условныя умозаключенія признаны излишнимъ повтореніемъ формъ непосредственнаго умозаключенія. Наконецъ,—что главное,—Чистая Логика пополнена умозаключеніями соотносительными, которыя досель отрывочно были разбросаны по всей Логикѣ. Въ необходимости этого пополненія Авторъ убѣдился самымъ опытомъ, находя, что излагаемыя въ прежнихъ Логикахъ формы мышленія не объясняютъ всѣхъ оборотовъ мысли, встрѣчающихся какъ въ наукѣ, такъ и въ общей жизни. Между непосредственными и посредственными умозаключеніями, которыя въ своей обыкновенной формѣ выраженія являются очень краткими и сжатыми, и между методомъ, обнимающимъ цѣлыя книги, чувствуется недостатокъ въ такихъ формахъ мышленія и логическихъ сочетаніяхъ, которыми бы связывались между собою отдѣльныя мысли; а такого рода формы и сочетанія представляются намъ въ умозаключеніяхъ соотносительныхъ.

Въ Прикладной *Логикѣ, различены методы: математическій, систематическій и историческій, и частные моменты ихъ изложены съ подробностію, какой не находимъ ни въ одной изъ доныпѣшнихъ Методологій, если исключимъ*

изъ нихъ соотносительныя умозаключенія, которыя собственно къ нимъ и не принадлежатъ.

При такихъ пополненіяхъ и измѣненіяхъ, Авторъ не могъ не дѣлать по мѣстамъ критическихъ замѣчаній на прежнія понятія Логиковъ; безъ того, его собственныя положенія могли бы иной разъ показаться произвольными отступленіями и предположеніями. Впрочемъ, эти полемическія замѣтки, какъ основанныя на одной любви къ истинѣ, нигдѣ не выражаются тономъ рѣзкимъ, или бранчивымъ.

Не излишне наконецъ замѣтить, что это Руководство къ Логикѣ *находится въ самой тѣсной связи съ прежде изданнымъ мною* Руководствомъ къ Опытной Психологіи, *такъ что они взаимно дополняются и поясняются.*

О. Н.

Кіевъ.
13 Декабря 1841 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе. . . . . 1.

ЛОГИКА ЧИСТАЯ.

ГЛАВА I. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗВЕДЕНІЙ МЫШЛЕНІЯ. . . . . 17.

ГЛАВА II. ОБЪ ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНАХЪ МЫШЛЕНІЯ

1. Законъ тождества и нетождества. . . . . 23.

2. Законъ согласія и противорѣчія. 31.

3. Законъ достаточнаго основанія. 41.

4. Мнимый законъ исключенія третьяго и средняго.

ГЛАВА III. О ПОНЯТІЯХЪ.

Образованіе понятій. . . . . 52.

Соотношеніе понятій. . . . . 63.

ГЛАВА IV. О СУЖДЕНІЯХЪ.

Раздѣленіе сужденій. . . . . 80.

а) Сказательное сужденіе. . . . 91.

б) Причинное сужденіе. . . . . 106.

БИБЛІОТЕКА

Опиошенія сужденій между собою . 117.
Способности лежащія въ основаніи
сужденія. . . . . 125.
ГЛАВА V. ОБЪ УМОЗАКЛЮЧЕНІЯХЪ.
1. Умозаключеніе непосредственное. 135.
2. Умозаключеніе посредственное. . 145.
а) Сказательное умозаключеніе. . 153.
б) Причинное умозаключеніе. . . 180.
3. Соотносительныя умозаключенія. 187.
а) Умозаключенія тождества. . . 188.
б) Умозаключенія противорѣчія. . 194.
в) Силлогизмы подчиненія. . . . . 205.
г) Силлогизмы сподчиненія. . . . 229.
ЛОГИКА ПРИКЛАДНАЯ, или МЕТОДОЛОГІЯ. . . . . . 236.
1. Математическій методъ. . . . . 240.
2. Систематическій методъ. . . . . 248.
а) Методъ описательныхъ наукъ. 254.
б) Методъ теоріи. . . . . 272.
3. Историческій методъ. . . . . 288.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Названіе *Логика* (λογική подразумѣвается ἐπιστήμη), своимъ значеніемъ (1) указываетъ на внутреннюю связь слова и мысли и даетъ поводъ думать, что древніе Греки именемъ Логики обозначали науку о мышленіи, какъ оно проявляется въ живомъ словѣ: оттого по большей части они и называли ее *Діалектикою* (отъ διαλέγομαι разговариваю), а иногда *Эристикою* (отъ ἐρίζομαι спорю) и т. п. Въ послѣдствіи времени замѣчено различіе между мыслію и словомъ; и потому ученіе о словѣ мало по малу отдѣлено отъ ученія о мысли и оба составили особыя части, одной впрочемъ науки, (Логики, какъ у Стоиковъ). У Римлянъ эти части явились уже науками самостоятельными: слово отнесено къ Реторикѣ, а предметомъ Логики осталось исключительно мышленіе; почему Логика названа у нихъ *искуствомъ мышленія* (ars cogitandi). Опредѣленную такимъ образомъ Логику и въ средніе вѣка признавали наукою мышленія, только въ понятіи о немъ смѣшивали различныя его стороны и потому называли эту науку разными

(1) Слово Логика происходитъ отъ λόγος, что значитъ и *слово* и *разумъ*.

именами: *искуствомъ изобрѣтенія* (hevristica), *врачевствомъ отъ заблужденій* (medicina mentis), *верховною философіею* (caput et apex Philosophiae), *маякомъ и критикою разума* (pharus intellectus, critica rationis) и т. п. Наконецъ, въ новѣйшія времена, точнѣе разграничены въ сознаніи разныя стороны мышленія (формальная, матеріальная, методологическая), однако и теперь изучается въ Логикѣ мышленіе же, только въ такомъ, или иномъ отношеніи.

§ 2. Не напрасно мышленіе во всѣ времена было предметомъ особеннаго вниманія и изученія. Мышленіе есть одно изъ важнѣйшихъ духовныхъ отправленій человѣка; посредствомъ этой дѣятельности духа онъ подчиняетъ себѣ остальную природу, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи: уразумѣваетъ предметы, господствуетъ надъ ними и построеваетъ науку. По причинѣ такой важности, мышленіе и теперь достойно особаго изученія; преимущественно же такое изученіе составляетъ потребность для высшаго образованія, потому что въ область мышленія не должно вступать безъ самосознанія.

§ 3. Чтобы разъяснить понятіе *о мышленіи*, какъ предметѣ Логики, мы должны разсмотрѣть и описать его въ трехъ отношеніяхъ: а) *по его положенію въ кругу прочихъ познавательныхъ отправленій;* б) *по его содержанію* и в) *по его формѣ* (1).

(1) См. изданное мною Руководство къ Опыт. Псих. Кіевъ, 1840 г., стр. 234—240.

а) Не смотря на то, что главная дѣятельность въ человѣческой жизни принадлежитъ мышленію, оно занимаетъ только подчиненное и ограниченное *мѣсто въ кругу прочихъ отправленій* человѣческаго духа: это есть только одно изъ проявленій познавательной способности, которая въ свою очередь также есть одна изъ сторонъ человѣческаго духа вообще, потому что въ немъ раскрываются еще чувствованія и желанія, какъ двѣ другія главныя стороны его бытія.

Познанію, какъ общему произведенію познавательной способности, содѣйствуютъ слѣд. частныя способности: пять чувствъ, самосознаніе, сила воспріятія, память, фантазія и разумѣніе, какъ собственно способность мышленія.

Эти различныя познавательныя способности, для ясности, мы можемъ представлять себѣ шестью различными силами души, съ различными отправленіями; хотя на самомъ дѣлѣ всѣ онѣ суть только одна сила души, являющаяся въ различныхъ направленіяхъ и образахъ дѣйствованія,—именно сознаніе, какъ всеобщее начало познавательныхъ способностей; различныя отправленія познаванія въ дѣйствительности неразлучены другъ отъ друга, но почти всегда въ каждомъ актѣ познанія участвуютъ всѣ, только такъ, что въ одномъ преобладаетъ одно, а въ другомъ другое (1).

Изъ шести познавательныхъ способностей

(1) Руков. къ Опыт. Псих. Глав. VI.

четыре первыя собираютъ матеріалъ познанія, а двѣ послѣднія—фантазія и разумѣніе, занимаются обработываніемъ его и приложеніемъ. Частнѣе же, занятія познавательныхъ способностей распредѣлены слѣдующимъ образомъ: *чувство..и самосознаніе* суть источники, изъ которыхъ почерпается всякое познаніе; познаніе міра тѣлеснаго почерпается изъ чувствъ, а міра духовнаго—изъ самосознанія. Однакожъ ни внѣшнее, ни внутреннее наблюденіе, само по себѣ, не даетъ еще дѣйствительнаго познанія: что мы наблюдаемъ только, напр. только видимъ или слышимъ, въ тоже время сами того не замѣчая, то остается для насъ непознаннымъ, и не оставляетъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда въ сознаніи. А замѣчаніе есть дѣло *силы воспріятія*. Замѣчаніе, гдѣ только оно встрѣчается, конечно совпадаетъ съ наблюденіемъ въ одинъ неразличимый актъ; однако первое должно отличаться отъ послѣдняго, какъ существенно-высшее отправленіе: потому что наблюденіе весьма часто, и даже большею частію, остается незамѣченнымъ. Чувства сами по себѣ только открываютъ предъ нами тѣлесный міръ, равно какъ самосознаніе только что прозираетъ во внутренній, духовный міръ.

Замѣчаніе есть превращеніе наблюдаемой внутренней и внѣшней дѣйствительности въ представленіе, посредствомъ котораго она впервые возвышается въ сознательное содержаніе. Представленія состоятъ частію въ естественныхъ мысленныхъ образахъ, составленныхъ по образцу наблюдаемыхъ предметовъ, а частію въ искуственныхъ знакахъ, именно въ словахъ, посред-

ствомъ которыхъ удобно можемъ сообщать другимъ замѣченное нами.

Эти представленія удерживаются и сохраняются *памятію* въ готовности къ употребленію. Они существуютъ здѣсь своимъ совершенно особеннымъ образомъ, именно такъ, что изъ безчисленнаго множества ихъ всегда остается въ дѣйствительности только одно, а прочія погружаются въ безсознательность и перестаютъ существовать дѣйствительнымъ образомъ; но въ возможности они продолжаютъ свое существованіе, такъ что въ каждое мгновеніе, когда это нужно, они снова могутъ перейти въ дѣйствительность. Они существуютъ какъ готовность и гибкость сознанія снова измѣняться въ представленія, однажды образованныя, подобно напр. навыку руки къ извѣстнымъ движеніямъ.

Представленія, дремлющія въ памяти, возбуждаются къ дѣйствительному сознанію въ *воспоминаніи* частію посредствомъ тѣлесныхъ и духовныхъ раздраженій, частію посредствомъ соприкосновенія понятій.

Впрочемъ, накопленныя въ памяти представленія были бы мертвымъ сокровищемъ, еслибъ они не были преобразуемы и снова прилагаемы къ дѣлу. Это дѣйствіе бываетъ двоякаго рода: одно игривое, производимое *фантазіею* для забавы и увеселенія; другое сообразное съ цѣлію, производимое *разумѣніемъ* для употребленія въ жизни и наукѣ.

Послѣ сего мы можемъ опредѣлить мышленіе,

по его положенію въ кругу прочихъ познавательныхъ отправленій, такимъ образомъ: *оно есть сообразное съ цѣлію преобразованіе и приложеніе собранныхъ въ памяти представленій и познаній.*

§ 4. б) Это мыслительное преобразованіе и приложеніе собранныхъ памятію представленій вводитъ насъ *во внутреннія и существенныя отношенія предметовъ,* а *прозрѣніе* въ эти отношенія и составляетъ *содержаніе* мышленія.

Наблюденіе и замѣчаніе, сами по себѣ, безъ размышленія, представляли бы намъ предметы только во *внѣшнихъ* отношеніяхъ пространства и времени, какъ они существуютъ одинъ подлѣ и послѣ другаго. Равнымъ образомъ и память, сама по себѣ, если бы фантазія и разсудокъ не оказывали на нее своего вліянія, воспроизводила бы представленія только по законамъ одновременности и послѣдовательности. Но мышленіе въ отношеніяхъ пространства находитъ *внутреннюю* связь частей и *цѣлаго,* свойствъ и *предмета,* а въ отношеніяхъ времени провидитъ *причинную связь.* Эти отношенія оно *развиваетъ* въ *положеніи.*

Фантазія разрѣшаетъ внѣшнюю историческую связь представленій, и игриво соединяетъ ихъ по сходству и контрасту, а также по возможности и по крайней мѣрѣ правдоподобію. Но это опять суть только *случайныя* отношенія, которыя мышленіе должно свести къ отношеніямъ *существеннымъ.* Сходство обращается въ родовую одинакость или въ *понятіе,* контрастъ— въ *видовое различіе* или противоположность. Наконецъ сочетанія возможнаго и правдоподоб-

наго переходятъ въ *приложеніе удачныхъ понятій и правилъ въ сужденіи и умозаключеніи.*

§ 5. в) Если мышленіе, по содержанію, есть прозрѣніе во внутреннія и существенныя отношенія предметовъ, то отсюда уже открывается, что́ оно есть по своей *формѣ*. Такъ какъ мышленіе занимается единственно отношеніями предметовъ, то оно есть познаніе *посредственное;* оно развиваетъ эти отношенія вообще съ тою цѣлію, чтобы одинъ членъ отношенія *уразумѣть* посредствомъ другаго. Такъ понятіе служитъ къ уразумѣнію предметовъ, родъ—къ уразумѣнію видовъ, и обратно; сказуемое въ положеніи и сужденіи употребляется для уразумѣнія подлежащаго, основаніе—для уразумѣнія слѣдствія, или слѣдствіе —для уразумѣнія основанія. Такою посредственностію познаванія мышленіе существенно отличается отъ простаго наблюденія и замѣчанія: тогда какъ здѣсь дѣйствительный или представляемый предметъ просто и непосредственно подпадаетъ сознанію, тамъ между сознаніемъ и предметомъ входитъ представленіе, которое объясняетъ предметъ и служитъ какъ бы ключемъ къ его уразумѣнію.

§ 6. Мышленіе вообще бываетъ двухъ родовъ: *естественное,* общее всѣмъ людямъ и слѣдующее *законамъ,* предписаннымъ самою природою, и *искуственное,* или разработка познанія въ науку по извѣстнымъ *правиламъ*. Логика, хотя главнымъ предметомъ своимъ поставляетъ мышленіе естественное, однакожъ не исключаетъ изъ своего круга и мышленія искуственнаго. Отсюда само собою вытекаетъ, какъ *опре-*

дѣленіе, такъ и *раздѣленіе* Логики. Логика есть наука о законахъ естественнаго и правилахъ искуственнаго мышленія, или короче: наука о мышленіи вообще. Раздѣляется Логика на *чистую*, или въ тѣснѣйшемъ смыслѣ Логику, и на *прикладную*, или методологію. Первая часть есть наука о *законахъ естественнаго*, общечеловѣческаго мышленія, а послѣдняя о *правилахъ научнаго* мышленія.

§ 7. Оба дѣйствія мышленія, естественное и научное, конечно, весьма тѣсно соединены между собою и переходятъ одно въ другое; потому что научное мышленіе пользуется необходимыми формами естественнаго же мышленія, только въ обширнѣйшемъ объемѣ и болѣе искуственнымъ образомъ. Однакожъ оба эти дѣйствія различаются опять другъ отъ друга, такъ что требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія. Научное мышленіе,—хотя по своимъ существеннымъ отправленіямъ есть одно и тоже съ мышленіемъ естественнымъ,—однако есть дѣятельность болѣе искуственная, въ которой не только можно пріобрѣтать навыкъ, но которой можно до извѣстной степени и научаться; къ томужъ, это есть особеннаго рода занятіе, которому предаются обыкновенно немногіе. Напротивъ того обыкновенное мышленіе есть естественное отправленіе, которое развивается и совершается само собою, и никакъ не можетъ быть пріобрѣтаемо посредствомъ науки, а только можетъ быть усовершаемо упражненіемъ. Естественное мышленіе слѣдуетъ *законамъ* природы, а научное отчасти слѣдуетъ *правиламъ*. Оттого и *важность* собственно такъ называемой

логики и методологіи различна: первая имѣетъ только теоретическій интересъ естественной науки, а послѣдняя до извѣстной степени имѣетъ практическую пользу искуства мыслить.

Далѣе, научный методъ зависитъ въ несравненно большей степени, чѣмъ естественное мышленіе, частію отъ обработываемаго предмета, а частію отъ намѣренія обработывателя. По этому-то методологія называется Логикою *прикладною*. Естественный процессъ мышленія всякую матерію познанія, которая ему подпадаетъ, одинаково подчиняетъ своимъ непроизвольнымъ, естественно необходимымъ законамъ. А научный методъ овладѣваетъ различными предметами различно, примѣнительно къ цѣли изслѣдованія и свойству предмета. Оттого математическій методъ совершенно другой, нежели систематическій, а этотъ послѣдній совсѣмъ отличенъ отъ историческаго;—оттого опять въ систематическомъ методѣ отличается описаніе отъ теоріи, и такъ далѣе.

Наконецъ,—что рѣшительно показываетъ необходимость раздѣленія обѣихъ наукъ,—методологія имѣетъ совершенно другое *отношеніе къ прочимъ наукамъ*, нежели собственно такъ называемая Логика: тогда какъ эта послѣдняя есть только *часть Психологіи*, та относится ко всѣмъ другимъ наукамъ, какъ—*Пропедевтика*.

§ 8. Естественное мышленіе,—которымъ занимается Логика, взятая въ *тѣсномъ смыслѣ*,—подобно всѣмъ другимъ естественнымъ отправленіямъ души, слѣдуетъ *законамъ природы*, вы-

полняемымъ по безсознательной необходимости, но за то съ точностію и вѣрностію инстинкта. А потому и Логика должна только *изслѣдывать законы,* а не предписывать какія либо правила, что было бы для нея уже слишкомъ поздо; и слѣд. она имѣетъ *характеръ* только *естествоиспытанія;* она есть даже *естественная наука,* подобно Психологіи. Ея *задача* есть вникнуть въ механизмъ процесса человѣческаго мышленія, разложить его на его простѣйшія пружины и дѣйствія, и наблюдать, какъ соединяются эти простѣйшіе элементы для выполненія столь многоразличныхъ и величественныхъ дѣйствій человѣческаго разумѣнія.

Примѣчаніе. Опредѣляя Логику наукою о законахъ естественнаго мышленія, мы тѣмъ самымъ идемъ вопреки господствующему взгляду на задачу и значеніе Логики, по которому ее почитаютъ *руководствомъ* къ мышленію, или *искуствомъ мыслить,* а по Гегелю,—даже *методомъ совершенно искуственнаго мышленія.* Эта ложная оцѣнка Логики, конечно, доставляетъ ей уваженіе у неученой публики, и можетъ быть служитъ главною причиною того, что она продолжаетъ свое существованіе въ училищахъ: однако съ другой стороны, это же мнѣніе о Логикѣ унижаетъ ее въ глазахъ людей, посвященныхъ въ науку, такъ какъ они скоро узнаютъ, что для практическаго употребленія можно научиться изъ Логики немного болѣе того, къ чему съ малолѣтства уже навыкаютъ по естественной необходимости, и что, если въ Логикѣ встрѣчаемъ *совершенно* новые обороты мышленія,—каковы напр. сориты обыкновенной Логики и діалектика Гегеловой; то они суть естественные же пріемы, только совершенно извращеные и негодные къ употребленію. Знатоку покажется смѣшною школярностію желаніе научать мышленію, которое по внушенію самой природы разумѣемъ и выполняемъ.

§ 9. Хотя всякъ можетъ мыслить и мыслить правильно безъ Логики, какъ пищеварить безъ физіологіи: однако тѣмъ не менѣе Логика имѣетъ высокое достоинство. Образованный человѣкъ хочетъ не только инстинктуально употреблять свои благороднѣйшія силы, но желаетъ еще, посредствомъ научнаго познанія, дать себѣ отчетъ въ законахъ этого употребленія. А до этой отчетливости, до этого самосознанія доводитъ инстинктуальное мышленіе логика; она есть, такъ сказать, нашъ разумъ, сдѣлавшійся наукою, и въ качествѣ ея взирающій на свою собственную природу въ ея существеннѣйшихъ проявленіяхъ. In hac disciplina, говоритъ Августинъ, se ipsa ratio demonstrat atque aperit, quid sit, quid velit, quid valeat. (Liber. II. de trinit. cap. XXII).

Логика, поставляя содержаніемъ своимъ чистое мышленіе, отдѣленное отъ всего сторонняго, переноситъ насъ въ міръ сверхчувственный. Уже и математика занимается отвлеченностями числа и пространства; но эти отвлеченности все еще суть чувственный элементъ, хотя и отвлеченно-чувственный и чуждый бытія. Но чистое мышленіе отторгается и отъ этого послѣдняго чувственнаго элемента, отвлекается отъ внѣшней и внутренней чувственности, и остается въ самомъ себѣ совершенно свободнымъ. И этотъ міръ чистаго мышленія не есть міръ мертвой отвлеченности; мышленіе есть высочайшая сила на землѣ, есть ближайшее подобіе Божественнаго разума и подобно Ему творящая дѣятельность: она раждаетъ изъ себя мысли. И такимъ образомъ Логика, перенося

насъ въ отвлеченный міръ мысли, представляетъ намъ самый любопытный и достойный предметъ для изученія.

Это теоретическое достоинство Логики не безплодно и въ практическомъ отношеніи. Она пріучаетъ наше мышленіе собираться въ себѣ и отвлекаться, тогда какъ въ обыкновенныхъ представленіяхъ оно блуждаетъ и разсѣевается по предметамъ. Но при отвлеченіи мыслящій духъ нашъ сосредоточивается въ одинъ пунктъ и чрезъ то получаетъ навыкъ дѣйствовать сильнѣе и глубже Съ другой стороны, какъ скоро мысль возвысится до отчетливаго знанія о самой себѣ, то съ этимъ вмѣстѣ пріобрѣтаетъ способность и искуство правильнѣе обсуживать свои собственныя и чужія произведенія умственныя, пріобрѣтаетъ средство лучше владѣть собою и предметомъ своей дѣятельности. Логика есть истинная гимнастика мысли.

Наконецъ Логика, какъ методоученіе, знакомя насъ съ пріемами искуственнаго мышленія, даетъ нашей мыслящей силѣ способъ изъ разсѣянныхъ познаній воздвигать въ себѣ стройный міръ вѣдѣнія. Оттого, безъ помощи методологіи, самое счастливое дарованіе не всегда можетъ привесть въ наилучшее, художественно-систематическое расположеніе свои мысли, а особенно когда онѣ слишкомъ многочисленны и разнородны.

§ 10. Такъ какъ содержаніемъ Логики поставляется мышленіе, которое по своей природѣ есть только формальная познавательная

дѣятельность, занимающаяся переработываніемъ и приложеніемъ представленій къ предметамъ:— то эта наука ограничивается только *формою познанія,* и потому должна быть признаваема наукою *формальною.* Логика занимается только формою *познанія,* а не формою *мышленія,* какъ не точно выражались нѣкоторые логики. Логика разсматриваетъ столько же содержаніе, какъ и форму мышленія, не переставая оттого быть наукою чисто-формальною; потому что и содержаніе мышленія есть не болѣе, какъ только формальное преобразованіе отъинуду даннаго содержанія, безъ всякой матеріальной придачи. Содержаніе мышленія есть понятіе, но понятіе вообще, а не такое или иное въ частности, что принадлежитъ опыту. Форма же мышленія состоитъ въ отправленіяхъ мышленія и ихъ законахъ.—

Такой взглядъ на Логику отличается съ одной стороны отъ прежде господствовавшаго понятія объ ней, по которому признавали ее *формальною* наукою потому, что она ограничивается одною *формою мышленія* (т. е. понятій, сужденій и умозаключеній) и слѣдовательно ни сколько не содѣйствуетъ познанію. Но въ такомъ случаѣ логическія формы были бы мертвымъ и бездѣйственнымъ вмѣстилищемъ представленій или мыслей, и изученіе такихъ формъ было бы, относительно познанія истины, совершенно безполезною и излишнею исторіею, (какъ говоритъ Гегель). Съ другой стороны, нашъ взглядъ на Логику противопоставляется тому понятію, особенно господствующему въ новѣйшихъ философскихъ школахъ, по которому мышленіе должно

содержать въ себѣ, или изъ себя производить свое собственное и независимое отъ опыта содержаніе, и по которому слѣд. Логика превращается въ науку *матеріальную*.

Примѣчаніе. Споръ о формальности или матеріальности Логики находится въ связи съ общимъ споромъ между опытомъ и умозрѣніемъ; но здѣсь не мѣсто рѣшать эту вѣковую тяжбу; для насъ довольно указать только на смыслъ этихъ двухъ себѣ противоположныхъ взглядовъ.

Кантъ первый старался превратить Логику въ науку матеріальную. Впрочемъ у него Логика формальная оставалась въ своихъ прежнихъ правахъ подлѣ новой, имъ введенной, матеріальной Логики. Онъ допускаетъ двоякую дѣятельность мышленія въ познаваніи: одну обработывающую, разсмотрѣніе которой онъ предоставляетъ «*Логикѣ чистой*». Это отправленіе мышленія онъ весьма удачно называетъ *аналитическимъ*, такъ какъ оно ограничивается только развитіемъ матеріи, данной отъ-нуда. И въ самомъ опытѣ, по его мнѣнію, встрѣчается одно это дѣйствіе мышленія, переработывающее данныя познанія. Но мышленіе, думаетъ Кантъ, уже прежде опыта дѣйствуетъ *для* произведенія самаго опыта. Опытъ или чувственное наблюденіе (это по его мнѣнію суть синонимы), которое у него есть чисто внутренній процессъ, происходящій въ духѣ, онъ признаетъ общимъ произведеніемъ внѣшнихъ впечатлѣній и самодѣятельности духа, плодомъ съ одной стороны ощущенія, (такъ называетъ онъ содѣйствіе чувствъ) съ другой—предопытныхъ формъ чувственности и разсудка, въ которыя формы располагается ощущеніе, съ тѣмъ, чтобы произвести наблюденіе. И здѣсь—въ этомъ *трансцендентномъ*, т. е. всякому сознанію и произволу предшествующемъ, образованіи опыта—разсудокъ дѣйствуетъ *синтетически;* потому что вноситъ въ опытъ предметное соединеніе и форму, предлежательный синтезъ.

Анализирующее и переработывающее дѣйствіе мышленія,—по-

лагалъ онъ далѣе,—въ точности соотвѣтствуетъ его производительному или синтетическому дѣйствію въ образованіи опыта. Другими словами: мышленіе при аналитическомъ разработываніи познанія слѣдуетъ тѣмъ же самимъ формамъ, которыя оно при синтетическомъ произведеніи опыта вноситъ въ его содержаніе. Оно только разрѣшаетъ тѣ связи, которыя оно же и составило. По этому изъ различныхъ формъ аналитическаго мышленія, разсматриваемыхъ въ чистой Логикѣ, можно извлечь формы мышленія синтетическаго; различнымъ родамъ сужденія соотвѣтствуетъ такое же число категорій синтеза. Изложеніе этихъ синтетическихъ дѣйствій и формъ мышленія Кантъ называетъ *трансцендентальною* Логикою, потому что процессъ этихъ матеріальныхъ актовъ мышленія, предваряетъ всякій опытъ, есть трансцендентальный.

Отсюда видно, что Кантово синтетическое употребленіе разсудка не встрѣчается ни въ опытѣ, ни въ обыкновенной Логикѣ, и изъ сей послѣдней смѣло можетъ быть исключено, и предоставлено на волю метафизики. По этому внося разность аналитическихъ и синтетическихъ дѣйствій мышленія въ обыкновенную Логику, и отыскивая эти послѣднія въ области опыта и логическаго мышленія, впадали въ недоразумѣніе, которымъ только увеличивалось замѣшательство. Логикѣ, согласно съ собственнымъ мнѣніемъ Канта, можетъ совершенно оставить безъ вниманія трансцендентальную, или матеріальную его Логику.

Такъ какъ Кантъ отличилъ формальную Логику отъ своей матеріальной, то у него самаго и учениковъ его она избѣжала вреднаго вліянія его преходящей метафизики, и даже одолжена этой школѣ нѣкоторымъ усовершенствованіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ.

Но гораздо хуже поступила съ Логикой въ новѣйшее время школа *Гегелева*, которая формальную Логику хочетъ замѣнить своею умозрительною, и обыкновенное, на законахъ природы осно-

ванное мышленіе, подчинить своему діалектическому методу, чтобы до основанія преобразовать его и обратить въ искусственное. Этотъ умозрительный методъ долженъ изъ чистаго мышленія произвесть форму и содержаніе познанія, или лучше сказать, форму мышленія, какъ существенное, основное содержаніе вселенной (1). Хвалятся успѣшнымъ ходомъ, даже довершеніемъ этого творчества мысли; между тѣмъ какъ другіе думаютъ, что эти мыслители все еще безплодно трудятся надъ ничтожествомъ. Представлять міровыми процессами отправленія и формы мышленія, каковы напр. сужденіе и умозаключеніе, которыя происходятъ только въ мышленіи, и только тамъ существуютъ, есть такая умозрительная мечта, которая возможна только въ идеализмѣ. Что касается потомъ до могущества діалектическаго метода, то подождемъ еще, преодолѣетъ ли онъ естественные законы мышленія, поставитъ ли себя дѣйствительно на мѣсто ихъ. А до тѣхъ поръ предметъ логическаго наблюденія и объясненія составляетъ естественное мышленіе, которое безспорно есть формальное.

(1) Hegel's Werke. 1840. Bd. VI. S. 49; 316—319.

ЛОГИКА ЧИСТАЯ.

ГЛАВА I.

ОБОЗРѢНІЕ.

§ 11. Представленія, собранныя памятію и фантазіею, удерживаютъ еще внѣшнюю и случайную связь; мышленіе же изыскиваетъ въ нихъ внутреннія и существенныя отношенія (§ 4). Эти отношенія бываютъ (двухъ) родовъ: а) *одни только открываются* и *развиваются* чрезъ *переработку* собранныхъ въ памяти и фантазіи представленій, а другія б) *производятся* посредствомъ *приложенія* понятій, получаемыхъ чрезъ переработку. Перваго рода отношенія выражаются въ *положеніяхъ* и *понятіяхъ*, а послѣдняго—въ *сужденіи* и *умозаключеніи*. По этому главныя произведенія мышленія суть: *положеніе, понятіе, сужденіе* и *умозаключеніе*.

§ 12. а) Внутреннія и существенныя отношенія, только *открываемыя* чрезъ мысленную переработку готовыхъ представленій, въ частности суть слѣдующія:

аа) Явленія дѣйствительнаго міра располагаются между собою по пространству и времени. Въ этомъ двоякомъ расположеніи открываются съ одной стороны отношенія частей къ цѣлому

и свойствъ къ предмету, а съ другой — отношенія причины и дѣйствія. Но единство цѣлаго въ частяхъ, предмета въ свойствахъ, причинности въ дѣйствіи и причинѣ не дознается *однимъ* только наблюденіемъ; хотя эти внутреннія соотношенія заключаются *во* внѣшней пространственной и временной связи, которая наблюдается и замѣчается: однако они не открыты непосредственному взору, а должны быть еще извлечены мыслію. А какъ скоро они схвачены мышленіемъ, то выражаются въ *положеніяхъ*. Тогда предметъ посредствомъ принадлежностей, или сказуемыхъ съ связкою, или посредствомъ интранзитивныхъ глаголовъ разлагается на свои свойства (наприм. человѣкъ есть существо чувственное, разумное и пр.); цѣлое посредствомъ глагола «*имѣетъ*» или посредствомъ принадлежностей и сказуемыхъ разлагается на свои части (напр. человѣческій организмъ имѣетъ орудія чувствъ, движенія питанія); наконецъ причинная связь посредствомъ подлежащаго, транзитивнаго глагола и указанія дѣйствій, разлагается на свои члены (напр. луна давленіемъ производитъ приливы и отливы). Такимъ образомъ положеніе есть произведеніе простаго преобразованія и анализа, и однакожъ оно раскрываетъ намъ богатство содержанія, скрытно заключающееся въ данныхъ представленіяхъ, и потому есть дѣйствіе мышленія, хотя и низшее, но за то плодовитое.

бб) Фантазія въ собранныхъ памятію представленіяхъ схватываетъ сходства и разности; а мышленіе, также еще посредствомъ одной *разработки*, образуетъ изъ нихъ *понятіе* и *про-*

тивоположности: составные члены *понимания.* Изъ сходнаго мышленіе извлекаетъ одинакое, и это есть понятіе, а въ немъ раздѣляетъ противоположности, и тогда понятіе дѣлается *родомъ,* который обнимаетъ собою противоположности, какъ свои *виды.* Но какъ каждое родовое понятіе опять, какъ видъ, подчиняется высшимъ родамъ, то весь міръ вѣдѣнія распредѣляется по этимъ отношеніямъ одинакости и противоположности, отъ высочайшаго родоваго понятія, какъ центра, до самыхъ низшихъ противоположностей. Тогда-то хаосъ представленій приводится въ порядокъ, подводится подъ одинъ обзоръ и подчиняется власти духа. Чрезъ такое образованіе связи между понятіями, происходитъ относительно обыкновеннаго мышленія здравый умъ, а въ наукѣ система.

§ 13. б). Внутреннія и существенныя отношенія, *производимыя* посредствомъ *приложенія* понятій и правилъ, суть *сужденія* и *умозаключенія.* И фантазія прилагаетъ свои представленія къ предметамъ, но производимыя ею сочетанія имѣютъ характеръ только возможности и правдоподобія. А въ сужденіи и умозаключеніи эти случайныя сочетанія обращаются въ существенныя.

Чтобы представленіямъ найти надлежащее приложеніе, для этого они должны прежде всего быть обращены въ понятія и правила посредствомъ мышленія; иначе, оставаясь простыми представленіями и положеніями, они имѣли бы приложеніе только къ частнымъ предметамъ, такъ какъ по нимъ и образованы. Слѣдов. обра-

зованіе понятій предшествуетъ сужденіямъ и умозаключеніямъ; а понятіямъ предшествуетъ образованіе положеній; потому что признаки отдѣльныхъ предметовъ должны быть различены въ положеніи прежде, нежели понятіемъ будутъ замѣчены сходные признаки многихъ предметовъ.

Понятія и правила, полученныя чрезъ переработку представленій, прилагаются — первыя къ предметамъ въ сужденіи, а послѣднія къ случаямъ въ умозаключеніи.

§ 14. аа) Въ сужденіи прилагаются понятія къ предметамъ, для ихъ уразумѣнія, двоякимъ образомъ: то какъ *сказуемыя* ихъ, то какъ ихъ *причины*, или *дѣйствія*. А потому и самыя *сужденія* бываютъ двухъ родовъ: сужденія *сказательныя* и сужденія *причинныя;* первыя прилагаютъ понятіе къ предмету, какъ сказуемое, а послѣднія прилагаютъ его, какъ причину, или дѣйствіе.

Легко понять, что въ сужденіи бываетъ тотъ же самый образъ соединенія мыслей, какой находится и въ положеніи, которое также или предметъ разлагаетъ на его свойства, или причинную связь на ея составныя части. Различіе состоитъ только въ томъ, что въ положеніи представленіе только развивается изъ предмета, какъ данный его элементъ; а въ сужденіи оно прилагается къ предмету, какъ понятіе: различіе, по видимому, неважное; но отъ него зависитъ гораздо высшее достоинство и высшій характеръ сужденія.

§ 15. бб) *Умозаключеніе* есть выводъ одного сужденія изъ другаго, производимый съ двоякою цѣлію: частію для того, чтобы въ выведенномъ сужденіи пріобрѣсть новое познаніе, а частію, чтобы тоже самое сужденіе, если оно уже извѣстно, утвердить чрезъ подчиненіе его другому, принятому за правило. Въ первомъ случаѣ умозаключеніе больше переработываетъ и анализируетъ, а въ послѣднемъ оно прилагаетъ правило къ особенному случаю, точно такъ же, какъ въ сужденіи прилагается понятіе къ предмету. Первымъ дѣйствіемъ умозаключенія мы больше пріобрѣтаемъ познанія, а послѣднимъ—больше утверждаемъ свое разумѣніе.

§ 16. Такъ какъ положеніе весьма сродно съ сужденіемъ, то для избѣжанія повтореній, оно и можетъ быть разсматриваемо вмѣстѣ съ сужденіемъ; между тѣмъ всѣ дѣйствія мышленія утверждаются еще на особенныхъ, основныхъ законахъ, ученіе о которыхъ должно предшествовать всему. По этому чистую Логику мы раздѣлимъ на четыре слѣд. отдѣленія: 1) объ основныхъ законахъ мышленія, 2) о понятіяхъ, 3) о положеніи и сужденіи, и 4) наконецъ объ умозаключеніи.

ГЛАВА II.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНАХЪ МЫШЛЕНІЯ.

§ 17. Всѣ тѣ внутреннія и существенныя отношенія предметовъ, развитіемъ и произве-

деніемъ которыхъ занимается мышленіе (§ 11), сходятся еще глубже къ нѣкоторымъ первоначальнымъ отношеніямъ: эти-то первоначальныя отношенія мыслимыхъ нами предметовъ и суть *основные законы* нашего мышленія. *Законами мышленія* они называются потому, что служатъ правиломъ для познанія и развитія всѣхъ вообще отношеній между мыслями, только въ этомъ употребленіи обнаруживаютъ свою силу, подобно законамъ природы, съ *безсознательною необходимостію*.

§ 18. Основныя отношенія, къ которымъ сходятся всѣ прочія, внутреннія и существенныя отношенія предметовъ мышленія, суть именно двухъ родовъ: *тождество* и *причинность*, такъ, что все мышленіе раздѣляется на два главныя процесса: развитіе и произведеніе отношеній тождества и отношеній причинности.

Къ отношенію тождества сводятся отношеніе цѣлаго къ его частямъ, предмета къ его свойствамъ, представленія къ признакамъ, понятія къ его предметамъ, рода къ видамъ. Равнымъ образомъ, чрезъ отношеніе тождества же, въ сужденіи—понятіе прилагается къ предмету, а въ умозаключеніи—правило къ особенному случаю.

Къ отношенію же причинности сводится развитіе причинной связи въ положеніи, а также объясненіе событія или изъ его причинъ, основаній и средствъ, или изъ его дѣйствій, слѣдствій и цѣлей.

Такъ какъ эти дѣйствія обнимаютъ собою все

естественное мышленіе, то оно все сводится къ развитію и произведенію отношеній тождества и причинности въ ихъ различныхъ сторонахъ и приложеніяхъ, а потому два только основныхъ закона мышленія: *законъ тождества* и *законъ основанія*.

Но какъ этихъ отношеній тождества и причинности мы часто не находимъ и *отрицаемъ* ихъ въ предметахъ мышленія, то къ закону тождества можно присовокупить *законъ нетождества;* равно какъ къ закону основанія можно бы придать *законъ безосновности*.

Далѣе, мышленіе не ограничивается открытіемъ и развитіемъ этихъ отношеній только въ *дѣйствительности;* но слѣдитъ за ними даже въ область *возможнаго*. А потому и законъ тождества и нетождества разширяется въ законъ *согласія* и *противорѣчія;* равно какъ и законъ основанія можно бы разширить до закона *правдоподобія* и *неправдоподобія*.

I. ЗАКОНЪ ТОЖДЕСТВА И НЕТОЖДЕСТВА.

§ 19. Самый общій и господствующій законъ мышленія есть законъ *тождества* и *нетождества,* или *одинакости* и *различія,* principium identitatis: *вещь есть то, что она есть, а не другое что-либо;* или: *каждая вещь равна самой себѣ, а не другой.*

Примѣчаніе. Формула, которую мы здѣсь употребили, въ настоящее время почти общепринята. Напрасно Бахманъ (смот. Сист. его Лог. С. Петербургъ Ч. I. стр. 63), порицаетъ выраженіе: вещь (Ding);

всякое представленіе, всякая мысль есть чтолибо, есть вещь,— даже есть дѣйствительность, имѣющая бытіе, только не сама въ себѣ, а въ моемъ *я;* и тождество съ самими собою принадлежитъ представленіямъ и мыслямъ именно потому, что они суть вещи, дѣйствительности.—Математическая формула: А=А выражаетъ то же самое.

§ 20. *Уразумѣть* этотъ законъ потому трудно, что онъ самъ по себѣ понятенъ до того, что почти нѣтъ нужды и выражать его, или внушать нашему мышленію. Но бываютъ случаи, въ которыхъ можно указывать потребность этого закона, а именно: иногда не признаютъ его и невольно преступаютъ, какъ это бываетъ въ заблужденіи и помѣшательствѣ, когда принимаютъ дѣйствительность за нѣчто совершенно другое, нежели какъ она есть; когда напр. помѣшанный свою ничтожную личность признаетъ Богомъ Отцемъ; иногда законъ тождества и нетождества отвергаютъ, или нарушаютъ произвольно, въ какомъ случаѣ онъ возвышается даже на степень закона нравственнаго, какъ то бываетъ напр. во лжи, когда дѣйствительность намѣренно и съ сознаніемъ выдается за нѣчто другое.

Впрочемъ, если съ одной стороны эта очевидность логическихъ законовъ мышленія отнимаетъ у нихъ всю прелесть новости, то съ другой— тѣмъ болѣе она имѣетъ *цѣны въ наукѣ*, потому что въ такой-то очевидности и состоитъ ихъ абсолютная истина и необходимость.

§ 21. Законъ тождества и нетождества сколько ни простъ, но имѣетъ самое обширное *при-*

ложеніе, какъ и обыкновенно всеобщее и всеобъемлющее въ познаніи есть непремѣнно и самое простое.

Этотъ законъ служитъ началомъ для *развитія* всякаго содержанія, скрыто (implicite) заключающагося въ наблюденіяхъ, представленіяхъ и понятіяхъ,—чрезъ что пріобрѣтается неимовѣрное богатство познаній, которое безъ такого развитія безполезно пропадало бы для нашего сознанія, и даже какъ бы и не существовало для знанія. Какая разница между знаніемъ неразвитымъ и логически развитымъ,—это извѣстно всякому, кто хотя когда нибудь раскрывалъ себѣ богатство какого либо наблюденія, или уяснялъ себѣ какое либо представленіе и понятіе. Какія обширныя познанія развиваются, въ теоріяхъ напр. тяжести, теплоты, электричества изъ относительно малаго числа наблюденій! Какой рядъ результатовъ выводитъ математикъ изъ немногихъ данныхъ,—и все это посредствомъ простаго закона тождества, потому что всѣ результаты исчисленія заключаются и должны скрытно заключаться въ самыхъ данныхъ.

§ 22. Разсмотримъ въ частности *приложеніе закона тождества въ развитіи* мыслей.

Законъ тождества служитъ началомъ въ разложеніи цѣлаго на его части, такъ какъ изъ него непосредственно вытекаетъ положеніе: *цѣлое равно своимъ частямъ.*

Онъ служитъ также началомъ при описаніи предметовъ, и именно двоякимъ образомъ: какъ

законъ нетождества онъ даетъ способъ отличить предметъ отъ всѣхъ другихъ, и, при сравненіи его съ ними, замѣтить его особенности; а какъ законъ тождества, онъ доставляетъ средство опредѣлять порознь его стороны и свойства, по непосредственно также вытекающему изъ него правилу: *предметъ равенъ своимъ различнымъ сторонамъ и свойствамъ.*

Онъ служитъ еще началомъ для опредѣленія понятія, посредствомъ прямо изъ него слѣдующаго положенія: *понятіе равно своимъ признакамъ, вмѣстѣ взятымъ.*

И положенія, въ которыхъ полагаются или отрицаются *отдѣльныя* части въ цѣломъ, или *отдѣльныя* свойства въ предметѣ, также основываются на законѣ тождества и нетождества, потому что посредствомъ этого же закона мы узнаемъ, содержится ли сказуемое въ подлежащемъ или нѣтъ.

Подобно какъ всякое развитіе и анализъ, такъ и всякое *приложеніе понятій* къ ихъ предметамъ въ сужденіи, и подчиненіе особеннаго случая всеобщему правилу въ умозаключеніи, основываются на томъ же законѣ тождества и нетождества; потому что имъ руководствуясь, мы или узнаемъ вновь, или не узнаемъ понятіе въ предметѣ и правило въ особенномъ случаѣ.

Примѣчаніе. Приложеніе этого закона въ мышленіи столь обширно и разнообразно, что нѣкоторые логики мышленіе опредѣляютъ просто развитіемъ отношеній тождества и нетождества, и Логику ограничиваютъ приложеніемъ этого одного закона къ различнымъ случаямъ.

§ 23. Большая часть логиковъ законъ нетождества отдѣляютъ отъ закона тождества и поставляютъ его особеннымъ закономъ; но это дѣлаютъ потому, что смѣшиваютъ его съ закономъ противорѣчія.

Другіе напротивъ покушаются законъ тождества выводить изъ закона нетождества, или наоборотъ. Но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть выведенъ изъ другаго. Изъ тождества не вытекаетъ нетождество: если вещь тождественна сама съ собою, то отсюда еще не слѣдуетъ, что она въ тоже время не можетъ быть и чѣмъ нибудь другимъ; напр. какіе либо заколдованные принцы, оставаясь принцами, не могутъ ли быть вмѣстѣ и деревьями, или другимъ чѣмъ? И наоборотъ, изъ нетождества не вытекаетъ тождество: если вещь не есть что-либо другое, то отсюда нельзя еще заключать, что она тождественна сама себѣ; напр. тающій ледъ не дѣлается чѣмъ либо инымъ, хотя не остается тождественнымъ съ самимъ собою. Впрочемъ отношенія тождества и нетождества хотя независимы одно отъ другаго, однако существенно соединены между собою, какъ противоположности, и слѣдовательно, какъ соподчиненныя стороны одного основнаго отношенія.

§ 24. Законъ *нетождества, или различія* почти всѣ безъ исключенія логики смѣшиваютъ съ закономъ противорѣчія, или по крайней мѣрѣ не отличаютъ ихъ, выражая тотъ и другой одною формулою: А не=не А. Но *различное, просто отрицаемое, не есть еще противорѣчущее.* И въ самомъ дѣлѣ, различное хотя часто

бываетъ и противоположнымъ вещи, однако съ другой стороны можетъ быть согласно и соединимо съ нею; а въ такомъ случаѣ оно, соединяясь съ вещію, вносило бы въ нее противорѣчіе. Если бы нетождество и противорѣчіе были одно и тоже, то въ такомъ случаѣ все различное, отрицаемое въ вещи, было бы противорѣчущимъ ей; но тогда слишкомъ мало осталось бы намъ отрицать въ ней. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ, мы отрицаемъ въ вещи не одно только противорѣчущее ей, а нѣчто другое, различное, но и соединимое съ нею. Если, напр., я говорю: это дерево не есть плодоносное; этотъ человѣкъ не есть ученый; этотъ домъ не есть строеніе красивое, круглое, покрашенное; то во всѣхъ этихъ случаяхъ отрицается только различное, а не противорѣчущее; потому что всѣ эти предметы могли бы имѣть всѣ эти качества.

Между закономъ нетождества и противорѣчія тѣмъ нужнѣе положить различіе, что эти два закона относятся къ двумъ совершенно различнымъ областямъ мышленія: къ мышленію о *дѣйствительныхъ*, и къ мышленію о *возможныхъ* внутреннихъ отношеніяхъ. Если я имѣю два представленія, то я сперва могу спросить: *дѣйствительно ли* они находятся въ такомъ внутреннемъ отношеніи, какъ части и цѣлое, какъ свойства и предметъ, признаки и понятіе, понятіе и предметъ? Это я узнаю изъ того, когда въ одномъ представленіи нахожу что либо тождественное съ другимъ. Если между ними находится подобное отношеніе, то я просто сказываю одно о другомъ, какъ часть, свойство,

признакъ, или понятіе его. Если же представленія мои не имѣютъ такого внутренняго отношенія, но совершенно различны между собою,—что я узнаю посредствомъ закона нетождества; тогда я одно изъ нихъ отрицаю о другомъ, какъ часть, свойство и проч. Но теперь я вправѣ еще предложить новый вопросъ, именно: нельзя ли этимъ представленіямъ, хотя по возможности, состоять въ такихъ внутреннихъ отношеніяхъ? что́ не иначе я могу рѣшить, какъ посредствомъ совершенно новаго процесса мышленія,—при помощи закона согласія и противорѣчія.

Формула для закона нетождества, какъ простаго отрицанія, должна быть такая: А не= В,—*эта вещь не есть чтолибо другое;* а не такая: А не=не А,—*вещь эта не есть то, что ей противорѣчитъ.* Впрочемъ значеніе и истинность этихъ замѣчаній могутъ объясниться только тогда, когда будетъ развито понятіе о не А, или противорѣчущей отрицательной противоположности извѣстной вещи, и когда именно будетъ показано, что эта противоположность есть нѣчто опредѣленное и особенное, а не все возможное, кромѣ А, напр. В, С. и т. д., которыя могутъ быть и соединяемы съ предметомъ.

§ 25. Многіе также не отдѣляютъ и *закона согласія* отъ закона тождества, какъ не различаютъ противорѣчія и нетождества; между тѣмъ согласія можно искать *только* въ различномъ; и притомъ законъ согласія относится къ другой области мышленія, именно къ области возможнаго, и потому вмѣстѣ съ закономъ проти-

ворѣчія открываетъ несравненно обширнѣйшее поле для сочетанія мыслей, такъ какъ кругъ возможнаго несравненно обширнѣе круга дѣйствительности.

§ 26. Нѣкоторые логики, особенно изъ Кантовой школы, напр. *Масъ, Якобъ*, законъ тождества *выводили* изъ закона противорѣчія: «*А*, говорятъ они, *есть А; иначе оно будучи А, было бы вмѣстѣ и не-А, и такимъ образомъ противорѣчило бы самому себѣ.*» Но, если бы *А* и не было *А;* то по одному этому оно не было бы непремѣнно *не А;* оно могло бы еще быть В, С и т. д. Если бы желтое, напр., и не было желтымъ, то по этому самому оно не было бы непремѣнно не желтое,—что собственно означаетъ другую сторону краски; а могло бы быть жесткое, тяжелое и т. д.,—что само себѣ отнюдь не противорѣчитъ.

Между тѣмъ положеніе, что А=А непосредственно извѣстно такъ, что и не требуетъ доказательства; и законъ противорѣчія не только не положенъ въ основаніи закона тождества, но и наоборотъ самъ вытекаетъ изъ него.

Фихте выводитъ законъ тождества изъ самосознанія, на томъ *основаніи, что я, въ мышленіи о самомъ себѣ, поставляетъ себя=себѣ;* но такой выводъ слишкомъ частенъ, потому что быть равнымъ себѣ не составляетъ закона исключительно нашего *я*, а есть законъ всего дѣйствительнаго. Напротивъ самосознаніе поздо начинаетъ свое приложеніе къ закону тождества, потому что для этого потребна извѣстная сте-

пень вникания, которая является у дитяти послѣ того, какъ оно сдѣлало уже много приложеній закона тождества.

Законъ тождества и нетождества лежитъ въ *природѣ вещей:* быть равнымъ себѣ и отличнымъ отъ всего другаго составляетъ природу всего дѣйствительнаго; этотъ же законъ природы повторяется и въ мысляхъ и представленіяхъ.

2. ЗАКОНЪ СОГЛАСІЯ И ПРОТИВОРѢЧІЯ.

§ 27. Тогда, какъ мышленіе о *дѣйствительныхъ* внутреннихъ отношеніяхъ подчиняется закону тождества и нетождества; мышленіе о *возможныхъ* внутреннихъ отношеніяхъ слѣдуетъ обширнѣйшему закону согласія и противорѣчія.

Такимъ образомъ, второй основный законъ мышленія есть законъ согласія и противорѣчія, — principium contradictionis, выражаемый обыкновенно въ слѣдующей *формулѣ: что не противорѣчитъ себѣ, то совмѣстимо въ мышленіи.* Впрочемъ эта формула опредѣляетъ согласіе только отрицательно, а противорѣчія вовсе не опредѣляетъ, и отъ одного только препровождаетъ къ другому.

Подъ именемъ *согласія* должно разумѣть возможное соединеніе двухъ, или многихъ представленій, которыя относятся между собою, какъ части одна къ другой и къ своему цѣлому, какъ свойства къ предмету, признаки къ понятію, моменты къ событію, событія къ

исторіи; также соединеніе положеній съ положеніями, сужденій съ сужденіями, познаній съ познаніями въ умозаключеніе, взглядъ, систему.

Противорѣчіе происходитъ, когда противоположности *представляются совмѣстно;* пока онѣ стоятъ одна подлѣ другой, онѣ не противорѣчатъ другъ другу: противорѣчіе есть не иное что, какъ совмѣстно мыслимая противоположность (1).

Впрочемъ мы объяснили здѣсь только слова, а не самую вещь: мы еще не дали яснаго понятія ни а) о свойствѣ *противорѣчій* и *противоположностей,* ни б) о существѣ *согласія.*

§ 28. а) Свойство противорѣчій и противоположностей. *Противоположность,* о которой совмѣстно нельзя мыслить, бываетъ двухъ родовъ: *положительная* и *отрицательная,* или какъ обыкновенно выражаютъ въ Логикѣ это

---

(1) Показанное нами различіе между противоположностію и противорѣчіемъ въ особенности можно рекомендовать двумъ новѣйшимъ философскимъ школамъ—Гегелевой и Гербартовой. *Гербартъ* обвиняетъ опытъ въ противорѣчіи потому, что міръ дѣйствительный весь состоитъ изъ противоположностей и на этомъ основаніи хочетъ исправить опытъ. Напротивъ того *Гегель* въ своей діалектической методѣ, сообразно съ своими цѣлями, то превращаетъ противоположности, спокойно стоящія одна подлѣ другой, въ противорѣчія, которыя уничтожаютъ другъ друга, то наоборотъ дѣйствительныя противорѣчія обращаетъ въ противоположности, которыя остаются одна подлѣ другой.

различіе, противоположность *противная* и *противорѣчащая* (contraria et contradictoria oppositio).

Противорѣчащую или *отрицательную* противоположность опредѣлить легко: она имѣетъ мѣсто между двумя представленіями, изъ которыхъ одно относится къ другому, какъ *его* отрицаніе; не-А, напр., къ А, нехорошій—къ хорошему, неблагоразумный—къ благоразумному: слѣд. она есть положеніе и отрицаніе *одного* и *тогоже* понятія.

Противною же противоположностію называется противоположеніе такихъ двухъ представленій, которыя *положительно* и положительными качествами исключаютъ другъ друга, какъ напр. добрый и злой, красивый и безобразный.

Послѣдняго рода противоположность опредѣлить труднѣе; даже изъявляли сомнѣніе, можно ли вообще познать ее логически, потому что однимъ мышленіемъ нельзя узнать, исключаютъ ли себя взаимно положительныя противоположныя качества, такъ какъ всѣ качества по формѣ могутъ быть мыслимы совмѣстно.

Примѣчаніе. Для узнанія противной противоположности,—такъ говорятъ обыкновенно,—нужно только спросить: соединяются ли данныя представленія въ одномъ актѣ мышленія, или исключаютъ одно другое? Въ первомъ случаѣ ихъ можно назвать согласными; а въ послѣднемъ—именно имѣетъ мѣсто прямая противоположность. Этотъ критерій, конечно, не есть логическій, ни вообще научный; потому что онъ не даетъ понятія о вещи, а только отсылаетъ къ опыту, указывая, гдѣ и какъ найти вещь; онъ просто

дѣлаетъ тоже, что сдѣлалъ бы со мною Геогностъ, еслибы, желая дать мнѣ понятіе о гнейсѣ и гранитѣ, послалъ меня на Уральскія горы.—Но должно же найти всеобщее и научное понятіе прямой противоположности.

§ 29. Взаимное исключеніе другъ другомъ двухъ *положительныхъ* представленій бываетъ тогда, когда эти представленія относятся между собою, какъ виды и подвиды, къ одному роду, или какъ члены къ сферѣ высшаго, общаго ихъ понятія; такъ молодой напр., взрослый и старый относятся между собою, какъ различные возрасты жизни; бѣдный и богатый, какъ различныя степени имущества; понятливый и глупый, благоразумный и разсѣянный, какъ различныя качества разумѣнія. Но тѣ предметы, представленія и понятія, которыя не относятся къ одному и тому же роду, никакъ не могутъ быть въ прямомъ противорѣчіи; такъ напр., молодой, богатый и глупый. Это приводитъ насъ къ всеобщему характеру, или научному понятію прямой противоположности: она бываетъ между членами высшей, всѣмъ имъ общей сферы понятія. Слѣд. *прямыя противоположности суть тоже, что виды одного и того же рода.*

Противорѣчащая или *отрицательная* противоположность также бываетъ между членами дѣленія, принадлежащими къ одной общей сферѣ высшаго понятія. Слѣд. *не-А не* есть *все* другое, кромѣ *А*, какъ обыкновенно принимаютъ это; но есть именно другое въ противоположность *своему А*, такъ что не-А и А соединяются между собою въ одномъ родовомъ понятіи. Недобрый

напр. не есть все другое, кромѣ добрый, напр. синій, либо соленый, а указываетъ на другую сторону нравственнаго качества, какъ напр. злой; небогатый опредѣляетъ другую сторону состоянія=бѣдный.

Но отрицательная противоположность не составляетъ *чего либо дѣйствительнаго*, какъ положительная, а есть только логическій *замѣнъ* послѣдней, употребляемый тогда, когда положительная противоположность не представляется намъ, или когда она должна оставаться неопредѣленною по виду и степени, или еще, когда мы хочемъ различные члены и степени положительной противоположности обозначить кратко. Отрицательная противоположность указываетъ только пустое мѣсто положительной.

Между тѣмъ положительная противоположность заключаетъ въ себѣ и отрицательную, потому что она не только отрицаетъ противное ей, но и восполняетъ пустое мѣсто противорѣчія положительными качествами. По этому, если запрещается въ мышленіи положительное противорѣчіе, то тѣмъ самымъ запрещается и отрицательное, и въ этомъ отношеніи законъ противорѣчія можно подвесть подъ слѣдующую формулу: *А не можетъ быть не-А*.

§ 30. Впрочемъ истинное *противорѣчіе* бываетъ только тогда, когда положительныя, или отрицательныя противоположности сказываются объ *одномъ и томъ же* предметѣ, въ отношеніи къ *одному и тому же* времени и *съ однихъ и тѣхъ же* сторонъ. Что касается различія вре-

мени, то легко видѣть, какъ одному и тому же предмету можно приписывать нѣчто противоположное въ разныя времена, если онъ въ теченіе ихъ постоянно измѣняется. Такъ, естественно, нѣтъ противорѣчія, когда біографъ объ одномъ и томъ же лицѣ однажды говоритъ, какъ о дитяти, а въ другой разъ, какъ о мужѣ. Кто вчера назывался богатымъ, тотъ сегодня можетъ назваться бѣднымъ, если онъ разорился. Равнымъ образомъ къ одному и тому же предмету и въ одно время можно прилагать противоположныя сказуемыя, если онъ имѣетъ различныя стороны; такъ напр. человѣку, по двумъ его сторонамъ—тѣлесной и духовной, можно приписать смертность и безсмертіе.

Эти ближайшія отношенія закона противорѣчія, логики давно старались заключить въ формулу. Такъ еще *Аристотель* выражалъ этотъ законъ *невозможностію вмѣстѣ быть и не быть; Вольфъ* говорилъ: *fieri non potest, ut idem simul sit et non sit, simul B sit et non B.* Но въ этихъ формулахъ хотя точно выражено одно требованіе этого закона, - относительно времени, но упущено изъ виду другое, именно, что онъ имѣетъ еще силу только относительно одной и той же стороны предмета. Полную формулу этого закона можно выразить такъ: *противоположностей нельзя совмѣстно мыслить въ одномъ предметѣ, въ одно время и съ одной и той же стороны.*

Примѣчаніе. Всего менѣе согласны мы охуждать съ Кантомъ эту обширную формулу за то, что въ нее внесено время. Кантъ, въ своемъ чрезмѣру напряженномъ возвышеніи надъ временемъ,

какъ *субъективною формою явленія*, думалъ, что включеніе времени во всеобщій законъ можетъ вредить его всеобщности и научному его достоинству. Но какъ всѣ предметы, по крайней мѣрѣ опыта, подчинены времени; то законъ этотъ всегда будетъ имѣть достаточную общегодность, которою мы и можемъ довольствоваться.

Противъ этой обширнѣйшей формулы мы ничего не можемъ сказать, кромѣ того, что она имѣетъ нѣкоторыя околичности и проще можетъ быть выражена посредствомъ слѣдующей формулы: *А не можетъ быть не-А*. Когда я *А* противопоставляю *не-А*, тогда понимаю предметъ только въ одномъ его отношеніи: *А*, и оставляю безъ вниманія прочія стороны и времена, по которымъ онъ можетъ быть чѣмъ либо другимъ; а въ такомъ случаѣ остается совершенно вѣрнымъ, что онъ не можетъ быть *не-А*.

§ 31. б) Существо *согласія*. Если виды и подвиды одного рода, и слѣд. именно сродное въ различномъ составляютъ противорѣчіе: то наоборотъ *безусловно различное* можетъ быть согласно, или соединяемо въ одномъ представленіи.

Безусловно различное есть то, что относится къ различнымъ родамъ, и потому называется различіемъ *родовымъ*, тогда какъ противоположности составляютъ различіе *видовое*.

По этому свойство согласія и противорѣчія можно выразить такъ: безусловныя или родовыя разности могутъ быть соединяемы; видовыя же, напротивъ, или сродное въ различномъ, исключаютъ другъ друга.

Такой разультатъ изслѣдованія о существѣ

согласія и противоположности, по которому первое означаетъ именно различное, а послѣдняя сродное въ различномъ, тѣмъ неожиданнѣе, что по поверхностному понятію другихъ о различіи, нѣтъ болѣе рѣзкаго раздѣленія между предметами, какъ противоположность, или видовое различіе,—какъ напр. между духомъ и тѣломъ. Между тѣмъ какъ вездѣ, гдѣ только встрѣчается истинная противоположность, или дѣйствительное видовое отличіе,—тамъ есть вмѣстѣ и родовое общеніе и существенное сходство.

§ 32. Нѣкоторые, какъ напр. *Локкъ*, пытались произвести законъ противорѣчія изъ опыта, какъ будто бы мышленіе мало по малу составило и замѣтило для употребленія этотъ законъ, подобно какому либо правилу поведенія. Трудно сказать, какъ мышленіе внѣшнимъ образомъ дошло бы до такого правила, еслибъ оно уже не заключало его въ себѣ самомъ,—какъ вообще изъ внѣшняго опыта могло оно узнать невозможность мыслить въ одно время противоположности. *Эта невозможность* есть нѣчто внутреннее, между тѣмъ какъ внѣ насъ, въ дѣйствительности, противоположности спокойно пребываютъ *одна подлѣ другой*.

Есть, правда, въ Химіи весьма любопытная *аналогія* съ закономъ противорѣчія: химическія сочетанія суть соединенія противоположностей, напр. кислотъ и основаній (Baſe), при чемъ обѣ теряютъ свои частныя качества и соединяются въ новое, третіе вещество; подобнымъ образомъ противоположныя представленія и понятія уни-

чтожаютъ другъ друга и вмѣстѣ сводятся къ общему основанію ихъ родоваго понятія.

Еще выразительнѣйшую въ этомъ отношеніи аналогію представляетъ Физика въ электрическихъ и магнетическихъ противоположностяхъ, которыя въ своемъ соединеніи относятся между собою точно такъ же, какъ понятія противоположныя, т. е. теряютъ свои видовыя качества и возвращаются въ неопредѣленность рода.

Но такія аналогіи изъ естественныхъ наукъ, очевидно, могутъ только объяснять законъ противорѣчія, но не могутъ быть его началомъ. Опытное происхожденіе этого закона рѣшительно опровергается тою естественною необходимостію, съ которою мы прилагаемъ его къ предметамъ; мы дѣлаемъ изъ него приложеніе прежде, нежели бываемъ въ состояніи владѣть опытомъ, вообще—прежде, нежели сознаемъ въ себѣ этотъ законъ, какъ правило, въ какой нибудь опредѣленной формулѣ.

§ 33 Другіе, напротивъ, вмѣстѣ съ *Лейбницемъ* признаютъ этотъ законъ врожденнымъ. Если при этомъ разумѣютъ, что онъ врожденъ, какъ правило, въ какой либо формулѣ, то такой взглядъ столько же грубъ, сколько психологически несообразенъ, потому что всѣ правила и формулы суть вторичнаго происхожденія. Если же, напротивъ, хотятъ сказать этимъ только то, что законъ согласія и противорѣчія находится въ самой природѣ вещей, то-есть, въ самомъ свойствѣ противоположности и мышленія о ней, то въ такомъ случаѣ можно назвать этотъ законъ

врожденнымъ, но лучше называть его закономъ естественнымъ.

§ 34. *Согласіе въ различіи* есть ближайшее опредѣленіе и распространеніе закона *тождества*, и заключается уже въ самой *природѣ вещей*, такъ какъ *вещи, не переставая въ цѣломъ быть равными себѣ самимъ, могутъ имѣть весьма различныя стороны*. Такъ напр. ничто не мѣшаетъ одной и той же вещи соединять въ себѣ свойства краснаго, круглаго, легкаго и деревяннаго; потому что будучи красною, она не будетъ другою, если вмѣстѣ будетъ и круглою, а все останется красною и самой себѣ равною; будучи круглою, она не есть еще легкая, хотя и можетъ быть такою; и какъ деревянная, она и при другихъ свойствахъ остается деревянною.— Если же въ дѣйствительности это внутреннее различіе вещей имѣетъ мѣсто, при всемъ ихъ тождествѣ съ самими собою, то въ *мышленіи* оно возможно еще въ гораздо большемъ объемѣ и разнообразіи. Такъ какъ въ мышленіи согласіе выражаетъ только *возможное* отношеніе вещей, то по закону согласія въ предметѣ могутъ совмѣщаться всякія разности, какъ его стороны, исключая противоположностей, или что то же, сроднаго въ различномъ.

А *противорѣчіе въ сродствѣ различнаго производится изъ закона тождества и нетождества*. Если въ какой либо вещи соединены различные признаки, то эта вещь представляетъ разности, но въ различныхъ отношеніяхъ, и потому не перестаетъ быть самой себѣ равною; но если бы въ одной и той же вещи соедине-

ны были виды одного и того же рода, или сродныя разности, то она представляла бы нѣчто различное въ одномъ и томъ же отношеніи и слѣд. была бы тождественна и вмѣстѣ нетождественна самой себѣ. Напримѣръ, вещь не можетъ быть вмѣстѣ красною и голубою, круглою и четвероугольною, деревянною и желѣзною; въ противномъ случаѣ, она какъ красная, по своему цвѣту, была бы чѣмъ-то другимъ, т. е. голубою,—и какъ круглая, по своей фигурѣ, она тоже была бы чѣмъ то другимъ, т. е. четвероугольною.

На основаніи такого вывода, законы *согласія* и *противорѣчія*, какъ разширенные законы *тождества* и *нетождества*, можно выразить такъ: *одна и та же вещь можетъ быть различною въ различныхъ отношеніяхъ* (это законъ согласія); *но вещь не можетъ быть различною въ одномъ и томъ же отношеніи* (это законъ противорѣчія). Или короче: *одна и та же вещь можетъ имѣть различныя стороны, но каждая сторона должна быть равна самой себѣ.*

3. ЗАКОНЪ ДОСТАТОЧНАГО ОСНОВАНІЯ.

§ 35. Третій основный законъ мышленія есть законъ достаточнаго основанія, principium rationis sufficientis: *ничего не заключай безъ достаточныхъ основаній.*

Законъ этотъ есть основаніе для развитія мышленіемъ *причинныхъ отношеній.* Причинныя отношенія имѣютъ мѣсто или въ самомъ мышленіи, или въ бытіи, или въ томъ и другомъ со-

вмѣстно. Въ первомъ случаѣ члены этихъ отношеній называются *основаніемъ* и *слѣдствіемъ;* во второмъ—*причиною* и *дѣйствіемъ;* а въ послѣднемъ—*средствомъ* и *цѣлію,* когда дѣйствіе принимается за основаніе, а причина за слѣдствіе.

§ 36. Законъ достаточнаго основанія, по самому уже выраженію, есть не столько законъ, сколько *правило* для развитія причинныхъ отношеній, потому что онъ вовсе не есть такъ простое и естественно-необходимое дѣйствіе, какъ развитіе отношеній тождества и различія, согласія и противорѣчія; напротивъ, онъ требуетъ размышленія и есть свободное его дѣйствіе.

Это правило не дозволяетъ поставлять двухъ событій въ отношеніи причинности, потому только, что они многократно, или даже всегда, въ ограниченномъ кругѣ нашего опыта слѣдовали другъ за другомъ. Безразсудно было бы по этой одной внѣшней связи установлять между ними связь внутреннюю, и то, что происходитъ *post hoc*, принимать какъ *propter hoc,* потому что такое стеченіе событій легко можетъ быть дѣломъ одного случая. Показанное нами правило требуетъ, напротивъ, чтобы слѣдствіе только тогда было признаваемо за настоящее слѣдствіе, когда его достаточное условіе будетъ усмотрѣно изъ основаній. А это бываетъ тогда только, когда мы понимаемъ, какъ слѣдствіе вытекаетъ *изъ* основаній, или какъ основаніе развивается въ слѣдствія.

§ 37. Такъ какъ рѣдко какое либо дѣйствіе

зависитъ отъ одной причины, то обыкновенную въ Логикахъ формулу, требующую одного какого либо основанія, мы замѣнили другою, которая требуетъ *многихъ* основаній; изчисленіе этихъ основаній должно по этому продолжать до тѣхъ поръ, пока слѣдствіе изъяснится удовлетворительно.

Впрочемъ нужно замѣтить, что это правило, въ такой строгости, не только не выполняется мышленіемъ само собою, по естественной необходимости, но едва ли можетъ быть выполнено даже при всемъ нашемъ усиліи. И это во первыхъ потому, что едва ли возможно изыскать всѣ причины, способствующія какому либо дѣйствію, и мы по большей части довольствуемся только очевиднѣйшими, или по крайней мѣрѣ главными основаніями. Во вторыхъ, нашъ взоръ, и при самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ ежедневной жизни, не столь глубоко проникаетъ въ причинную связь, чтобы намъ понимать переходъ основаній въ слѣдствія. Вообще мы довольствуемся однимъ только гаданіемъ о причинной связи; нерѣдко мы составляемъ себѣ о ней даже ложныя представленія, такъ напр. когда перемѣну дня и ночи мы объясняемъ себѣ видимымъ движеніемъ солнца.

§ 38. Законъ основанія намъ надобно отличать отъ *закона причинности:* «все, что бываетъ, имѣетъ свою *достаточную причину.*» Логическимъ правиломъ: *ничего не заключай безъ достаточныхъ основаній,* ни сколько не рѣшается, происходятъ ли въ дѣйствительности событія безъ достаточной причины, или нѣтъ. При

немъ можно бы даже допустить существованіе безпричинныхъ событій; только мы разсматривали бы ихъ тогда, какъ такую матерію, которая для нашего мышленія не имѣетъ никакого смысла. Законъ причинности, какъ законъ *дѣйствительнаго* бытія, принадлежитъ метафизикѣ, между тѣмъ какъ законъ основанія, какъ логическій законъ, дастъ правила мышленію, а не дѣйствительности.

Примѣчаніе. Лейбницъ, который первый ввелъ въ Логику законъ основанія, еще смѣшиваетъ его съ закономъ причинности въ формулѣ: *nil fit sine ratione sufficiente*,—каковой законъ даже и при выраженіи *ratio* вмѣсто *causa* есть метафизическій законъ, а не логическій.

§ 39. Почти всѣ новѣйшіе логики (какъ напр. Шульцъ, Кругъ, Зигвартъ, Бахманъ и др.) дали закону основанія совершенно ложный оборотъ, принявъ его въ такомъ смыслѣ, что онъ служитъ не къ развитію отношеній причинности, а *къ сообщенію основанія познанію вообще;* напр. Бахманъ (Ч. I. стр. 73. § 27) выражаетъ его такъ: «утвержденіе и отрицаніе должны имѣть какое либо основаніе, которымъ бы они оправдывались.»

Такой законъ, очевидно, столь *всеобщъ и обширенъ,* что его нельзя поставить на ряду съ прочими законами, относящимися къ частнымъ дѣйствіямъ мышленія; это былъ бы законъ мышленія вообще, а не законъ частнаго мышленія.—Притомъ, онъ есть законъ *матеріальный,* а не логическій, законъ *познанія,* а не мышленія; онъ сказываетъ, что должно мыслить толь-

ко истинное, а не фантазировать, т. е. мыслить только основательное и дѣйствительное, а не возможное только и вѣроятное. Но онъ совсѣмъ не касается того, какъ мыслятъ или какъ должно мыслить, о чемъ собственно и спрашиваетъ Логика.—Какъ законъ мышленія, онъ былъ бы и *слишкомъ строгъ*, потому что никто не захочетъ отказаться отъ мышленія о возможномъ и вѣроятномъ, отъ мышленія піптическаго.—Что касается до *формальной основательности*, или логической истины мышленія, то она съ одной стороны утверждается на законахъ тождества и нетождества, согласія и противорѣчія, съ другой—должна также руководствоваться какимъ либо дальнѣйшимъ, особеннымъ закономъ для причиннаго вывода. Если угодно постановить всеобщій законъ для формальной основательности мышленія, то этотъ законъ должно выразить такъ: *не размышляй безъ основанія*, т. е. безъ руководительнаго закона. А можно ли какой либо предметъ мыслить безъ объективнаго основанія, или нѣтъ, это для Логики все равно, только бы безосновное мыслимо было правильно.

§ 40. Что новѣйшіе логики отнесли законъ основанія къ утвержденію нашего мышленія вообще и опустили изъ виду частный законъ мышленія о причинныхъ отношеніяхъ, къ тому побудило ихъ извѣстное сомнѣніе, вновь предложенное *Якобіемъ*. Этотъ философъ утверждалъ, что разумъ не можетъ изъ причины производить дѣйствія, отличнаго отъ нея, что мышленіе можетъ развивать одно изъ другаго только тожественное, а не различное, какъ объяснялъ это

и *Юмъ*, по мнѣнію котораго «связь причинъ и дѣйствій въ нашихъ мысляхъ есть простое наблюденіе постоянной послѣдовательности, только ожиданіе подобныхъ случаевъ.» — Конечно, если бы разумъ не могъ дѣйствительно выводить различное — одно изъ другаго, въ такомъ случаѣ излишне было бы и постановлять для этого особенный логическій законъ. И мы согласны, что большая часть умовъ останавливаются только на внѣшней связи причинъ и дѣйствій, такъ какъ много нужно размышленія и познанія для того, чтобы проникнуть въ причинную связь, хотя бы даже самыхъ простыхъ и самыхъ обыкновенныхъ событій, напр. въ связь между молніею и громомъ. Большая часть людей принимаетъ здѣсь причинную связь по одному простому указанію опыта, оттого, что для дознанія настоящей связи, для того т. е., чтобы видѣть, какъ молнія переходитъ въ громъ, потребно многое, — потребно знаніе свойствъ звука, молніи и ея дѣйствій на атмосферу. Однакожъ происхожденіе грома изъ молніи довольно достаточно объяснено физикою: значитъ, разумъ нашъ можетъ проникать въ причинную связь вещей. — Еслибъ мы согласились отнять у мышленія способность понимать причинную связь, то мы, явно, уничтожили бы прекраснѣйшую и занимательнѣйшую часть нашего познаванія. Причинный выводъ есть одно изъ важнѣйшихъ и обширнѣйшихъ дѣйствій мышленія и необходимо требуетъ особливаго закона.

4. МНИМЫЙ ЗАКОНЪ ИСКЛЮЧЕНІЯ ТРЕТЬЯГО И СРЕДНЯГО.

§ 41. Четвертымъ основнымъ закономъ мышленія обыкновенно приводятъ въ Логикѣ законъ исключенія третьяго или (правильнѣе: и) средняго между противорѣчащими противоположностями; *principium exclusi tertii, seu (et) medii inter duo contradictoria.*

Формула этого закона почти слѣдующая: «каждая вещь должна быть или *A* или не-*A;* каждой вещи изъ всѣхъ возможныхъ сказуемыхъ причествуетъ или положеніе или отрицаніе.»

Этотъ законъ легко отличить, какъ новый, отъ закона противорѣчія; законъ противорѣчія говоритъ только, что одна и та же вещь не можетъ быть вмѣстѣ *A* и не-*A*, а законъ исключенія третьяго сказываетъ, что она должна быть или то, или другое. Первый исключаетъ противорѣчащую противоположность, послѣдній показываетъ приложимость, даже необходимость приложенія одного изъ ея членовъ къ каждой безъ различія вещи, и въ этомъ отношеніи называется также закономъ совершенной опредѣлимости и опредѣленности.

§ 42. *Исключеніе третьяго* выражаетъ необходимость, чтобы всякая вещь непремѣнно относилась къ которой нибудь изъ двухъ противорѣчащихъ противоположностей, а не была чѣмъ либо совершенно другимъ.

Исключеніе средняго отрицаетъ переходы и средины между противоположностями.

Нѣтъ сомнѣнія, что логики приведены были къ этому странному закону слѣдующимъ, столько же ложнымъ, сколько и обольстительнымъ умозаключеніемъ: каждая вещь, заключали они, должна быть или *А* или *не-А*, потому, что если она не будетъ *А*, то уже конечно должна быть *не-А*. Совершенно ошибочно! потому что душа напр. не есть что либо твердое, и однакожъ она не есть и что либо нетвердое, т. е. жидкое.

Этотъ мнимый законъ мышленія основывается на совершенно ложномъ понятіи о противорѣчащей противоположности, по которому подъ *не-А*, слѣд. напр. подъ неблагоразумнымъ разумѣютъ неопредѣленно все возможное внѣ *А*, все прочее, кромѣ благоразумнаго, а не частнѣе— отрицаніе, противоположность, другую сторону положенія, какъ надлежало бы разумѣть. При точномъ и строгомъ понятіи о противорѣчащей противоположности, никому не пришло бы на мысль опредѣлять всѣ вещи всѣми возможными сказуемыми, или ихъ противорѣчащими противоположностями, напр. камень благоразумнымъ или неблагоразумнымъ, потому что камень не принадлежитъ къ родовому понятію разумнаго, котораго объемъ измѣряется помянутою противоположностію. Только тогда, когда мы подъ неблагоразумнымъ будемъ понимать все возможное, кромѣ благоразумнаго, будетъ принадлежать сюда и камень. Но кто въ цѣломъ свѣтѣ захочетъ мыслить такимъ образомъ,—захочетъ сказать о какомъ либо животномъ, напр.

о лошади, что она или учена или не учена, логикъ или не логикъ?

§ 43. Такимъ образомъ это логическое правило мышленія, какъ законъ исключенія *третьяго,* во всякомъ случаѣ совершенно погрѣшительно. Его надлежало бы по крайней мѣрѣ такъ ограничить: что «изъ тѣхъ признаковъ, которыми вещь опредѣляется, т. е. къ родовой сферѣ которыхъ принадлежитъ она, ей долженъ приличествовать или самый положительный признакъ, или его отрицательная противоположность.»

Въ этомъ болѣе ограниченномъ объемѣ, законъ исключенія третьяго, отрицая переходы, или средины между противоположностями, становится уже не больше, какъ закономъ исключенія *средняго.* Если напр. камень относится къ ближайшей родовой сферѣ физическаго бытія,—которая опредѣляется противоположностію органическаго и неорганическаго: то по этому закону онъ непремѣнно долженъ быть тѣмъ или другимъ изъ этихъ двухъ противоположныхъ себѣ членовъ; а еслибъ онъ могъ быть чѣмъ либо третьимъ, то онъ былъ бы уже чѣмъ-то *среднимъ,* полу-органическимъ и полу-неорганическимъ, чего законъ этотъ не допускаетъ. Но и въ такомъ видѣ этотъ законъ все еще ложенъ и не только не можетъ быть истиннымъ закономъ мышленія, а напротивъ, имѣетъ мѣсто развѣ при недостаткѣ сужденія, какъ напр. когда людей раздѣляютъ на добрыхъ и недобрыхъ, на благоразумныхъ и неблагоразумныхъ. Каждая такая безусловная похвала или осужде-

ніе показываетъ недостатокъ какъ сужденія, такъ и опыта. Здравый смыслъ, напротивъ того, повсюду гдѣ неумѣстно безусловное утвержденіе или отрицаніе, покушается найти среднее понятіе, напр. понятіе полу-доброты, полублагоразумія, или что тоже, добродушія и отважности.

Въ слишкомъ ограниченномъ раздѣленіи Англійскаго судопроизводства: «виновенъ или невиненъ,» мы находимъ даже политически вредное приложеніе этого логическаго, школьнаго правила: на основаніи его какой нибудь проказникъ можетъ быть осужденъ, а несравненно большій преступникъ освобожденъ, потому что не должно быть ничего средняго.

Правда, въ опытѣ бываетъ довольно случаевъ, когда между двумя противорѣчащими противоположностями мы не полагаемъ ничего средняго. Такъ въ случаѣ, напримѣръ, ожиданія какого либо обыкновеннаго произшествія, мы по большей части предполагаемъ одно изъ двухъ: «сбудется или не сбудется». И однакожъ, это наше ожиданіе исключительно одного изъ двухъ, нерѣдко бываетъ обмануто полуисполненіемъ его, или какимъ либо совершенно неожиданнымъ оборотомъ.

ГЛАВА III.

О ПОНЯТІЯХЪ.

§ 44. Понятіе есть представленіе общихъ, основныхъ чертъ какого либо класса предметовъ

и явленій,—есть общее представленіе, какъ напр. человѣкъ, животное.

Различаютъ понятія отъ представленій такимъ образомъ: понятія относятся къ безконечно многимъ предметамъ, представленія только къ одному; понятія обыкновенно содержатъ въ себѣ немного признаковъ, индивидуальное представленіе должно имѣть ихъ безконечное множество.

Однакожъ понятія въ своемъ основаніи суть *представленія,* и отличаются отъ простаго представленія только тѣмъ измѣненіемъ, какое принимаютъ они въ процессѣ мышленія. Именно, по своему *содержанію,* они остаются представленіями; отличительный ихъ характеръ, какъ понятій, заключается въ ихъ *формѣ,* или собственно въ ихъ *употребленіи.*

✓ *Форма* понятій есть всеобщность, между тѣмъ какъ простое представленіе имѣетъ форму частности. Впрочемъ это отличіе весьма относительно, потому что и представленіе уже всеобще, такъ какъ ничего индивидуальнаго нельзя представить или выразить въ его совершенно конкретной особности; представленіе напр. моей шляпы можетъ быть смѣшано съ представленіемъ другихъ шляпъ, и слѣд. оно имѣетъ въ себѣ уже нѣчто общее.

Собственный характеръ понятія заключается болѣе въ *употребленіи,* которое дѣлаютъ изъ него по его всеобщности и отношенію къ какому либо роду частныхъ предметовъ; а употребляютъ понятіе именно для того, чтобы

уразумѣть чрезъ него какіе либо частные предметы, чтобы въ немъ узнать ихъ общую, основную черту.—По этому характеръ понятія дѣлается чѣмъ-то необыкновенно измѣнчивымъ; онъ исключительно состоитъ во свѣтѣ разумѣнія, разливающемся изъ всеобщаго представленія на представленія частныя; безъ того, какъ напр. въ бездѣйствіи мысли, понятіе остается въ душѣ простымъ представленіемъ. Другими словами: понятіе только дотолѣ бываетъ понятіемъ, пока оно оживляется мыслію и содѣйствуетъ разумѣнію; мертвыя понятія суть простыя представленія. По этому и всякое представленіе, даже представленіе какого либо недѣлимаго, становится понятіемъ, какъ скоро оно служитъ къ уразумѣнію содержащагося подъ нимъ; напротивъ, всякое понятіе перестаетъ быть понятіемъ и дѣлается простымъ представленіемъ, если оно существуетъ въ сознаніи только для себя и безъ отношенія къ своимъ частностямъ: оно есть понятіе только тогда, когда служитъ ключемъ разумѣнія.

Примѣчаніе. Такъ какъ понятіе есть представленіе общаго содержанія, то нѣкоторые усомнились, есть ли *индивидуальныя понятія*, понятія о недѣлимыхъ. По видимому, о недѣлимомъ можно имѣть только представленіе: но на самомъ дѣлѣ, и о недѣлимомъ можно имѣть такое цѣльное представленіе, которое будетъ отвлеченіемъ отъ безконечно многихъ его частностей и случайностей и которое, подобно обыкновеннымъ понятіямъ, можетъ служить къ уразумѣнію этаго недѣлимаго.

Образованіе понятій.

§ 45. Понятія образуются двоякимъ способомъ: естественнымъ и искуственнымъ. Есте-

ственно образовавшееся понятіе есть неопредѣленный, общій образъ какого либо класса предметовъ; искуственно же образованное понятіе есть понятіе въ собственномъ смыслѣ слова.

Естественное образованіе понятій господствуетъ въ общежитіи и преимущественно годно для общежитія. О предметахъ ежедневнаго опыта образуется въ человѣческой душѣ, само собою, безъ наставленія и искуства, значительное количество понятій или обобщенныхъ представленій, которыя своимъ числомъ и свойствомъ удовлетворяютъ потребностямъ общежитія. Образъ происхожденія ихъ слѣдующій: при ежедневномъ обращеніи съ предметами, воспроизводятся въ насъ, по закону соприкосновенія, образы сходныхъ съ ними, прежде воспринятыхъ предметовъ; эти образы, мало по малу, сами собою обобщаются и составляютъ понятія, потому что въ памяти удобнѣе возобновляется сходное, а разности мало по малу какъ бы сглаживаются въ ней и опадаютъ.

Искуственное образованіе понятія производится собственно посредствомъ тѣхъ же самыхъ дѣйствій, только сознательнымъ и свободнымъ, а потому и болѣе точнымъ образомъ, именно посредствомъ *сближенія* подобныхъ представленій, ихъ *сравненія* и *отвлеченія*.

Сближеніе подобныхъ представленій производится при посредствѣ уже упомянутаго закона соприкосновенія, по которому одни изъ нихъ вызываются въ памяти другими (¹).

(¹) См. Руковод. къ Оп. Псих. §§ 129—131.

Сравненіе есть замѣчаніе одинакаго и различнаго во многихъ представленіяхъ, а не одного только сходнаго, чѣмъ ограничивается естественное понятіе. Сравненіе есть двойственное дѣйствіе, которое потому имѣетъ и двоякое названіе: *сличеніе* и *различеніе*.

Третье дѣйствіе, способствующее къ образованію понятія, *отвлеченіе*, есть опять двойственное дѣйствіе: отвлеченіе *одинакаго* и отвлеченіе отъ *различнаго*.

§ 46. Всѣ три отправленія, служащія къ образованію понятій, весьма сродны между собою, потому что сближеніе представленій есть не иное что, какъ начало сравненія, а отвлеченіе его окончаніе. По этому, все дѣйствіе образованія понятій можно свести, если угодно, къ сравненію.

Совершенно погрѣшаютъ, напротивъ того, тѣ изъ логиковъ, которые (какъ напр. Бахманъ) для образованія понятій, кромѣ сближенія, сравненія и отвлеченія почитаютъ необходимымъ еще четвертое дѣйствіе, именно *сложеніе* или *сліяніе* одинакихъ признаковъ, замѣченныхъ въ различныхъ предметахъ,—какъ будто извлеченныя изъ нихъ одинакія представленія находятся въ душѣ въ видѣ разсѣянныхъ элементовъ понятія, которые только еще должно свести къ единству его. Но на самомъ дѣлѣ, одинакія представленія, изъ какого бы множества отдѣльныхъ предметовъ они ни были извлечены, не остаются въ духѣ одно внѣ другаго, а напротивъ того, какъ скоро они дѣйствительно одинаки,

составляютъ внутри его только одно: совершенно одинакое можетъ быть раздѣляемо только пространствомъ, котораго нѣтъ въ духѣ.

§ 47. Искуственно образованное понятіе имѣетъ, особенно въ ученомъ отношеніи, неоспоримо великія преимущества предъ понятіемъ естественно образованнымъ. Это послѣднее, конечно, способно къ величайшей *ясности,* но у него недостаетъ опредѣленности содержанія и объема; его очертанія зыбки, его различные признаки слиты, предметы его не вполнѣ явственны; однимъ словомъ, у него недостаетъ *раздѣльности.* Между тѣмъ искуственно образованному понятію раздѣльность принадлежитъ по самому его происхожденію, потому что его содержаніе и объемъ при извлеченіи одинакаго должны быть пересмотрѣны въ подробности и при отдѣленіи его отъ разностей должны быть точно отграничены. Такое различіе раздѣльности искуственнаго и нераздѣльности естественнаго понятія въ особенности бываетъ ощутительно, когда нужно дать опредѣленіе или объясненіе понятію. Искуственное понятіе опредѣляется легко и точно, такъ какъ его содержаніе сознано въ подробности; напротивъ, при естественныхъ понятіяхъ повсюду встрѣчается то неудобство, что хотя мы весьма хорошо знаемъ, или лучше сказать, чувствуемъ ихъ значеніе, однако находимъ себя въ величайшемъ затрудненіи высказать его, потому что только теперь приходится подумать о содержаніи этихъ понятій, разложить его и впервые всмотрѣться въ его частности.

§ 48. Но съ другой стороны, и естественное понятіе имѣетъ преимущество предъ искусственнымъ. Ученое образованіе понятія не всегда бываетъ столь вѣрно, какъ естественное, потому что при немъ мысль легко подвергается опасности—случайныя и несущественныя сходства, которыя наблюдались безразлично, возвысить въ родовой характеръ, а существенныя опустить изъ виду; между тѣмъ, при естественномъ образованіи понятій почти необходимо и само собою схватывается существенное, потому что въ непрерывномъ воспроизведеніи сходныхъ представленій, отъ нихъ сами собою остаются только ихъ основныя черты.

Оттого искуственно образованное понятіе всегда еще имѣетъ нужду въ *повѣркѣ*. То есть, чтобы убѣдиться, что мы дѣйствительно схватили родовой характеръ недѣлимыхъ, должно испытать, точно ли понятіе представляетъ собою субстанцію, управляющую всѣми ихъ явленіями, а индивидуальныя качества—одно ея видоизмѣненіе.

§ 49. Но въ особенности, общій образъ естественнаго понятія имѣетъ *практическія* преимущества предъ искуственнымъ понятіемъ. Онъ прилагается гораздо скорѣе, легче и вѣрнѣе. Непосредственно почерпнутый изъ жизни, онъ легко и вѣрно снова узнаетъ себя въ жизни; между тѣмъ ученый, съ величайшимъ богатствомъ точныхъ и тонкихъ искуственныхъ понятій, нерѣдко остается чуждымъ среди міра, въ которомъ онъ не умѣетъ найтись,—часто не видитъ приложенія самыхъ близкихъ и мѣткихъ поня-

тій, а попадаетъ на понятія самыя изысканныя и неестественныя. Уже по своему происхожденію общій образъ какъ бы самъ собою находитъ въ опытѣ предметы, съ которыхъ онъ взятъ. А въ особенности, неопредѣленный и зыбкій его очеркъ, который въ ученомъ отношеніи составляетъ темную сторону понятія, въ практическомъ отношеніи служитъ ему въ пользу, потому что этимъ облегчается его приложеніе; искуственное же понятіе, съ точностію опредѣленное и отграниченное, не такъ легко сходится съ дѣйствительностію; своимъ рѣзкимъ очеркомъ оно повсюду какъ бы сталкивается съ несходствами.

Величайшее достоинство имѣетъ искуственное понятіе, когда чрезъ частое употребленіе въ дѣйствительности перейдетъ въ навыкъ и какъ бы въ естественное понятіе: тогда оно соединяетъ въ себѣ теоретическую раздѣльность и практическую удобоприложимость. Естественное понятіе превращается въ искуственное чрезъ отдѣленіе его отъ другихъ сродныхъ понятій и разъясненіе признаковъ, содержащихся въ немъ.

§ 50. Главное дѣйствіе, употребляемое мышленіемъ для разработки представленій, есть (какъ сказано выше § 46) сравненіе, или что тоже, *сличеніе* и *различеніе*. При сличеніи предметовъ и представленій между собою необходимо требуется, чтобы они взаимно себя закрывали; пока они раздѣлены, до тѣхъ поръ нѣтъ процесса сличенія. Если мы напр. хочемъ двѣ видимыя вещи сличить между собою, то недовольно приблизить ихъ одну къ

другой, а нужно или дѣйствительно или мысленно наложить ихъ другъ на друга, какъ масштабъ на измѣряемый предметъ. Хотя сличеніе, по видимому, происходитъ и безъ наложенія одного предмета къ другому, чрезъ простое ихъ противопоставленіе: однако при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что если мы и не налагаемъ самыхъ предметовъ другъ на друга, то составляемъ по крайней мѣрѣ представленіе объ одномъ изъ нихъ и посредствомъ его разсматриваемъ другой предметъ. Оттого и переносимся мы постоянно отъ одного къ другому, чтобы возобновлять непрестанно погасающее представленіе. Сличеніе въ томъ и состоитъ, чтобы покрывая представленіемъ одного предмета представленіе другаго, смотрѣть, какъ далеко сходятся они между собою и какъ далеко расходятся.

Сличеніе и различеніе, по этому, основываются на законѣ тождества и нетождества: сличеніе управляется закономъ тождества, а различеніе закономъ нетождества. Именно, какъ два совершенно одинакія представленія внутренно всецѣло совпадаютъ и составляютъ одно, то одинакость двухъ или многихъ, пространственно раздѣленныхъ предметовъ вообще мы узнаемъ изъ того, что они внутренно и въ представленіи суть одно; и что внутренно и въ мысли составляетъ одно, то мы и называемъ одинакимъ. Все напротивъ, что внутренно и въ представленіи въ какой бы то ни было мѣрѣ составляетъ еще два, мы называемъ различнымъ, и потому различіе многихъ предметовъ познается по нетождеству ихъ представленій.

§ 51. Ту двойственную дѣятельность, которою мышленіе образуетъ понятія и покрываетъ ихъ одни другими, именно сличеніе и различеніе, приписываютъ особенной способности души, *остроумію*.

Остроуміе есть не иное что, какъ способность сличать и различать, особенно если она развивается въ высшей степени, такъ что открываетъ соотношеніе и сродство тамъ, гдѣ обыкновенный глазъ усматриваетъ только разности, и напротивъ замѣчаетъ разности и тамъ, гдѣ для обыкновеннаго взора все сливается.

Противоположность остроумія есть *тупоуміе*, которое не видитъ одинакаго и смѣшиваетъ между собою различное. Если остроуміе запутывается въ мѣлкихъ и изысканныхъ сходствахъ или разностяхъ, то дѣлается *утонченностію*.

Остроуміе переработываетъ хаотическую массу прѣдставленій, накопившуюся въ нашей памяти, въ стройный міръ понятій тремя процессами: а) *образованіемъ положеній*, б) *понятій* въ собственномъ смыслѣ слова и в) *системы;* потому что два отправленія остроумія, т. е. сличеніе и различеніе дѣйствуютъ въ немъ или преемственно, или совмѣстно.

а) Образованіе положеній.

§ 52. Первый процессъ, которымъ начинается разработка познанія, доставляемаго чувствомъ и памятію, т. е. образованіе положеній, основывается на *различеніи* какъ предметовъ и

представленій между собою, такъ каждаго порознь предмета и представленія по его частямъ и признакамъ.

Чрезъ различеніе предметовъ и представленій *между собою,* мы приходимъ къ сознанію ихъ множественности, между тѣмъ какъ безъ этого процесса они сливались бы въ одну хаотическую массу. Но до неизмѣримости разширяетъ наши познанія остроуміе, когда оно проникаетъ *въ каждое* наблюденіе и представленіе *порознь,* и различаетъ его на его признаки и части. Этотъ процессъ развитія безконеченъ и неисчерпаемъ; потому что каждый предметъ, даже самый обыкновенный предметъ общежитія, заключаетъ въ себѣ безчисленное множество частей и признаковъ, котораго нельзя ни исчерпать ни изучить. Но пока это содержаніе различеніемъ и замѣчаніемъ не развито въ подробности, до тѣхъ поръ для нашего познанія оно какъ будто и не существуетъ; мы не знаемъ его, хотя и носимъ въ себѣ въ слитномъ представленіи.

§ 53. Посредствомъ такого различенія остроуміе образуетъ *положенія,* разлагая предметы на ихъ части и свойства, а причинныя связи— на ихъ члены.

Разложеніе предметовъ на ихъ части и свойства производится показаніемъ принадлежностей, сказуемыхъ, или интранзитивныхъ глаголовъ, т. е. выражающихъ какое либо качество, непереходящее на другіе предметы; напр. растеніе принимаетъ въ себя влагу, обращаетъ

соки; имѣетъ пріятный запахъ, хорошій вкусъ; растетъ, цвѣтетъ. Такого рода положенія мы называемъ *интранзитивными*.

Напротивъ того разложеніе причинной связи на ея члены производится показаніемъ отношенія между дѣйствующимъ субъектомъ и страждущимъ объектомъ, посредствомъ транзитивнаго глагола, т. е. выражающаго качество или дѣйствіе, переходящее отъ одного предмета на другой; напр. огонь жжетъ; буря причиняетъ опустошенія. Такого рода положенія называются *транзитивными*.

Примѣчаніе. Сюда собственно надлежало бы отнести ближайшее разсмотрѣніе положеній и ихъ различныхъ видовъ и отмѣнъ. Но какъ положеніе по формѣ совершенно сходно съ сужденіемъ, да и по содержанію тождественно съ нимъ, потому что въ сужденіи развиваются тѣже самыя отношенія, только съ другой и высшей точки зрѣнія; то положенія и сужденія можно разсматривать вмѣстѣ. Такъ обыкновенно и дѣлается въ Логикѣ, только по большей части безъ всякаго, или по крайней мѣрѣ, безъ надлежащаго различенія ихъ между собою.

в) Образованіе понятій въ собственномъ смыслѣ слова.

§ 54. Различеніе предметовъ и представленій между собою, и разложеніе каждаго изъ нихъ порознь на его части и признаки, предшествуетъ образованію понятій; потому что какъ понятіе выражаетъ собою одинаковое въ различныхъ представленіяхъ, то прежде всего они должны быть раздроблены на ихъ частные

признаки, чтобы среди различія можно было замѣтить эту одинакость. Пока одинакое и различное срощено и слито одно съ другимъ, до тѣхъ поръ однородныя черты или вовсе не обнаруживаются между ними, или являются въ видѣ только слабыхъ намековъ и сходствъ. Такъ точно и тѣлесныя вещества прежде всего должны быть разрѣшены, чтобы могло обнаружиться между ними химическое притяженіе частицъ, и тогда сродныя найдутъ себя и соединятся, а все чуждое отдѣлится.

Но какъ скоро представленія раздроблены на ихъ части и признаки, то вдругъ начинается и второй процессъ остроумія,—*сличеніе*, и вмѣстѣ съ нимъ образованіе понятій: то, что есть общаго и одинакаго во многихъ представленіяхъ, само собою соединяется, потому что внутренно, въ духѣ, оно есть одно.

§ 55. Постепенно слѣдя такимъ образомъ одинакое въ различномъ, остроуміе образуетъ понятія, которыя далѣе и далѣе подчиняются все высшимъ понятіямъ. Такъ напр. одинакое въ различныхъ людяхъ порознь совпадаетъ въ понятіи человѣческой природы; эта между различными своими чертами содержитъ въ себѣ признаки, общіе человѣку и съ прочими животными, и такимъ образомъ происходитъ высшее понятіе животной природы; эта послѣдняя опять въ нѣкоторыхъ признакахъ совпадаетъ съ царствомъ растительнымъ, и отсюда происходитъ еще высшее понятіе природы органической.

Такимъ образомъ остроуміе, обнимая сличе-

ніемъ болѣе и болѣе обширнѣйшіе круги, производитъ восходящій рядъ все высшихъ и высшихъ понятій, которыя соразмѣрно тому уменьшаются въ числѣ. Наши познанія образуются и устрояются пирамидально. Обширную основу составляютъ представленія индивидуумовъ; а эти представленія располагаются въ восходящій по обширности, но умаляющійся въ числѣ рядъ все высшихъ понятій, пока пирамида не завершится наконецъ однимъ высочайшимъ и самымъ общимъ понятіемъ *бытія*.

в) Образованіе системы, или классификація.

§ 56. Тогда какъ въ образованіи положеній остроуміе употребляетъ одно почти различеніе, а въ образованіи понятій почти одно сличеніе, оно обнаруживаетъ *оба* эти дѣйствія, когда замѣчаетъ *различное въ одинакомъ*, и *одинакое въ различномъ*, и одинакое дѣлаетъ *родовымъ понятіемъ*, а различное—*понятіемъ видовымъ*.

Отсюда происходитъ всякое дѣленіе и расположеніе низшихъ понятій подъ высшими,—*классификація:* для науки это *система*, а для общежитія—*здравый умъ*.

Соотношенія понятій.

§ 57. Понятія имѣютъ двѣ стороны, по которымъ они могутъ вступать между собою въ соотношеніе: именно *объемъ* и *содержаніе;* и эта двусторонность повторяется далѣе по всей Логикѣ во всѣхъ сочетаніяхъ понятій. Мы

можемъ эту двусторонность понятій назвать двоякою величиною, по которой можно сравнивать ихъ между собою въ двухъ различныхъ отношеніяхъ.

Подъ *объемомъ* понятія разумѣется сумма содержащихся подъ нимъ недѣлимыхъ и видовъ; а подъ *содержаніемъ* разумѣются заключающіеся въ понятіи признаки. Объемъ есть то, что понятіе содержитъ *подъ* собою, а содержаніе,— что понятіе заключаетъ *въ себѣ*. Первый мы можемъ назвать внѣшнею и экстенсивною величиною понятій, а послѣднее—внутреннею и интенсивною.

§ 58. Объемъ и содержаніе каждаго понятія находятся между собою въ опредѣленномъ отношеніи, именно въ обратномъ, т. е. чѣмъ больше объемъ понятія, тѣмъ меньше его содержаніе, и наоборотъ. Причина та, что многимъ различнымъ недѣлимымъ и видамъ причествуютъ только немногіе общіе признаки; многіе же признаки причествуютъ только немногимъ различнымъ предметамъ.

Съ прибавленіемъ признаковъ сфера понятія ограничивается и стѣсняется, а съ опущеніемъ ихъ разширяется. Чрезъ прибавленіе новаго признака (напр. планетный, печатный) къ понятію (напр. небесное тѣло, книга), его содержаніе опредѣляется точнѣе; а слѣд. изъ него исключаются всѣ тѣ предметы, которымъ тотъ новый признакъ не причествуетъ (напр. неподвижныя звѣзды, рукопись), между тѣмъ какъ до

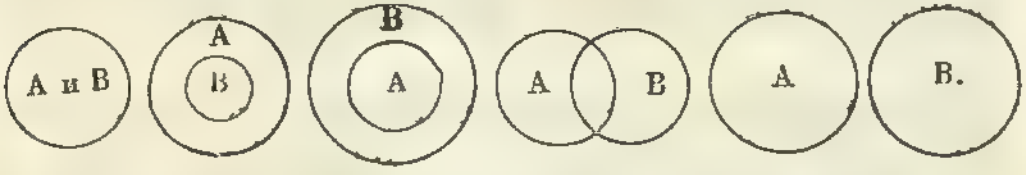
внесенія признака въ понятіе и они содержались подъ нимъ.

По этому можно сказать, чѣмъ обширнѣе понятія, тѣмъ они бѣднѣе, а чѣмъ они тѣснѣе, тѣмъ богаче. Малымъ числомъ понятій, даже однимъ изъ нихъ (напр. понятіемъ *нѣчто, вещь*), можно обозрѣвать все, что существуетъ и въ мысляхъ и въ дѣйствительности, но мы мало этимъ узнаемъ; потому что обнимая все, мы собственно не понимаемъ ничего.

§ 59. Понятія можно разсматривать или 1) во взаимномъ ихъ отношеніи *между собою*, или 2) въ отношеніи къ *нашему познанію*. Въ первомъ случаѣ происходятъ разности понятій *объективныя*, а въ послѣднемъ—*субъективныя*.

I. Понятія, разсматриваемыя *между собою*, находятся въ многоразличныхъ соотношеніяхъ какъ со стороны А) *объема*, такъ и Б) со стороны *содержанія*.

А. Отношенія понятій со стороны *объема* суть: а) *закрытіе*, б) *подчиненіе*, в) *сподчиненіе* и г) *пересѣченіе*,—потому что если мы, какъ обыкновенно и дѣлаютъ, представимъ понятія со стороны ихъ объема въ видѣ круговъ: то, какъ видно изъ самаго ихъ изображенія, между ними возможны только слѣдующіе способы сочетанія:



т. е. или круги закрываются одинъ другимъ, такъ

что одно понятіе имѣетъ точно такой же объемъ какъ и другое; или одно понятіе совершенно входитъ въ кругъ другаго и подчиняется ему; или понятія частію входятъ одно въ другое, а частію остаются одно внѣ другаго и пересѣкаются; или наконецъ остаются совершенно одно внѣ другаго, но и тогда, если только они оба сподчиняются высшему понятію, имѣютъ еще логическое отношеніе между собою.

а) Отношеніе *закрытія* имѣетъ мѣсто между различными возможными понятіями одного и того же рода, напр. между понятіями: живое и органическое существо.

б) Отношеніе *подчиненія*, напротивъ, бываетъ между двумя понятіями, изъ которыхъ одно (подчиняющее) заключаетъ подъ собою другое (подчиненное), какъ часть своего круга; напр. органическое и животное. Первое называется *высшимъ, обширнѣйшимъ*, а послѣднее *низшимъ, тѣснѣйшимъ*.

Подчиненіе понятій одного другому бываетъ или *непосредственное*, когда понятіе низшее безъ посредствующаго заключается подъ высшимъ, напр. треугольникъ прямоугольный и треугольникъ вообще; или *посредственное*, когда между высшимъ и низшимъ понятіями находится понятіе посредствующее; наприм. прямоугольный треугольникъ и геометрическая фигура.

Подчиняющее понятіе есть *родъ*, а подчиняемое—*видъ*. Впрочемъ эти названія, какъ и вообще подчиненіе, *относительны*, потому что

одно и тоже понятіе, которое по отношенію къ одному есть подчиненный видъ, въ отношеніи къ другому можетъ быть подчиняющимъ родомъ. Эта относительность подчиненія имѣетъ два крайніе полюса: есть высочайшее понятіе, надъ которымъ уже нѣтъ высшаго,—это понятіе *бытія;* и есть понятія самыя низшія, которыя уже не заключаютъ подъ собою еще низшихъ понятій,—это понятія о предметахъ индивидуальныхъ.

§ 60. в) *Сподчиненіе* находится между такими понятіями, которыя въ равной степени подчинены одному высшему понятію, или оба равно составляютъ непосредственныя части своего круга, какъ напр. животныя и растенія, какъ составныя части круга царства органическаго; напротивъ того понятія растеній и млекопитающихъ животныхъ не суть сподчиненныя, потому что,—хотя это суть части одного же круга, именно царства органическаго,—этому понятію они подчинены не въ равной степени. Понятія не въ равной степени подчиненныя одному общему, высшему понятію, конечно, все еще находятся въ опредѣленномъ отношеніи между собою, но это отношеніе въ мышленіи неупотребительно.

Сподчиненные члены сферы одного высшаго понятія, если только она правильно раздѣлена, должны взаимно исключать себя и образовать противоположности,—какъ напр. органическій и неорганическій. Это суть виды одного рода; оттого сподчиненныя понятія называютъ также *разобщенными* (notiones disjunctæ).

г) *Пересѣченіе* понятій бываетъ тогда, когда круги ихъ взаимно пересѣкаются, т. е. частію входятъ одинъ въ другой, а частію остаются одинъ внѣ другаго, какъ напр. желтый и тяжелый. Но это отношеніе рѣдко находитъ приложеніе въ мышленіи.

Такія понятія, которыхъ сферы совершенно остаются одна внѣ другой и однакожъ не подчиняются общей сферѣ высшаго понятія, должно назвать *несоизмѣримыми,* каковы напр. деревянный и добродѣтельный. Но какъ всѣ предметы міра заключаются наконецъ подъ однимъ высочайшимъ родомъ; то въ собственномъ смыслѣ нѣтъ понятій несоизмѣримыхъ, а есть только такія, которыхъ высшій родъ слишкомъ отдаленъ для обыкновеннаго мышленія.

§ 61. На подчиненіи и сподчиненіи понятій основывается *классификація* или система,— это великое и могущественное средство разсудка покарять своей власти неизмѣримое богатство познанія,—средство, которое столь же много содѣйствуетъ упрощенію, какъ и умноженію познаній. Содѣйствуетъ *упрощенію,* потому что только классификація вноситъ въ хаосъ представленій порядокъ и связь, предлагаетъ руководительныя нити въ обширной ткани познанія, и такимъ образомъ даетъ способъ обозрѣвать и покарять себѣ неизмѣримое богатство его, въ которомъ безъ такого распорядка духъ нашъ легко потерялся бы. А главное,—классификація служитъ единственнымъ средствомъ живо представлять памяти безконечно многія подробности, потому что образуетъ какъ бы клѣтки, въ

которыхъ нашъ духъ всякую минуту можетъ найти все, чего бы ни сталъ искать онъ въ обширной области науки.

Съ другой стороны, классификація не менѣе служитъ къ *умноженію* познаній, потому что подчинивши предметъ его виду и роду, вмѣстѣ съ этимъ переносимъ на него и то познаніе, которое имѣемъ объ нихъ; между тѣмъ какъ безъ этого, мы должны были бы снова изучать родовой и видовой характеръ въ каждомъ индивидумѣ.

§ 62. Б.) Со стороны *содержанія*, понятія находятся въ отношеніи *одинакости* или *различія*, между которыми переходъ составляютъ *сходство*, *сродство* и *включеніе*.

а) *Одинакими* или *взаимнозамѣнимыми* понятіями должны быть тѣ, у которыхъ всѣ признаки были бы общи, такъ что ихъ различіе состояло бы только въ словесномъ выраженіи. Впрочемъ, весьма сомнительно, есть ли понятія совершенно взаимнозамѣнимыя? *Синонимы* если и относятся къ одному и тому же предмету и по видимому выражаютъ одно и тоже понятіе о немъ, всегда однакожъ имѣютъ какой либо особый смыслъ, которымъ оправдывается ихъ совмѣстное существованіе въ языкѣ, именно онѣ обнимаютъ предметъ съ различныхъ сторонъ, и выражаютъ различные взгляды на него. Такъ напр. добродѣтель и нравственность, по видимому, выражаютъ одно и тоже понятіе; а между тѣмъ въ школахъ ими обозначаютъ различные взгляды на нравственное совершенство:

именемъ добродѣтели означаютъ твердость воли въ борьбѣ; напротивъ того нравственностію называютъ совершеннѣйшую и возвышенную надъ борьбою любовь къ добру. Взаимнозамѣнимыя понятія закрываются одно другимъ по объему.

б) Два понятія, какъ скоро они не суть два различныя выраженія одной и той же мысли, должны *различаться* между собою по крайней мѣрѣ однимъ признакомъ. Впрочемъ, они могутъ отличаться одно отъ другаго многими или и всѣми признаками; въ послѣднемъ случаѣ они *совершенно различны*. Совершенно различныя понятія пересѣкаются по объему, или по крайней мѣрѣ заключаютъ въ себѣ возможность пересѣченія.

в) Промежуточныя отношенія *сходства и сродства* не составляютъ собственно двухъ различныхъ степеней перехода между одинакостію и различіемъ, а зависятъ отъ большей или меньшей раздѣльности сличенія. Одинакость въ различномъ, сознаваемая неопредѣленно, называется *сходствомъ;* а опредѣленно сознаваемая – *сродствомъ*. Напр. тигръ и барсъ будутъ понятіями *сходными,* если одинаковыя черты между ними представляются намъ неопредѣленно; напротивъ—*сродными,* ежели мы опредѣленно сознаемъ въ обоихъ одну лютость, видъ, ростъ и пр.

г) *Включеніе* бываетъ тогда, когда понятіе вмѣщаетъ въ себѣ одинъ или нѣсколько признаковъ другаго. Въ отношеніи включенія по-

вторяется одно изъ отношеній объема, именно отношеніе *подчиненія*, только обратнымъ образомъ, потому что здѣсь включаемое понятіе, по объему, есть цѣлое, а включающее—часть. Напр. понятіе *животное* включается въ понятіи *человѣкъ*, но первое есть цѣлое, а послѣднее его часть.

Эти отношенія понятій по содержанію, такъ же какъ и отношенія ихъ по объему, познаются посредствомъ закона тождества и нетождества.

§ 63. Относительно понятій различныхъ, и притомъ совершенно или только отчасти различныхъ, дѣлаютъ вопросъ: могутъ ли они, или не могутъ *соединяться* въ одномъ актѣ представленія? На этомъ основывается второе отношеніе понятій по содержанію—ихъ *согласіе* и ихъ *противоположность* и *противорѣчіе*, что и познается по закону согласія и противорѣчія. Понятія совмѣстимыя въ одномъ актѣ представленія суть *согласныя*, напр. существо, разумное, свободное; а несовмѣстимыя въ представленіи одного предмета называются *противоположными, противорѣчащими*. Напр. треугольный, квадратный.

Эти новыя отношенія понятій происходятъ не чрезъ сличеніе, но чрезъ покушеніе соединить два понятія. Несправедливо, по этому, называютъ противорѣчіе высшею степенью различія, тѣмъ болѣе, что противорѣчащія понятія въ собственномъ смыслѣ не различаются совершенно, а напротивъ весьма сродны между собою; даже совершенное различіе понятій соб-

ственно служитъ основаніемъ ихъ согласія. Одни и тѣже по содержанію понятія, которыя при сличеніи являются совершенно различными, будучи мыслимы совмѣстно, становятся согласными; напр. *разумъ* и *животность* весьма многими чертами различаются до противоположности, и однако оба они совмѣщаются мышленіемъ въ понятіи человѣка. Равнымъ образомъ мышленію совмѣстному являются противоположными и противорѣчащими тѣ понятія, въ которыхъ сличеніе находитъ ближайшее сродство. Напр. *треугольникъ* и *квадратъ* имѣютъ многія сходныя черты, но не могутъ быть мыслимы совмѣстно и потому суть понятія противорѣчащія.

§ 64. Противоположность понятій, составляющихъ при совмѣстномъ мышленіи противорѣчіе, бываетъ, какъ и противоположность вообще, двухъ родовъ: *положительная или противная и отрицательная или противорѣчащая.* Отрицательная противоположность понятій всегда бываетъ двухчленная, какъ напр. *А* и *не А, рука* и *не рука;* а положительная противоположность можетъ быть трехчленная и многочленная; напр. *голова, рука, нога,* какъ члены тѣла. Только положительная противоположность соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а отрицательная составляетъ мысленную замѣну положительной и объемлетъ всѣ ея члены.

Такъ какъ положительно и отрицательно противоположныя понятія принадлежатъ одному роду, какъ виды его или подвиды: то отношеніе противоположности и противорѣчія въ содержаніи

понятій соотвѣтствуетъ отношенію сподчиненія въ ихъ объемѣ. Напротивъ того согласіе, основывающееся на совершенномъ различіи понятій, соотвѣтствуетъ ихъ пересѣченію со стороны объема, впрочемъ такъ, что хотя всѣ пересѣкающіяся понятія согласны между собою; однако не всѣ согласныя понятія дѣйствительно пересѣкаются, а только имѣютъ къ тому возможность.

§ 65. 2) По отношенію *къ нашему познанію* и его степенямъ, понятія имѣютъ, въ объемѣ и содержаніи, свои особыя разности; именно есть понятія *темныя, ясныя и раздѣльныя* (1).

Темнота понятій состоитъ въ недостаткѣ сознанія о предметѣ, именно въ недостаткѣ или ясности, или раздѣльности сознанія. Оба послѣднія свойства означаютъ не различныя степени, а только различные виды того, какъ мы сознаемъ понятіе, такъ что въ ясныхъ понятіяхъ можетъ имѣть мѣсто таже самая степень сознанія, какъ и въ раздѣльныхъ.

---

(1) По отношенію къ нашему *познанію* можно еще различать между понятіями—*опытныя* отъ *умственныхъ*, или *умопонятій* (см. издан. мною руков. къ Оп. Псих. стр. 274—5). Но такъ какъ эта разность понятій есть не *формальная*, а *матеріальная*, т. е. зависитъ отъ различія познаваемыхъ предметовъ, а не отъ какой либо особенной формы ихъ образованія, то Логика, занимающаяся только формальною стороною познанія, не имѣетъ надобности входить въ разсмотрѣніе этой разности.

Ясность есть сознаніе понятія *въ цѣломъ*, причемъ его объемъ и содержаніе озаряются для нашей мысли, какъ бы то ни было ярко, но только вообще. Такъ понятіе о человѣкѣ будетъ яснымъ, когда мы живо представляемъ его себѣ обитателемъ различныхъ частей свѣта и одареннымъ многоразличными способностями. А *раздѣльность* есть сознаніе понятія въ его частностяхъ; причемъ мысль должна входить въ самыя подробности его объема или содержанія. Напр. тоже самое понятіе о человѣкѣ будетъ раздѣльнымъ, если мы сознаемъ различныя породы его съ ихъ отличительными чертами и существенныя его силы и способности въ ихъ многоразличныхъ направленіяхъ. Ясность составляетъ преимущество понятій естественныхъ, а раздѣльность—искуственно образованныхъ.

Оба эти преимущества могутъ не только быть раздѣлены, но даже входить въ противоположность между собою; какъ напр. самыя ясныя понятія о предметахъ житейскихъ менѣе всего могутъ быть опредѣляемы, потому что, чѣмъ яснѣе они сами по себѣ, тѣмъ меньше мысль находитъ побужденія входить въ ихъ подробности; съ другой стороны, иное понятіе до того бываетъ разложено и раздроблено, что среди подробностей теряется мысль о цѣломъ.

§ 66. *Разъясненіе* понятія, или приведеніе его къ *раздѣльному* сознанію, состоитъ въ развитіи и разложеніи его, какъ со стороны содержанія на его признаки, такъ и со стороны объ-

ема на его виды и частные предметы. Такимъ образомъ должно различать двоякаго рода разъясненіе понятій: *по содержанію* и по *объему* (интенсивное и экстенсивное).

Логики обыкновенно разсматриваютъ только одинъ видъ разъясненія понятій,—именно разложеніе ихъ на признаки, и отсюда заключаютъ, что простыя понятія не могутъ быть разъясняемы. Но чѣмъ понятія проще, или скуднѣе по содержанію, тѣмъ большій имѣютъ они объемъ; и потому тѣмъ больше даютъ мѣста разъясненію со стороны объема.

Такъ какъ есть понятія съ безконечно малымъ содержаніемъ, или простыя, и съ другой стороны, понятія малѣйшія по объему, т. е. понятія недѣлимыя; то первыя, хотя не могутъ быть разъясняемы по содержанію, но за то тѣмъ большему подлежатъ раздробленію по объему; напротивъ того послѣднія, не допуская разъясненія въ объемѣ, способны тѣмъ къ большему раздробленію со стороны содержанія.

Примѣч. 1. По причинѣ важности и практическаго достоинства, какое принадлежитъ разъясненію понятій, хорошо имѣть въ виду оба его способа, потому что, когда оно будетъ неудачно по одному способу, то легко можетъ быть произведено по другому.

Прим. 2. Въ школьномъ употребленіи разъясненіе понятій по содержанію есть опредѣленіе, а по объему—раздѣленіе, или если производится посредствомъ примѣровъ—объясненіе.

ГЛАВА IV.

О СУЖДЕНІЯХЪ.

§ 67. Подъ именемъ сужденія въ Логикахъ обыкновенно разумѣютъ довольно разнородныя дѣйствія мышленія, которыя впрочемъ всѣ имѣютъ между собою то общее, что *состоятъ въ развитіи и показаніи внутренняго отношенія двухъ представленій;* и это есть первое, самое общее и обширное опредѣленіе сужденія.

Къ сужденію, понимаемому въ такомъ обширномъ смыслѣ, относится во первыхъ *положеніе,* какъ *интранзитивное,* такъ *и транзитивное,* изъ которыхъ первое есть разложеніе предмета на его части и свойства; а послѣднее—разложеніе причинной связи на ея члены.

Интранзитивное положеніе состоитъ въ показаніи признака предмета, будетъ ли это часть его, или свойство. О первой говорится, что предметъ имѣетъ ее, а о послѣднемъ, что предметъ есть это свойство, и притомъ это выражается или въ формѣ сказуемаго съ связкою, напр. этотъ человѣкъ добръ; или въ формѣ неотъемлемой принадлежности, напр. человѣкъ разуменъ; или интранзитивнаго глагола, напр. человѣкъ видитъ, слышитъ.

Напротивъ того, *транзитивное положеніе* состоитъ въ показаніи дѣйствія, переходящаго отъ дѣйствующей причины на страждущій пред-

метъ. Школьная формула такого положенія выражаетъ отношеніе между субъектомъ и объектомъ, посредствомъ транзитивнаго глагола; напр. солнце согрѣваетъ землю.

Къ сужденію, принимаемому въ обширномъ значеніи, относятся, во вторыхъ, *сужденіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ и причинное наведеніе.*

Сужденіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ состоитъ въ подведеніи предмета подъ понятіе, и выражается совершенно такимъ же образомъ, какъ интранзитивное положеніе, а именно приложеніемъ понятія, какъ сказуемаго, къ предмету, какъ подлежащему; напр. это картина фламандской школы.

Причинное наведеніе состоитъ или въ приведеніи причинъ на представляющееся дѣйствіе, или въ выводѣ дѣйствій изъ предлежащей причины. Оно можетъ принимать форму транзитивнаго положенія, но большею частію разлагается на два положенія, связанныя между собою причинными союзами. Напр. когда восходитъ солнце, то съ земли поднимаются пары.

§ 68. Не смотря на различную дѣятельность мышленія, въ самомъ существѣ, интранзитивное положеніе соотвѣтствуетъ сужденію, а транзитивное—причинному наведенію: потому что въ двухъ первыхъ развивается отношеніе тождества между подлежащимъ и сказуемымъ; а въ двухъ послѣднихъ—причинное отношеніе между причиною и дѣйствіемъ.

И опять, между интранзитивнымъ положеніемъ и сужденіемъ, такое же отношеніе, какъ и между транзитивнымъ положеніемъ и причиннымъ наведеніемъ; потому что, при одинакомъ содержаніи между двумя первыми и между двумя послѣднимп, дѣйствіе мышленія въ сужденіи и причинномъ наведеніи бываетъ гораздо выше, нежели въ простомъ положеніи.

Положеніе, какъ транзитивное, такъ и интранзитивное основывается на простой переработкѣ, именно на одномъ простомъ анализѣ даннаго содержанія; напротивъ того сужденіе и причинное наведеніе состоятъ въ приложеніи уже готовыхъ понятій, одного къ другому, что сопряжено бываетъ съ затрудненіями и погрѣшностями. Если такое приложеніе понятій назовемъ синтезомъ, то можно эту разность выразить такъ: положеніе есть простой анализъ, а сужденіе и причинное наведеніе суть синтезы. Впрочемъ, разсматриваемыя ближе, сужденіе и причинное наведеніе состоятъ изъ синтеза и анализа вмѣстѣ, изъ которыхъ первый заключается въ приложеніи понятія къ предмету, а послѣдній въ высказываніи о предметѣ приложеннаго понятія.

Во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, сужденіе весьма легко отличить отъ простаго положенія. Когда я говорю, напр. эта лошадь воропая, то безъ сомнѣнія это будетъ простое положеніе, потому что для него мнѣ нуженъ былъ одинъ анализъ предмета; но когда я присоединяю: эта лошадь хорошо обучена; тогда безспорно это будетъ уже сужденіе, потому что для составленія его

надобно было привнести и приложить къ предмету понятіе обученія лошади.

Наконецъ, какъ сужденіе и причинное наведеніе суть болѣе сложныя дѣйствія духа, чѣмъ положеніе, то въ нихъ заключается еще одно очень важное и глубокое отличіе, именно, что въ нихъ гораздо легче погрѣшить, и по различію понятій и ихъ приложенія разойтись съ другими; между тѣмъ какъ въ простомъ положеніи не такъ удобно вкрадываются заблужденіе и разногласіе.

§ 69. Обыкновенное опредѣленіе сужденія: *оно есть сочетаніе двухъ представленій къ единству*, введенное въ Логику Кантомъ, болѣе прилично дѣятельности мечтающей фантазіи, нежели силѣ сужденія. Подъ это опредѣленіе не подходитъ ни положеніе, ни сужденіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Положеніе рѣшительно не подходитъ потому, что въ немъ имѣетъ мѣсто не сочетаніе, а противоположное дѣйствіе мышленія, — анализъ. — Какъ признаки предметовъ, такъ и члены причиннаго отношенія не представляются нашему мышленію раздѣленными, чтобы ему надлежало соединять и сочетавать ихъ; напротивъ, они представляются намъ въ опытѣ соединенными и слитыми, и ихъ только еще слѣдуетъ разлагать. Въ сужденіи и причинномъ наведеніи, конечно, употребляется приложеніе понятій, а потому и синтезъ, но не съ тою цѣлію, чтобы приводить понятія къ единству съ предметами; а для того, чтобы видѣть, причествуютъ ли они предмету или нѣтъ, и чтобы потомъ сказать ихъ о предметѣ или какъ предикатъ, или какъ причину либо дѣйствіе. Та-

кимъ образомъ сужденіе и причинное наведеніе, хотя въ началѣ суть синтезы, но за то въ своемъ продолженіи и цѣляхъ суть анализы, или развитія и показанія внутреннихъ отношеній.

Примѣчаніе. Чтобы полно и основательно узнать природу сужденій, нужно прежде установить правильное ихъ раздѣленіе.

Раздѣленіе сужденій.

§ 70. Начнемъ съ Кантова дѣленія сужденій (¹).

Дѣятельность сужденія, по Канту, можетъ быть подведена подъ четыре *титула:* количество, качество, отношеніе и образность, изъ которыхъ каждый опять заключаетъ подъ собою три *момента.* Подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ: *титулъ* съ тремя *моментами,* котораго мы вовсе не встрѣчаемъ въ логической терминологіи дѣленія, скрывается шаткая и неразъясненная основная мысль Кантова дѣленія: именно, при этомъ остается нерѣшеннымъ: означаютъ ли эти четыре титула четыре *главные вида* сужденій, или же *четыре начала для ихъ раздѣленія.* Въ первомъ случаѣ трехчлен-

(¹) По всей справедливости мы должны здѣсь начать съ Кантова дѣленія сужденій, потому что оно принято почти всѣми; и должны подвергнуть его тѣмъ строжайшей критикѣ, что оно безотчетно повторяется другими, хотя оно заключаетъ въ себѣ цѣлое гнѣздо логическихъ ошибокъ, и можетъ быть выставлено за образецъ почти всѣхъ возможныхъ погрѣшностей противъ правилъ логики.

ные моменты были бы *подвидами,* а въ послѣднемъ—они были бы только различными *видами* сужденія.

Но если бы эти четыре титула означали четыре *главные вида сужденій;* то это была бы совершенно непростительная погрѣшность, потому что эти четыре титула не исключаютъ себя взаимно, какъ должны исключать себя виды по логическому правилу: *membra sint disjuncta;* а напротивъ, они въ каждомъ сужденіи необходимо сходятся вмѣстѣ.—Впрочемъ шаткость Кантова выраженія позволяетъ намъ эти четыре титула принять въ настоящемъ смыслѣ, именно за четыре главныя точки, *или начала дѣленія сужденій,* потому что всякій родъ предметовъ можетъ дѣлиться съ нѣсколькихъ сторонъ, напр. шляпа, по цвѣту, на черную или бѣлую, по формѣ, на круглую или угловатую, по матеріи, на поярковую или шелковую. При этомъ, только съ одной и той же точки зрѣнія различенные виды исключаютъ другъ друга, а напротивъ, виды различаемые нами съ разныхъ точекъ зрѣнія могутъ совмѣщаться.

Постановить напередъ начала раздѣленія сужденій было совершенно въ порядкѣ вещей и сообразно съ логическимъ правиломъ: *divisio ne careat fundamento.* Но различныя начала дѣленія надлежало бы обозначить нѣсколько яснѣе и опредѣленнѣе, нежели какъ они обозначаются у Канта неточными и невразумительными титулами.—По всѣмъ примѣтамъ онъ подъ *количествомъ* разумѣетъ тотъ объемъ подлежащаго, въ какомъ приписывается ему сказуемое,—подъ

качествомъ образъ сказыванія, именно связки; подъ *отношеніемъ*—содержаніе двухъ членовъ сужденія между собою, и наконецъ подъ *образностію*—степень убѣжденія, съ какою произносится сужденіе.

Съ каждой изъ этихъ четырехъ точекъ зрѣнія, сужденія должны быть раздѣляемы, по Канту, на три вида, такъ что наконецъ отсюда происходитъ 12 различныхъ формъ сужденія, которыя однакожъ, относясь къ различнымъ точкамъ зрѣнія, не всѣ исключаютъ себя взаимно; они исключаютъ себя только по три, какъ моменты одного титула, а со всѣми противоположностями прочихъ точекъ дѣленія могутъ соединяться.

Если мы и допустимъ *предварительно* это многостороннее дѣленіе сужденія, то мы не видимъ доказательства, почему сужденіе представляетъ въ себѣ именно четыре стороны для дѣленія, а не болѣе; и съ другой стороны, трехчленное подраздѣленіе каждаго титула такъ аккуратно, что напередъ возбуждаетъ подозрѣніе въ искуственности.—Но разсмотримъ это дѣленіе въ подробности.

§ 71. *По количеству,* Кантъ раздѣляетъ сужденія *на всеобщія, частныя и единичныя,* на томъ основаніи, что мы судимъ или обо всѣхъ, или многихъ, или объ одномъ предметѣ извѣстнаго класса.

Это дѣленіе, какъ бы благовиднымъ оно ни казалось, имѣетъ своего рода недостатокъ, впрочемъ большею частію логиковъ исправленный,—

недостатокъ, который чувствовалъ самъ Кантъ и только съ трудомъ могъ прикрыть. А именно, при количествѣ сужденія дѣло идетъ не о томъ, *какой* объемъ *имѣетъ* подлежащее, а—*въ какомъ* оно *принимается*. Но индивидуальное подлежащее, явно, имѣетъ крайне малый объемъ; однакожъ это не препятствуетъ понимать его также вообще, т. е. во всемъ его объемѣ, какъ и самое обширное понятіе подлежащаго. Сверхъ того, при индивидуальной сферѣ подлежащаго, какъ бы она мала ни была, все еще можно спросить,—какъ обширно принимается она, вся, или отчасти? потому что есть какъ всеобщія индивидуальныя сужденія, напр. «луна вся освѣщена» такъ есть и частныя изреченія объ индивидумахъ, напр. «на лунѣ есть пятна»,—хотя Кантъ, немного кажется думавши, отвергаетъ это. Такимъ образомъ индивидуальное сужденіе можетъ быть въ тоже время всеобщимъ и частнымъ, а потому самому не можетъ быть третьимъ, сподчиненнымъ видомъ. Кантъ полагая индивидуальное сужденіе третьимъ моментомъ количества, отступаетъ отъ начала дѣленія, какъ бы онъ такъ излагалъ его: понятіе подлежащаго *принимается* или все, или отчасти, или же оно *есть* индивидумъ.

Наконецъ должно замѣтить, что количество сужденій часто оставляютъ неопредѣленнымъ, какъ это бываетъ въ такъ называемыхъ *необозначенныхъ* сужденіяхъ, т. е. при которыхъ нѣтъ знаковъ объема, каковы: всѣ, нѣкоторые.

§ 72. По *качеству* или образу сказыванія, сужденія, справедливо полагаетъ Кантъ, быва-

ютъ двухъ родовъ: *утвердительныя* и *отрицательныя*. Но совсѣмъ неправильно его понятіе о сужденіяхъ третьяго рода, которыя онъ называетъ то *безконечными*, то *ограничительными*. Подъ ними, именно, разумѣются тѣ сужденія, въ которыхъ отрицаніе относится не къ связкѣ, а къ сказуемому, напр. душа несмертна, онъ неблагоразуменъ и т. под. *Безконечными* назвалъ Кантъ эти сужденія потому, что основываясь на господствующемъ, шаткомъ понятіи объ отрицательной противоположности, воображалъ себѣ, будто подлежащее въ нихъ поставляется въ неопредѣленную, безконечную область внѣ отрицаемаго сказуемаго. Но на самомъ дѣлѣ, чрезъ такія отрицательныя сказуемыя подлежащее получаетъ свое, совершенно опредѣленное мѣсто, какъ напр. въ вышепомянутомъ случаѣ—душа въ области бытія постояннаго, на сторонѣ противоположной бытію смертному, неблагоразумный—на сторонѣ разумѣнія противоположной благоразумію; а потому, какъ въ сужденіяхъ этого рода, подлежащее заключается въ опредѣленной сферѣ, и тѣмъ дѣйствительно что нибудь имъ приписывается, то они въ собственномъ смыслѣ суть положительныя, именно съ положительнымъ качествомъ отрицательной противоположности. Замѣчательно, что самъ Кантъ признаетъ положительность безконечнаго сужденія, и однакожъ приводитъ его какъ третій видъ—изъ привязанности къ трилогіи! Если бы кто захотѣлъ принять безконечное сужденіе въ Кантовомъ смыслѣ, то это было бы отрицательное сужденіе.

По своей связи съ безконечнымъ, *ограничи-*

тельное сужденіе у Канта имѣетъ почти тотъ же смыслъ, именно оно означаетъ, что подлежащему можно приписывать всѣ до одного возможныя сказуемыя. Между тѣмъ есть дѣйствительно третій видъ въ качествѣ сужденій, или лучше переходъ, которому весьма прилично названіе *ограничительнаго сужденія;* это суть положенія, въ которыхъ мы ни утверждаемъ, ни отрицаемъ, а оставляемъ приговоръ свой неопредѣленнымъ посредствомъ различныхъ ограниченій, каковы: *такъ сказать, почти, если угодно* и под. Впрочемъ эти ограниченія, какъ еще неполныя сужденія, не относятся къ Логикѣ, также какъ вопросы и другіе подобные обороты—къ сужденіямъ.

§ 73. Настоящее гнѣздо погрѣшностей, заключается въ раздѣленіи сужденій по *отношенію* вещей между собою. Подъ симъ послѣднимъ, судя по табличкѣ категорій, должно разумѣть взаимное содержаніе двухъ членовъ сужденія. Смотря по различію этого содержанія, сужденія должны быть или *категорическія,* или *условныя,* или *раздѣлительныя.* Категорическое сужденіе должно выражать отношеніе подлежащаго и сказуемаго, условное—причины и дѣйствія; а потому, даже по таблицѣ категорій, подъ первою формою сужденія заключаются понятія субстанціи и случайности, подъ послѣдней—понятія причины и зависящаго отъ ней. Раздѣлительное сужденіе, наконецъ, должно показывать отношеніе подлежащаго къ различнымъ членамъ раздѣленной сферы сказуемаго.

Оставляя пока безъ вниманія эти ложныя назва-

нія, не можемъ не замѣтить, что сужденія бываютъ собственно двухъ различныхъ родовъ: категорическія и условныя, и различіе ихъ состоитъ въ томъ, что въ каждомъ изъ нихъ выражается совершенно иное внутреннее отношеніе членовъ сужденія: въ категорическомъ отношеніе тождества, а въ условномъ отношеніе причинности. Раздѣлительное же сужденіе не есть сподчиненное съ прочими; потому что раздѣленіе, или исчисленіе членовъ дѣленія вмѣсто родоваго понятія, можетъ входить въ обѣ формы сужденія, какъ условную, такъ и категорическую; (при чемъ оказывается еще и та погрѣшность, что Кантъ подъ названіемъ раздѣлительнаго сужденія поставилъ только категорическое раздѣленіе). Есть именно а) *категорически-раздѣлительныя* сужденія, напр. животныя, относительно ихъ рода, суть или мужескаго или женскаго пола. Здѣсь подлежащему, вмѣсто понятія родоваго, прилагаются видовыя понятія сказуемаго. Впрочемъ и здѣсь въ основаніи лежитъ тоже отношеніе, какое въ категорическомъ сужденіи, именно отношеніе подлежащаго и сказуемаго. Но есть и б) сужденія *условно-раздѣлительныя*, когда исчисляются различныя возможныя причины или различныя возможныя дѣйствія, такъ что, по этому, въ условномъ сужденіи встрѣчается двоякое раздѣленіе; напр. каждый долженъ или томиться голодомъ, или брать взаймы, если онъ слишкомъ много тратитъ, или слишкомъ мало получаетъ. Раздѣленіе здѣсь ни мало не перемѣняетъ основнаго отношенія. А какъ скоро оно совмѣщается съ обѣими формами отношенія, то это уже значитъ, что эта отмѣна сужденія заимствована не

изъ понятія отношенія, а отъиноуда.

Но самая хужшая погрѣшность Кантова дѣленія сужденій, по отношенію, заключается въ невѣрныхъ названіяхъ: «категорическое и условное,» которыя показываютъ, что начало дѣленія по *отношенію,* не отличено въ надлежащей мѣрѣ отъ слѣдующаго начала дѣленія *по образности,* къ которому собственно относятся тѣ названія. И въ самомъ дѣлѣ, слово *категорическій* означаетъ опредѣленный, соотвѣтственный увѣренности, приговоръ, и выражаетъ на Греческомъ языкѣ тоже, что *ассерторическій*—на Латинскомъ. *Условное* же сужденіе есть только особенное видоизмѣненіе проблемматическаго, именно приговоръ поставленный въ зависимости отъ условія; а потому самому, вмѣстѣ съ ограничительнымъ сужденіемъ, (§ 72), и оно есть сужденіе еще не докончённое, и его гораздо лучше исключить изъ Логики. Такъ какъ Кантово различеніе категорическаго и условнаго сужденія колеблется между двумя совершенно различными началами дѣленія,—по смыслу представляетъ отношеніе раздѣленныхъ членовъ, а по названію выражаетъ степень убѣжденія: то у Канта и его послѣдователей подъ категорію *отношенія* вкрались двуличныя и шаткія понятія, которыя неисправимо спутали раздѣленіе отношенія.

Тотчасъ за неяснымъ понятіемъ объ условномъ сужденіи послѣдовала новая погрѣшность: тогда какъ этому сужденію надлежало представлять отношеніе причинности, форма выраженія его ограничена была только союзами: *если*—

то, хотя изъ каждой грамматики можно увидѣть, что кромѣ частицъ: *если—то,* есть еще цѣлый рядъ союзовъ причинныхъ.

Чтобы обозначить дѣйствительно различные виды отношенія, т. е. содержанія между двумя членами сужденія, мы будемъ называть выраженіе отношенія между подлежащимъ и сказуемымъ—сужденіемъ *сказательнымъ,* а выраженіе отношенія между причиною и дѣйствіемъ—сужденіемъ *причиннымъ.*

§ 74. Наконецъ по *образности* или степени убѣжденія трехчленное дѣленіе правильно потому, что сужденіе по образности дѣйствительно раздѣляется на *пытательное* или *проблематическое, рѣшительное* или *ассерторическое* и *непремѣнное* или *аподиктическое.* Но въ частнѣйшее опредѣленіе этихъ трехъ видовъ опять вкрадывается погрѣшность, когда Кантъ относитъ къ сужденію проблемматическому понятія возможности и невозможности, къ ассерторическому – понятія дѣйствительности и недѣйствительности, и наконецъ къ аподиктическому—понятія необходимости и случайности. Конечно, совершенно справедливо, что ассерторическое, или, какъ еще можно его назвать, категорическое сужденіе показываетъ, существуетъ ли дѣйствительно или не существуетъ извѣстное отношеніе между членами сужденія; но вовсе несправедливо думать, будто въ проблемматическомъ сужденіи выражается возможное или невозможное отношеніе двухъ членовъ сужденія; потому что показывать невозможность положенія значитъ утверждать не-

обходимость отрицанія, что свойственно аподиктическому сужденію; между тѣмъ какъ проблемматическое сужденіе выражаетъ только возможность какъ отрицанія, такъ и утвержденія. Да и форма выраженія проблемматическаго отрицанія не есть: «*не можетъ быть*» какъ Кантъ повидимому принимаетъ въ противоположность проблемматическому положенію: «*можетъ быть*»; а есть: «*можетъ быть и нѣтъ*» и т. под. Столько же ошибочно было—подъ именемъ аподиктическаго сужденія или *необходимаго* убѣжденія приводить показаніе *случайнаго* отношенія, такъ какъ это отношеніе выражается только ассерторически, какъ нѣчто дѣйствительное.

§ 75. Впрочемъ Кантово дѣленіе сужденій не только имѣетъ многіе, показанные, недостатки въ частностяхъ, но ошибочно и въ цѣломъ, какъ дѣленіе сужденія вообще. Это дѣленіе подобно тому, какъ если бы кто, желая показать различные виды путешествія, сталъ исчислять ихъ такъ: оно бываетъ медленное, или скорое; пѣшкомъ, или на лошади; въ коляскѣ, или на кораблѣ; покойное, или непокойное. Здѣсь бросается въ глаза та погрѣшность Кантова въ дѣленіи сужденій, которая вначалѣ была не такъ замѣтна, именно, что въ ряду съ настоящими видами у него поставлены и совершенно подчиненныя имъ отмѣны: погрѣшность, которая основывается на недостаточномъ различеніи существенныхъ и несущественныхъ началъ дѣленія. Правда, въ нѣкоторыхъ родахъ предметовъ можно сомнѣваться, какое существенное и какое несущественное начало дѣленія,—какъ

Это мы видимъ въ нѣкоторыхъ наукахъ, напр. въ минералогіи, гдѣ одни полагаютъ въ основаніе химическое начало дѣленія, другіе напротивъ—кристаллографическое. Все однакожъ трудно въ наукѣ попасть на столь несущественныя начала дѣленія, какія мы встрѣчаемъ у Канта въ сужденіяхъ, потому что три изъ этихъ началъ почти также несущественны, какъ цвѣтъ и величина въ минералахъ. Къ томужъ, здравымъ логическимъ смысломъ почти въ каждой наукѣ поставлено за правило, чтобы не дѣлить вдругъ по разнымъ началамъ, а избирать или то или другое начало. Это избранное начало, какъ существеннѣйшее, полагаютъ въ основаніе всего дѣленія, и по немъ составляютъ главные отдѣлы; прочія же начала дѣленія, какъ менѣе существенныя, употребляютъ для однихъ только подраздѣленій.

§ 76. При раздѣленіи сужденій главное дѣло—найти *существенное начало дѣленія*; для чего мы имѣемъ очень вѣрное средство. Существенное начало для раздѣленія какого бы ни было класса предметовъ есть родовой его характеръ, по крайней мѣрѣ, если они разсматриваются въ чисто-ученомъ отношеніи. Только при особенной, напр. технической цѣли разсматриванія предмета, другая, подчиненная сторона можетъ сдѣлаться существенною. Но родовой характеръ сужденія мы положили въ томъ, что оно показываетъ внутреннее отношеніе двухъ представленій. А потому существеннымъ началомъ дѣленія сужденій можетъ быть только отношеніе. Только по отношенію, сужденія дѣлятся на дѣйствительные виды, тогда какъ прочія стороны

сужденія такъ несущественны, что ихъ разности едвали можно назвать даже подвидами, а развѣ только простыми отмѣнами сужденія.

По этому двухъ родовъ бываетъ сужденіе: 1) сужденіе *сказательное,* или показаніе признаковъ предмета, и 2) *причинное,* или раскрытіе причинной связи.

I. СКАЗАТЕЛЬНОЕ СУЖДЕНІЕ.

§ 77. Сказательное сужденіе есть показаніе признака въ предметѣ, *подлежащемъ* сужденію, будетъ ли онъ приписанъ предмету въ видѣ *сказуемаго съ связію,* или въ видѣ *интранзитивнаго глагола,* или наконецъ посредствомъ глагола: *имѣть,* когда вмѣсто прилагательнаго ставится соотвѣтственное ему существительное. Подлежащимъ, или предметомъ сказательнаго сужденія, можетъ быть всякое представленіе, будетъ ли это представленіе предмета непосредственно наблюдаемаго, или воспоминаемаго, или понятіе, принятое за представленіе.

§ 78. По причинѣ двусторонности понятій, каждое сказательное сужденіе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія: или какъ *отношеніе содержанія,* или какъ *отношеніе объема* между подлежащимъ и сказуемымъ. По содержанію сказуемое есть часть подлежащаго, а по объему, наоборотъ, подлежащее есть часть сказуемаго, потому что и здѣсь также имѣетъ силу обратное отношеніе между содержаніемъ и объемомъ понятій. Какъ отношеніе содержанія, сказательное сужденіе есть *анализъ* или раскры-

тіе сказуемаго изъ подлежащаго; какъ отношеніе объема, напротивъ, оно есть *подчиненіе* подлежащаго сказуемому. Простой анализъ даетъ меньше разумѣнія, нежели подчиненіе. Первый есть *простое положеніе*, а послѣднее—*сужденіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова*.

Нашему мыслящему духу, при образованіи сказательнаго сужденія, назначено итти тѣмъ или другимъ путемъ (анализа или подчиненія), и всякій, въ какомъ угодно случаѣ, легко можетъ опредѣлить, въ видѣ ли анализа образовано сказательное сужденіе, или въ видѣ подчиненія, есть ли оно положеніе, или собственно сужденіе. Иногда однакожъ мышленіе колеблется въ выборѣ того или другаго пути, или придерживается обоихъ путей, такъ какъ они оба вмѣстѣ ведутъ къ одной и той же цѣли.

§ 79. Сказательное сужденіе основывается на законахъ тождества и различія, согласія и противорѣчія. Именно рѣшительно-утвердительное сужденіе образуется по закону тождества, рѣшительно отрицательное — по закону нетождества, нерѣшительное—по закону согласія, непремѣнное наконецъ—по закону противорѣчія, и притомъ такъ, что противорѣчіе само по себѣ аподиктически отрицается, а противоположность противорѣчія аподиктически утверждается.

Всѣ вообще логики согласны въ томъ, что рѣшительно-утвердительное сужденіе образуется по закону тождества; но они находятся въ затрудненіи, когда нужно объяснить и произ-

весть на самомъ дѣлѣ это образованіе. Нѣкоторые (какъ напр. Фишгаберъ въ Lehrbuch der Logik. 1 гл. стр. 58. 59.) хотятъ объяснить его тѣмъ, что по закону тождества подлежащее равняется своимъ признакамъ, взятымъ въ совокупности. Но, по строгому смыслу этого закона, почти нельзя было бы произнесть ни одного утвердительнаго сужденія, потому что, исключая формальныя опредѣленія, сказуемое никогда не выражаетъ всѣхъ признаковъ подлежащаго, а всегда выражаетъ только частныя примѣты, которымъ не равняется подлежащее. Даже тождественныя сужденія, какъ напр. человѣкъ есть человѣкъ, не устоятъ предъ строгимъ требованіемъ этого закона; потому что, если они не суть безмысленное тождесловіе, то сказуемое въ нихъ въ какомъ либо отношеніи всегда должно отличаться отъ подлежащаго.

Вообще нѣтъ совершеннаго тождества между подлежащимъ и сказуемымъ, а есть только частное; частное же, по причинѣ двусторонности всякаго сужденія, бываетъ двоякое; именно: по объему подлежащее совпадаетъ съ частію сказуемаго (напр. человѣкъ есть животное), а по содержанію, на оборотъ, сказуемое совпадаетъ съ частію или стороною подлежащаго (напр. животность составляетъ одну сторону человѣческаго существа). Приложеніе закона тождества въ рѣшительно-утвердительномъ сужденіи происходитъ тѣмъ и другимъ образомъ, потому что въ отношеніи его членовъ обращается вниманіе иногда на объемъ, иногда на содержаніе.

§ 80. Сказательное сужденіе (какъ и причинное) бываетъ или а) *простое,* или б) *сложное.*

Не должно смѣшивать *логическую* простоту и сложность сужденія съ *грамматическою.*

Въ Логикѣ *простымъ* сужденіемъ называется то, которое содержитъ только *два главныя представленія,* которыя впрочемъ могутъ заключать въ себѣ многія частныя представленія и потому образовать грамматически сложныя положенія; напр. положеніе: судья, который поступаетъ по долгу справедливости, никогда не подаетъ повода обвинять себя въ лицепріятіи,— для грамматики есть весьма сложное положеніе, тогда какъ для Логики оно есть сужденіе простое.

Сложнымъ же сужденіе въ Логикѣ называется тогда, когда оно соединяетъ въ себѣ три или больше главныхъ представленій и можетъ быть разложено на два или больше *самостоятельныхъ* сужденій, чего не допускаетъ грамматически сложное положеніе.

§ 81. а) Въ *простомъ* сказательномъ сужденіи одно изъ двухъ его главныхъ представленій, именно подлежащее, выражаетъ количество, т. е. объемъ, въ какомъ оно принимается, а другое, именно сказуемое, выражаетъ качество, т. е. тотъ образъ, какъ оно сказывается о подлежащемъ. Въ первомъ отношеніи сказательное сужденіе бываетъ всеобщее или частное, а въ послѣднемъ—утвердительное, или отрицатель-

ное. Когда же количество разсматривается вмѣстѣ съ качествомъ, то происходятъ слѣдующія разности сужденія: *всеобщее утвержденіе* и *всеобщее отрицаніе*, *частное утвержденіе* и *частное отрицаніе* (1).

Для краткости эти часто встрѣчающіяся разности отличены особенными знаками: *A* означаетъ всеобще утвердительное, *E* всеобще отрицательное, *J* частно утвердительное, *O* частно отрицательное сужденіе. Схоластики выразили это для памяти въ слѣдующемъ плохомъ стихѣ:

Asserit A, negat E, sed universaliter ambo.
Asserit J, negat O, sed particulariter ambo.

Эти разности основываются на слѣдующихъ взаимныхъ *отношеніяхъ* аа) *обѣема* между подлежащимъ и сказуемымъ понятія:

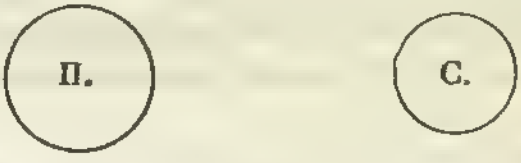
Всеобще утвердительное сужденіе (A) бываетъ тогда, когда подлежащее или всецѣло заключается въ сферѣ сказуемаго, напр. всѣ тѣла имѣютъ тяжесть; или по крайней мѣрѣ, равняется ему по обѣему, какъ въ тождественныхъ

---

(1) Изъ Кантовыхъ категорій количества и качества мы допускаемъ вмѣсто трехъ, только по два вида; справедливость этого въ особенности открывается при сочетаніи количества и качества. Логики вообще насчитываютъ такихъ сочетаній только четыре, тогда какъ послѣдователи Кантовыхъ трилогій, чтобы не противорѣчить самимъ себѣ, непремѣнно должны бы были представить этихъ сочетаній девять.

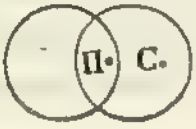
сужденіяхъ, напр. Богъ всесовершенъ. Вообще здѣсь подлежащее подчиняется сказуемому. Это можно представить въ слѣдующей фигурѣ:

Всеобще отрицательное сужденіе (E) предполагаетъ, что сферы понятія подлежащаго и понятія сказуемаго находятся совершенно одна внѣ другой; напр. растенія не имѣютъ произвольнаго движенія. Такое отношеніе понятій можно видѣть въ слѣдующемъ изображеніи:

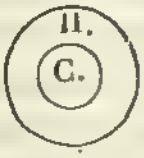


Частно утвердительное сужденіе (J) бываетъ при двухъ случаяхъ: или когда подлежащее и сказуемое взаимно пресѣкаются, напр. нѣкоторые художники тщеславны; или когда подлежащее, будучи обширнѣе, заключаетъ въ себѣ сказуемое, и потому чтобы подчиниться ему, оно должно быть до той мѣры ограничиваемо, пока совпадетъ съ нимъ по объему, напр. нѣкоторыя горныя породы суть базальты (столбчатые камни).

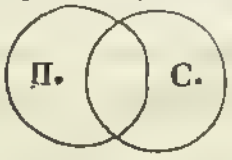
Частно утвердительное сужденіе, происходящее чрезъ пресѣченіе, можетъ быть представлено подъ видомъ двухъ взаимно пресѣкающихся круговъ:



Напротивъ, то сужденіе, которое происходитъ чрезъ подчиненіе сказуемаго подлежащему, можно представить чрезъ включеніе сферы сказуемаго въ сферу подлежащаго.



Частно-отрицательное сужденіе (О) также имѣетъ мѣсто при двоякомъ отношеніи объема: или при пересѣченіи обоихъ понятій, когда въ сужденіе входитъ только та часть подлежащаго, которая находится внѣ сказуемаго, напр. нѣкоторые актеры не суть художники;



Или бываетъ это сужденіе при подчиненіи сказуемаго подлежащему, когда опять берется во вниманіе только та часть подлежащаго, которая находится внѣ сказуемаго, напр. нѣкоторые роды горъ не суть горы первозданныя.

Впрочемъ и при всецѣломъ включеніи подлежащаго въ сферу сказуемаго, можетъ образоваться частно-утвердительное сужденіе, и при всецѣломъ раздѣленіи обѣихъ сферъ понятія,— частно-отрицательное, именно: когда то, что свойственно или несвойственно всѣмъ подлежащимъ, по особеннымъ причинамъ, утверждается или отрицается только о нѣкоторыхъ подле-

жащихъ, напр. и нѣкоторые люди, тѣ или другіе, невсемогущи.

Эти разности соединеннаго количества и качества могутъ быть разсматриваемы еще бб) какъ различныя *отношенія содержанія*, и тогда общеутвердительное (A) состоитъ въ томъ, что сказуемое заключается во всѣхъ подлежащихъ; общеотрицательное (E)—въ томъ, что сказуемое не заключается ни въ одномъ изъ нихъ; частно-утвердительное (J), что оно заключается въ нѣкоторыхъ, наконецъ частно-отрицательное (O)—въ томъ, что сказуемое въ нѣкоторыхъ подлежащихъ не заключается;—такъ напр. тяжесть свойственна всѣмъ тѣламъ; движеніе несвойственно ни одному растенію; тщеславіе свойственно нѣкоторымъ; у нѣкоторыхъ актеровъ не достаетъ искуства.

§ 82. б) *Сложное* сужденіе, какъ сказано выше (§ 80), можетъ быть разлагаемо на нѣсколько самостоятельныхъ сужденій. Разложеніе сложныхъ сужденій на составляющія ихъ простыя называютъ *разборомъ* (expositio), а отсюда и сложныя сужденія—*разбираемыми*. Изъ составныхъ сужденій то, которое въ сложномъ находится напереди, называютъ *propositio praejacens*, а то, которое положено послѣ,—*propositio postjacens*.

Чтобы съ систематическою вѣрностію и полнотою обозрѣть возможные роды сложенія сужденій, для этого мы будемъ представлять себѣ подлежащее и сказуемое, по ихъ объему, въ видѣ круговъ и смотрѣть, какія возможны сочетанія съ ними дальнѣйшихъ (третьяго, четвертаго) понятій; третіе понятіе можетъ входить въ

сужденіе такъ, что оно или будетъ присоединено къ нему какъ новое понятіе, или въ данныхъ понятіяхъ будетъ отличено и выставлено, какъ особенная часть.

аа) По этому, первый главный видъ сложенія сужденій есть *приложеніе* новыхъ понятій къ подлежащему, или къ сказуемому, или къ обоимъ вмѣстѣ. Отсюда происходятъ такъ называемыя *соединительныя предложенія,* (propositiones copulativæ), т. е. такія, къ которымъ присоединяется понятіе или сначала, *a parte ante*, именно къ подлежащему, напр. «голова, руки, ноги суть части нашего тѣла;» или на концѣ, *a parte post,* именно къ сказуемому, напр. «міръ изумляетъ насъ своимъ устройствомъ, населенъ существами живыми;» или съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ, *utrinque,* напр. «Титъ и Туллій богаты, но неблагоразумны.» Число такихъ предложеній, на которыя можно разложить сложное сужденіе, есть произведеніе числа подлежащихъ на число сказуемыхъ. Напр. «не одинъ человѣкъ наслаждается жизнію и произведеніями природы.» Въ этомъ предложеніи заключается четыре частныхъ.

Соединеніе впрочемъ можетъ быть или положительное или отрицательное; первое выражается посредствомъ союза: *и,* послѣднее: *а не.* Когда положительное соединеніе бываетъ послѣдовательнымъ исчисленіемъ, то употребляются послѣдовательные союзы: *сперва, потомъ, далѣе, наконецъ;* для выраженія полноты соединенія употребляютъ союзы: *какъ, такъ;* а для усиленія рѣчи ставятся: *еще, не только—но и.* Отрицательное соединеніе связываетъ противополо-

жности, уничтожающія одна другую, союзами: *не-а;* противоположности же, которыя только ограничиваютъ себя взаимно, связываетъ частицами: *но, впрочемъ, напротивъ того, однако, не смотря на то, между тѣмъ.*

§ 83. Многія подлежащія и сказуемыя одного сужденія не только могутъ быть присоединяемы одно къ другому, но и поставляемы въ сравненіе между собою. Отсюда происходятъ *сравнительныя предложенія,* (propositiones comparativæ), выражающія или сходство—посредствомъ союзовъ: *какъ, какимъ образомъ—такъ,* или несходство—уравнительною степенью съ союзомъ: *нежели.* Сравненіе, подобно соединенію, имѣетъ мѣсто или между подлежащими, напр. «Римляне были могущественнѣе, нежели Греки;» или между сказуемыми, напр. Титъ больше счастливъ, нежели благоразуменъ.

Третіе понятіе, хотя оно въ мысли дѣйствительно присоединяется, на словахъ можетъ быть умолчано, однакожъ вмѣстѣ намекомъ и обозначено; такъ бываетъ въ предложеніяхъ *включительныхъ* (propositiones inclusivæ) и *исключительныхъ* (exclusivæ). Въ первыхъ явное подлежащее или сказуемое включается въ какую либо подразумѣваемую сферу родоваго понятія, напр. «(между любителями художествъ) и я живописецъ; онъ (между прочими достоинствами) и хорошій живописецъ;» въ исключительныхъ, напротивъ, явное подлежащее или сказуемое исключается изъ какой либо подразумѣваемой сферы понятія. Подлежащее исключается въ слѣдующемъ сужденіи: «онъ одинъ (между торговцами) дер-

житъ хорошій табакъ;» сказуемое исключается въ слѣдующемъ предложеніи: онъ держитъ только табакъ (а больше никакихъ пряныхъ товаровъ).

§ 84. бб) Вотъ сложенія, какія могутъ происходить чрезъ *прибавленіе* новыхъ подлежащихъ или сказуемыхъ! Второй главный видъ сложенія въ сужденіяхъ основывается, напротивъ, на *раздѣленіи* подлежащаго или сказуемаго. И въ самомъ дѣлѣ, когда части подлежащаго или сказуемаго поименовываются или выставляются порознь, то также происходятъ понятія третія, четвертыя и пр. Сложенія сужденій чрезъ раздѣленіе ихъ членовъ бываютъ опять различнаго рода. Иногда берутся отдѣльныя части подлежащаго или сказуемаго,—или для того, чтобы изъять ихъ изъ сферы какого либо понятія, откуда происходятъ *изъятельныя* предложенія, (exceptiva propositio) или чтобы *ограничиться* этими частями, отъ чего происходятъ предложенія *ограничительныя* (restrictiva). Можно еще различныя части объема и содержанія подлежащаго исчислять какъ его сказуемыя, или различныя части въ объемѣ сказуемаго—исчислять какъ его подлежащія: отсюда происходитъ *раздробительное* (divisiva) сужденіе. Можно, кромѣ того, родовое понятіе подлежащаго для поясненія разлагать на его виды въ предложеніяхъ *изъяснительныхъ* (explanativa). Или можно, наконецъ, вмѣсто роднаго понятія сказуемаго, приписывать подлежащему различныя видовыя его понятія, что образуетъ сужденія *раздѣлительныя* (disjunctiva).

§ 85. *Въ изъятельныхъ предложеніяхъ,* изъемлется опредѣленная часть понятія подлежащаго или сказуемаго. Напр. всякая вода способна къ питью, кромѣ воды морской. Титъ честенъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ игры. Никто тамъ не былъ, кромѣ его. Онъ ничего не пьетъ, кромѣ воды.

Въ предложеніяхъ ограничительныхъ, напротивъ, или понятіе подлежащаго ограничивается частію своей сферы, чтобы ему могло приличествовать данное сказуемое; или понятіе сказуемаго, чтобы оно могло приличествовать данному подлежащему; напр. «Религія, только при фанатизмѣ, бываетъ вредна; правдивый судья снисходителенъ только тогда, когда позволяетъ ему долгъ.» Сюда же принадлежатъ *усугубительныя предложенія* (reduplicativa), напр. «Религія, какъ религія, никогда не бываетъ вредна,»— гдѣ подлежащее ограничивается своимъ тѣснѣйшимъ, строгимъ смысломъ.

Раздробительное сужденіе происходитъ *или* чрезъ раздѣленіе подлежащаго, какъ на его признаки, такъ и на его виды,—и тогда тѣ и другіе исчисляются какъ его сказуемыя, и притомъ всѣ вполнѣ; *или* чрезъ раздѣленіе сказуемаго на его виды, которые въ такомъ случаѣ, также во всей полнотѣ, исчисляются какъ его подлежащія. Это исчисленіе, которое именно своею полнотою и отличается отъ простаго соединенія, производится посредствомъ нарѣчій: *частію, частію.* Что подлежащее притомъ можетъ быть раздѣлено и по своему объему, и по своему содержанію, а сказуемое только по

своему объему,—это заключается въ свойствѣ ихъ взаимнаго отношенія: какъ скоро по содержанію подлежащее есть цѣлое, а сказуемое—часть, то это послѣднее не можетъ частей своего содержанія имѣть своими подлежащими, такъ какъ въ этомъ случаѣ цѣлое сдѣлалось бы частію своихъ частей. Съ другой стороны, какъ по объему подлежащее есть часть, а сказуемое—цѣлое, то, повидимому, и на оборотъ, надлежало бы ожидать, что подлежащее можетъ имѣть своими сказуемыми только части своего содержанія,—а не объема. Но и при большемъ объемѣ подлежащаго можетъ состояться сужденіе, именно если подлежащее, бывъ взято съ ограниченіемъ, будетъ сведено въ одинъ объемъ съ сказуемымъ, какъ мы видѣли это въ частныхъ сужденіяхъ (§ 81). Подобнымъ образомъ подлежащее сводится къ равному объему съ сказуемымъ и въ тѣхъ сужденіяхъ, въ которыхъ части объема подлежащаго раздробительно исчисляются какъ его сказуемыя, напр. въ предложеніи: «геометрическія фигуры суть частію треугольники-частію четыреугольники, частію многоугольники, частію круги и проч.» Это сложное сужденіе должно именно разрѣшить на предложенія: «одна часть сферы геометрическихъ фигуръ состоитъ изъ треугольниковъ, другая—изъ четыреугольниковъ, и т. д.» Примѣръ раздробительнаго сужденія, происходящаго чрезъ раздѣленіе содержанія подлежащаго, имѣемъ въ предложеніи: «человѣкъ частію смертенъ, частію безсмертенъ.» Раздробительное сужденіе, происходящее чрезъ раздѣленіе объема сказуемаго, иногда выражается и нарѣчіями: *частію, частію;* но гораздо чаще союзами: *какъ, такъ и,* напр. какъ

растенія, такъ и животныя, суть существа живущія.

§ 86. *Изъясненіе* и *раздѣленіе* должно отличать отъ раздробленія, хотя и тѣ равно могутъ выражаться раздробительными союзами. Это различіе состоитъ въ томъ, что въ изъясненіи исчисленныя части объема подлежащаго поставляются не сказуемыми, а въ раздѣленіи различныя части объема сказуемаго не подлежащими; но первыя служатъ къ частнѣйшему опредѣленію подлежащаго, уже имѣющаго свое сказуемое, послѣднія—къ частнѣйшему опредѣленію родоваго сказуемаго, имѣющаго свое подлежащее.

Примѣромъ *изъясненія* можетъ служить предложеніе: «тѣла тяжелы, и притомъ какъ упругія, такъ капельножидкія и твердыя.» Раздѣленіе подлежащаго, при этомъ, по большой части имѣетъ цѣлію пояснить его посредствомъ примѣровъ, и тогда употребляется союзъ: *какъ—какъ то;* напр. благородные металлы, какъ золото и серебро, нелегко окисляются.

Раздѣлительное сужденіе состоитъ въ томъ, что подлежащему, вмѣсто родоваго понятія сказуемаго, усвояются видовыя его понятія. Это происходитъ чрезъ раздѣленіе подразумѣваемаго общаго понятія сказуемаго на его виды. Такое раздѣленіе сколько само должно быть полно, столько имѣть члены, исключающіе другъ друга, и потому выражается раздѣлительными союзами: *или=или;* напр. душа есть существо или простое, или сложное.

Примѣч. При сложныхъ сужденіяхъ, мы почти нигдѣ не упоминали о ихъ разностяхъ по-*количеству*, *качеству* и *образности*, признавая распредѣленіе ихъ яснымъ въ самомъ себѣ и весьма легкимъ. Только при *раздѣлительномъ* сужденіи мы должны обратить вниманіе на эти разности, потому что здѣсь встрѣчается намъ крайне странное мнѣніе логиковъ, которое прямо противорѣчитъ всякому опыту.

Сужденіе раздѣлительное, будучи только особенною формою сказательнаго сужденія (§ 73), подлежитъ одинакимъ съ нимъ отмѣнамъ, и слѣд. бываетъ то утвердительнымъ, то отрицательнымъ, а также участвуетъ въ различныхъ видоизмѣненіяхъ образности. Между тѣмъ, всѣ почти логики утверждаютъ, что раздѣлительное сужденіе по качеству всегда бываетъ утвердительное, а по образности необходимое, или аподиктическое.

Это странное мнѣніе логиковъ произошло оттого, что они не обращали вниманія на положительную противоположность, а имѣли въ виду только противорѣчащую, и эту послѣднюю принимали не за замѣнъ положительной противоположности, а за все возможное внѣ отрицаемаго сказуемаго; такъ рѣзко понимая отрицательную противоположность, постановили для нея даже особенный законъ мышленія (такъ называемый: исключенія третьяго и средняго): «всякая вещь должна быть чѣмъ либо однимъ изъ двухъ членовъ противорѣчащей противоположности, должна быть *А*, или *не-А*, хорошею, или нехорошею, черною или нечерною»; потому что, если бы вещь не была черною, думаютъ они, то непремѣнно должна бы быть *нечерною*. Если бы такое понятіе объ исключительности двухъ членовъ отрицательной противоположности, а потому и законъ исключенія третьяго и средняго, составленный собственно для раздѣлительнаго сужденія и умозаключенія, были справедливы, то раздѣлительное сужденіе, конечно, моглобъ быть только положительнымъ и аподиктическимъ. Но какъ на самомъ дѣлѣ отрицательная противоположность есть только замѣнь положительной (§ 29), а при положительной противоположности умѣстно

не только третье, но и среднее, потому что извѣстный предметъ можетъ или образовать собою переходъ, или по крайней мѣрѣ не подпадать подъ родовое понятіе противоположности: то должно признать *во первыхъ* и *отрицательно*-раздѣлительное сужденіе, какъ напр. камень ни добръ, ни золъ; душа ни черна, ни бѣла, ни какого либо иного цвѣта, потому что первому не приличенъ родовой характеръ нравственнаго качества, а послѣдней—родовой характеръ видимости.

На этомъ же основаніи сужденіе раздѣлительное допускаетъ, *во вторыхъ*, всѣ отмѣны *образности*, смотря потому, необходимымъ, дѣйствительнымъ, или возможнымъ образомъ родовое понятіе сказуемаго приписывается подлежащему, или отнимается отъ него. Такъ напр. и въ общежитіи весьма часто говорятъ о какой либо вещи, что она можетъ быть тѣмъ или другимъ, или же, что она должна быть тѣмъ или другимъ.

2. СУЖДЕНІЕ ПРИЧИННОЕ.

§ 87. Причинное сужденіе есть показаніе и развитіе причиннаго отношенія. Это отношеніе существенно отличается отъ сказательнаго тѣмъ, что въ послѣднемъ подлежащее и сказуемое тождественны между собою, а въ первомъ—членами причиннаго отношенія служатъ различные предметы, происходящіе только одинъ изъ другаго.

Члены причиннаго отношенія суть: причина, дѣйствованіе и дѣйствіе,—какъ называютъ ихъ въ дѣйствительности; или: основаніе, выводъ и слѣдствіе,—какъ называютъ ихъ въ мірѣ мышленія. Эти три члена причиннаго сужденія соотвѣтствуютъ тремъ членамъ сказательнаго: подлежащему, связи и сказуемому.

Примѣч. Надобно замѣтить, что выраженія: «основаніе, выводъ и слѣдствіе,» употребляются также для означенія членовъ силлогизма: «правила, подчиненія и заключенія,» хотя эти послѣдніе находятся между собою совершенно въ другомъ отношеніи, именно въ отношеніи тождества.

§ 88. Причинное сужденіе, подобно сказательному, происходитъ двоякимъ образомъ: или чрезъ простую разработку, чрезъ анализъ причинной связи, данной въ опытѣ, или чрезъ синтезъ, т. е. приложеніе понятій: причины къ предлежащему дѣйствію, или дѣйствія къ предлежащей причинѣ. Посредствомъ одного анализа образуется транзитивное положеніе, а чрезъ приложеніе понятій причины или дѣйствія происходитъ собственно причинное сужденіе. Только это послѣднее служитъ къ уразумѣнію предмета, а первое содѣйствуетъ только къ его объясненію.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что причинное сужденіе,—особенно въ пространнѣйшемъ его объемѣ, когда оно заключаетъ въ себѣ и транзитивное положеніе, —можетъ *выражаться* весьма различно. Но донынѣшняя Логика, обманываясь неточнымъ названіемъ *условнаго сужденія,* признаетъ одну только форму выраженія: *если—то.* Правда, часто причина и дѣйствіе выражаются въ двухъ различныхъ положеніяхъ и связуются союзами: *если—то;* напр. «если свѣтитъ солнце, то бываетъ тепло.» Но это не есть единственный способъ выражать причинное отношеніе; оно весьма часто выражается посредствомъ другихъ причинныхъ союзовъ и должно быть выражаемо союзами: *такъ какъ —то; когда—*

тогда; слѣдовательно и т. п. Да и нѣтъ необходимости, чтобы причина и дѣйствіе выражаемы были въ двухъ положеніяхъ; причинныя сочетанія часто мы выражаемъ въ одномъ положеніи посредствомъ транзитивныхъ глаголовъ; такъ въ приведенномъ примѣрѣ два положенія можно сократить въ одно: «солнечный свѣтъ производитъ теплоту.»

§ 89. Принимая такія транзитивныя положенія за особенный видъ сужденій, отличный отъ категорическихъ, мы конечно идемъ вопреки всѣмъ доныпѣшнимъ логическимъ преданіямъ: потому что вообще и безъ различія ихъ причисляютъ къ такъ называемымъ категорическимъ; и на этомъ нѣкоторые логики основываютъ свое мнѣніе, будто такъ называемыя условныя сужденія можно *превращать* въ категорическія, и наоборотъ,—что могло быть только при неопредѣленномъ и шаткомъ понятіи о тѣхъ и другихъ сужденіяхъ.

Если мы понятіе о различныхъ отношеніяхъ сужденія примемъ въ строгомъ смыслѣ, то и нельзя допустить превращенія причиннаго сужденія въ сказательное, или наоборотъ. Одинаковая форма выраженія, хотя бы она гдѣ и встрѣчалась,—чего однакожъ не бываетъ,—весьма мало доказываетъ для логика, потому что онъ долженъ обращать строгое вниманіе только на форму мыслей. Форма выраженія есть дѣло Грамматики, а дѣло Логики—форма мышленія. Правда, обѣ эти формы большею частію соотвѣтствуютъ другъ другу; однакожъ весьма извѣстно и то, что онѣ не совсѣмъ тѣсно соеди-

нены между собою, что одна и таже форма мышленія можетъ являться въ различныхъ формахъ выраженія, и одна и таже форма выраженія можетъ представлять различныя формы мышленія. Впрочемъ, какъ выше замѣчено, форма транзитивнаго положенія, въ которую можетъ быть сокращаемо причинное сужденіе, и по выраженію всегда существенно отличается отъ сказательнаго сужденія.

Иное дѣло, если логики причинныя положенія,—какъ напр. «солнечный свѣтъ производитъ теплоту, молнія производитъ громъ,»—дѣйствительно превращаютъ въ сказательныя и говорятъ: «солнечный свѣтъ грѣетъ; молнія есть причина грома». Но въ такомъ случаѣ перемѣнилась не одна только форма выраженія, но и мысль; потому что дѣйствіе положено не за произведеніе, а за свойство причины, и такимъ образомъ дѣйствіе точно превратилось въ сказуемое (1).

§ 90. Причинное сужденіе во всѣхъ примѣрахъ у логиковъ обыкновенно смѣшивается съ *умозаключеніемъ*, тѣмъ удобнѣе, что непосредственное умозаключеніе, равно какъ сокращенное посредственное, весьма часто принимаютъ форму причиннаго сужденія; напр. «если ни одинъ человѣкъ не можетъ назваться счастливымъ пре-

(1) Превращеніе дѣйствія въ простое сказуемое подало поводъ къ важнымъ погрѣшностямъ въ системѣ *Спинозы*, потому что на этомъ основаніи онъ превратилъ творенія Божія въ простые акты и случайности Божества.

жде смерти, то нельзя было назвать и Креза;» да и названія членовъ умозаключенія и членовъ причиннаго сужденія, суть одни и тѣже: *основаніе* и *слѣдствіе*. И однакожъ умозаключеніе и причинное сужденіе различаются между собою рѣшительными, формальными и матеріальными признаками.

По *формѣ*, причинное сужденіе есть единичное и простое; напротивъ умозаключеніе состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ сужденій. Трудность же различать ихъ состоитъ въ томъ, что и члены причиннаго сужденія могутъ быть выражаемы въ двухъ положеніяхъ, а такимъ образомъ имѣть видъ двухъ вытекающихъ одно изъ другаго сужденій. Въ сужденіи напр. «если свѣтитъ солнце, то бываетъ тепло» встрѣчая два положенія, мы на первый разъ готовы видѣть тутъ и два сужденія, изъ которыхъ одно выводится изъ другаго. Но какъ скоро обратимъ вниманіе на намѣреніе судящаго и на основную мысль положеній, то тотчасъ найдемъ, что въ нихъ содержится только одинъ актъ мышленія, а слѣд. и одно сужденіе. Это открывается самымъ яснымъ образомъ изъ того, что ни мало не перемѣняя мысли судящаго, мы можемъ два члена сократить въ одно простое положеніе съ двумя главными понятіями: напр. «солнечный свѣтъ производитъ теплоту»; но этого никакъ нельзя сдѣлать съ умозаключеніемъ, потому что оно можетъ сокращаться только въ сложное сужденіе, по крайней мѣрѣ, съ тремя главными понятіями; напр. Креза, какъ человѣка, нельзя было назвать счастливымъ прежде смерти.

По *матеріи,* причинное сужденіе отличается отъ умозаключенія тѣмъ, что члены послѣдняго находятся между собою совершенно въ другомъ отношеніи, нежели члены перваго. Члены умозаключенія, по своему содержанію, тождественны, т. е. слѣдствіе уже содержится въ основаніи, только скрытно; слѣд умозаключеніе есть дальнѣйшее развитіе тождественныхъ положеній; напротивъ того дѣйствіе есть нѣчто отличное отъ причины, и потому въ причинномъ сужденіи выводятся одно изъ другаго положенія различнаго содержанія. Отсюда видно, что причинное сужденіе, въ сравненіи съ умозаключеніемъ, тѣмъ болѣе содержитъ въ себѣ матеріи для познанія, чѣмъ недостаточнѣе оно предъ нимъ формою.

Примѣч. Разсматривая примѣры, какіе приводятся у логиковъ подъ именемъ условнаго сужденія, мы находимъ въ нихъ смѣсь самыхъ разнородныхъ формъ мышленія, объединяемую только случайною формою выраженія: *если—то,*—находимъ не только всякаго рода умозаключенія, перемѣшанныя съ причинными и еще немногими истинно условными сужденіями, но и совсѣмъ другія формы мышленія, которыя тоже могутъ принимать условную форму выраженія. Такъ напр. у Бахмана приводится положеніе: «если солнце не имѣетъ собственнаго свѣта, то заимствуетъ его отъ другаго.» Если разумѣя подъ условною формою выраженія или только причинное сужденіе, или умозаключеніе, приложимъ къ этому примѣру прежде указанные нами признаки, то мы найдемъ себя, относительно его, въ большомъ затрудненіи. Это положеніе не есть умозаключеніе, потому что члены его, по своему содержанію, совсѣмъ не имѣютъ тождества между собою. Оно не есть и причинное сужденіе, потому что члены его не могутъ быть сокращены въ одно простое предложеніе. Однакожъ это не есть и дѣйствительно условное сужденіе, потому что въ немъ вторая

часть не находится въ условной зависимости отъ первой; между тѣмъ, если оставимъ форму выраженія, а обратимъ вниманіе на форму мысли, то будемъ имѣть сужденіе раздѣлительное: «солнце или имѣетъ свой собственный свѣтъ, или заимствуетъ его отъ другаго.» А при этомъ тотчасъ вспомнимъ, что каждому раздѣлительному сужденію легко можетъ быть дана условная форма выраженія (§ 73).

Рѣдко мы находимъ въ Логикахъ истинно условное сужденіе, соотвѣтствующее этому названію, гдѣ частица *если* имѣетъ смыслъ условный. Таковы будутъ: «если не будетъ дождя, то мы пойдемъ гулять; если этотъ молодой человѣкъ будетъ постоянно прилеженъ, то изъ него выйдетъ нѣчто дѣльное.» Такіе примѣры выражаютъ видъ проблемматическаго сужденія.

§ 91. Если мы перейдемъ къ *раздѣленію* причиннаго сужденія, то различные причинные союзы, употребляемые въ немъ, уже приводятъ насъ къ главнымъ его разностямъ; но прежде должно изыскать его основаніе и объемъ. Такъ какъ члены причиннаго сужденія или являются намъ дѣйствительными фактами, или представляются нами только въ мышленіи: то дѣленіе его основывается на томъ, реально ли понимаются эти члены, какъ причина и дѣйствіе, или идеально, какъ основаніе и слѣдствіе. Отсюда происходятъ сначала слѣдующія четыре разности: изъ двухъ членовъ причиннаго сужденія или оба существуютъ въ дѣйствительности, или оба только мыслятся, какъ основаніе и слѣдствіе, или причина существуетъ дѣйствительно, а слѣдствіе предполагается, или наконецъ дѣйствіе дано, какъ фактъ, а для него приискивается основаніе.

Эти четвероякія отмѣны отличаются и въ языкѣ довольно точно различными причинными союзами. Если какъ причина, такъ и дѣйствіе даны въ опытѣ, или что тоже, если причинная связь вообще полагается дѣйствительною; то это выражается посредствомъ союзовъ: *въ слѣдствіе того; отсюда; оттого;* напр. «Египетъ ежегодно орошается разливомъ Нила; оттого, не смотря на жаркій климатъ, почва Египта весьма плодоносна;»—а при перестановкѣ членовъ—союзомъ: *потому что.* Если причина дана, а слѣдствіе только имѣетъ быть, или вообще только воображается: то ихъ выводятъ одно изъ другаго въ формѣ: *по этому, по этой причинѣ* и пр.; напр. «въ настоящемъ году разливъ Нила былъ незначительный; по этому въ Египтѣ должно ожидать скуднаго урожая.» Напротивъ, если дѣйствіе вообще есть непосредственно наблюдаемый фактъ, а основаніе, какъ прошедшее или скрытное, только мыслятся, то выводъ происходитъ съ перестановкою членовъ съ помощію: *значитъ, итакъ, слѣдовательно* и пр.; напр. «міръ устроенъ разумно; слѣд. и причина его разумна.» Только тогда, когда какъ основаніе, такъ и слѣдствіе понимаются идеально, употребляется условная форма: *если—то,* и для краткости: *на этомъ основаніи;* напр. «если душа есть существо простое, то разрушиться не можетъ.»

§ 92. Но кромѣ этихъ простыхъ различій, встрѣчаются еще такіе случаи сочетанія, гдѣ оба члена причиннаго сужденія принимаются вмѣстѣ идеально и реально, и притомъ въ обратномъ положеніи: причина за слѣдствіе, а дѣй-

ствіе за основаніе. Это бываетъ въ *сочетаніи цѣли и средствъ:* отношеніе чрезвычайно запутанное, но при старательномъ практическомъ упражненіи въ него прозрѣваютъ съ необыкновенною вѣрностію и легкостію. Въ дѣйствительномъ мірѣ средство предшествуетъ, какъ причина предполагаемой цѣли, а въ мысляхъ, или при выборѣ средства, оно бываетъ слѣдствіемъ цѣли, принимаемой за основаніе. Это сочетаніе причиннаго отношенія выражается посредствомъ: *для того, чтобы, съ тѣмъ чтобы* и т. п.; напр. «чтобы написать *Исторію Государства Россійскаго* Карамзинъ нѣсколько лѣтъ собиралъ матеріалы.»

§ 93. Законъ, которому мы слѣдуемъ въ причинныхъ сужденіяхъ, больше впрочемъ какъ правилу, и даже какъ идеалу, есть законъ *достаточнаго основанія*: «не выводи заключенія безъ достаточныхъ основаній, т. е. когда первое не вытекаетъ дѣйствительно изъ послѣдняго.» Но какъ связь между причиною и дѣйствіемъ имѣетъ мѣсто, или не имѣетъ его, и притомъ въ возможности, дѣйствительности, или необходимо, то причинныя сужденія раздробляются на разности *качества* и *образности*.

И при условномъ сужденіи, какъ при раздѣлительномъ, подвергали сомнѣнію *количественныя, качественныя и образныя* разности (напр. Якобъ, Кругъ, Зигвартъ), или по крайней мѣрѣ отрицали разности количественныя и качественныя (Гоффбаверъ). Основанія здѣсь приводимы были другія, впрочемъ столько же ничтожныя, какъ и при раздѣлительномъ сужденіи: полага-

ли, что отрицаніе, равно какъ ассерторическую форму выраженія, всегда должно относить къ предъидущему, или послѣдующему положенію, а выводъ во всѣхъ случаяхъ почитать положительнымъ и аподиктическимъ; тогда, конечно, сужденіе непремѣнно будетъ положительное и аподиктическое, такъ какъ качество и образность сужденія состоятъ исключительно въ свойствѣ вывода и связи; а признавши выводъ всегда положительнымъ и необходимымъ, уже нельзя допустить и этихъ различій.

Разности, о которыхъ здѣсь идетъ дѣло, конечно, во многихъ случаяхъ принадлежатъ или къ предъидущему, или къ послѣдующему члену, потому что иногда отрицательное слѣдствіе, или слѣдствіе изъ отрицательнаго основанія выводится положительно; равно какъ возможное слѣдствіе, или слѣдствіе изъ возможнаго основанія выводится аподиктически. Но въ другихъ случаяхъ отрицаніе принадлежитъ именно къ выводу, потому что слѣдствіе только отрицается, а не замѣняется его отрицательною противоположностію. Такую разность можно видѣть въ слѣдующихъ напр. положеніяхъ: «*потому что* ты приказываешь мнѣ, я еще этого не дѣлаю;» и: «потому что ты приказываешь мнѣ, я этого *не дѣлаю*.» Въ первомъ случаѣ отрицается выводъ, а въ послѣднемъ—полагается отрицательное слѣдствіе; тамъ мы имѣемъ положеніе отрицательное, а здѣсь положительное, не смотря на отрицательное слѣдствіе. Если недоумѣваемъ, принадлежитъ ли отрицаніе къ выводу и потому точно ли это сужденіе есть отрицательное; то это можно объяснить себѣ просто, про-

изнесши выводъ отдѣльно. Такимъ образомъ въ первомъ примѣрѣ надобно сказать: «изъ того, что ты мнѣ приказываешь это, еще не слѣдуетъ, чтобы я это дѣлалъ;» а въ другомъ напротивъ: «изъ того именно, что ты мнѣ приказываешь, слѣдуетъ, что я этого не дѣлаю.» Подобнымъ же средствомъ можно объяснять себѣ и тѣ случаи, когда образность сужденія подлежитъ сомнѣнію.

Количественныхъ разностей не допускали въ причинномъ сужденіи потому, что выводъ, по его мнимой необходимости, признавали уже всеобщимъ.—Правда, есть причинныя сужденія, которыхъ нельзя не признать всеобщими, не смотря на то, что предъидущіе или послѣдующіе члены частны; напр. «нѣкоторые люди, если не трудятся, то и не имѣютъ пищи;» это слѣдствіе всеобщее, потому что вообще и безъ изъятія относится къ этому классу людей. Однакожъ всеобщность, или частность причиннаго сужденія собственно выражается совсѣмъ иначе и независимо отъ количества предъидущаго и послѣдующаго члена,—именно нарѣчіями: *всякой разъ, всегда, иногда, часто*, которыми безошибочно выражается, для всѣхъ или для нѣкоторыхъ случаевъ годно цѣлое сужденіе.

§ 94. Количество причиннаго сужденія, сочетаваясь съ его качествомъ, даетъ разности: *A, E, J, O*, въ выраженіяхъ: *всегда, никогда, иногда такъ, иногда нѣтъ* и т. п.

Наконецъ причинное сужденіе бываетъ также сложнымъ, какъ и простымъ (§ 80), и притомъ въ

немъ повторяются почти тѣже способы сложенія, что и въ сказательномъ сужденіи. Эти сложенія могутъ имѣть мѣсто въ трехъ пунктахъ: въ основаніи, слѣдствіи и выводѣ, или образѣ дѣйствованія, особенно если онъ выражается транзитивнымъ глаголомъ. По этому, причинное сужденіе можетъ имѣть три вида соединенія со всѣми отрицательными и положительными отмѣнами, три вида сравненія, три исключенія и включенія, три изъятія и ограниченія, раздѣленія и изъясненія. Только раздробительное сужденіе, по самой природѣ своей, не входитъ въ причинное сужденіе. Въ немъ встрѣчается и раздробленіе, когда исчисляются основанія и слѣдствія, но оно полнымъ и стройнымъ образомъ соединяетъ ихъ.

Отношенія сужденій между собою.

§ 95. Сужденія (какъ причинныя, такъ и сказательныя), по причинѣ различныхъ отношеній между ихъ понятіями, и сами находятся другъ къ другу въ различныхъ отношеніяхъ по объему и содержанію. Впрочемъ, чтобы могло имѣть мѣсто такое отношеніе между двумя сужденіями, предъидущіе члены ихъ должны быть тождественны, или подходить подъ одно и тоже высшее понятіе. Сужденія, въ которыхъ говорится о совершенно различныхъ подлежащихъ, или причинахъ, *несоизмѣримы*.

А) Отношенія сужденій со стороны содержанія.

§ 96. По содержанію между сужденіями опять можетъ быть двоякое отношеніе: отно-

шеніе тождества и различія и отношеніе согласія и противорѣчія.

а) Тождество и различіе сужденій.

Два сужденія должно признавать логически одинакими, если они выражаютъ совершенно туже мысль, хотя въ различныхъ словахъ; напр. «когда лѣтомъ сгущаются пары въ атмосферѣ, то надобно ожидать дождя; и: когда пары подымающіеся вверхъ сгустятся въ влажную массу, то не могши поддерживаться воздухомъ, падаютъ въ видѣ дождя.» Эти различные обороты одной и той же мысли называютъ *взаимозамѣнимыми,* или *равносильными* сужденіями; но они не суть еще по этому тождесловія, такъ какъ одна и таже мысль, получивши другой оборотъ, можетъ являться совершенно новою и открывать уму новыя стороны и отношенія. Различіе сужденій, состоящее въ положеніи различныхъ сказуемыхъ, или дѣйствій, имѣетъ слѣдующія степени: *всецѣлое различіе, несходство, сходство, сродство.* Равнымъ образомъ и одинакость имѣетъ свои степени и бываетъ либо всецѣлая, либо частная. Послѣднее отношеніе называется *включеніемъ.*

Одинакость и различіе сужденій узнается посредствомъ закона тождества, а согласіе и противорѣчіе ихъ—посредствомъ закона противорѣчія.

б) Согласіе и противорѣчіе сужденій.

§ 97. Различіе двухъ сужденій вовсе не

есть еще ихъ противорѣчіе, такъ что два всецѣло различныя сужденія, въ которыхъ одному подлежащему приписываются различныя сказуемыя, или одной причинѣ—разнородныя дѣйствія, никогда не входятъ въ противорѣчіе между собою, а напротивъ, по самому различію своему и согласны между собою; напр. «Титъ бѣденъ, но счастливъ.» Чтобы двумъ сужденіямъ быть въ противорѣчіи между собою, для этого они должны имѣть въ высокой степени сродство, именно ихъ сказуемыя должны подходить подъ одно и тоже родовое понятіе.

Примѣч. Такимъ образомъ наше опредѣленіе согласія и противорѣчія, данное нами для законовъ мышленія (§ 31), оправдывается и въ приложеніи къ сужденіямъ, т. е. что согласіе основывается на родовомъ, а противорѣчіе на видовомъ различіи.

§ 98. Противорѣчіе между сужденіями бываетъ двоякое: отрицательное (oppositio contradictoria) и положительное (oppositio contraria). Первое какъ при сказательномъ, такъ и причинномъ сужденіи образуется опять двоякимъ способомъ: оно заключается или въ связкѣ и выводѣ, или въ сказуемомъ и дѣйствіи; когда отрицательная противоположность заключается въ связкѣ или выводѣ, тогда отвергается только положенное прежде сказуемое, или дѣйствіе; напр. «Титъ счастливъ; Титъ не есть счастливъ;»—«когда снѣгъ идетъ, тогда становится холоднѣе; и: когда идетъ снѣгъ, то по этому еще не должно становиться холоднѣе.» Напротивъ, когда отрицательная противоположность выражается въ сказуемомъ и дѣйствіи: тогда постановляется нѣчто прямо имъ противорѣчащее; напр.

«Титъ счастливъ; Титъ несчастливъ;» «когда идетъ снѣгъ, тогда дѣлается холоднѣе; и: когда идетъ снѣгъ, то должно быть ни сколько не холоднѣе.»

Положительное противорѣчіе между сказательными сужденіями заключается только въ сказуемомъ; напр. «Титъ несчастенъ;» напротивъ, между причинными сужденіями—не только въ дѣйствіи, но можетъ заключаться и въ выводѣ; напр. «когда снѣгъ идетъ, то дѣлается теплѣе; и: когда снѣгъ идетъ, то не можетъ быть холоднѣе.»

Б) Отношенія сужденій со стороны объема.

§ 99. Въ отношеніи къ объему Логика доселѣ брала во вниманіе только *подчиненіе* сужденій; но между ними имѣетъ еще мѣсто *закрытіе* и *сподчиненіе*, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ послѣднее не чуждо логическаго значенія.

а) Закрытіе сужденій.

Тождественныя сужденія, закрывая себя по содержанію своихъ мыслей, *закрываютъ* себя и по объему.

б) Сподчиненіе сужденій.

Сподчиненными называемъ тѣ сужденія, которыя относятся между собою, какъ виды одного и того же родоваго сужденія. По этому сподчиненіе сужденій есть троякое: 1) всецѣлое, предъидущихъ и послѣдующихъ членовъ, когда какъ тѣ, такъ и другіе образуютъ противопо-

ложности; напр. «когда зимою идетъ снѣгъ, то становится теплѣе; когда лѣтомъ идетъ дождь, становится прохладнѣе;» это суть сподчиненныя сужденія въ отношеніи къ сужденію: «когда сгущенные въ атмосферѣ пары падаютъ въ какомъ либо видѣ на землю, то перемѣняется температура;» или: «четвероногія ходятъ, птицы летаютъ, рыбы плаваютъ»—эти сужденія сподчиняются слѣдующему общему: «животныя имѣютъ произвольное движеніе.»—2) Бываетъ частное сподчиненіе однихъ предъидущихъ членовъ, когда только они составляютъ противоположности между собою; напр. положенія: «награжденіе заслугъ привлекаетъ всеобщую похвалу; и: наказаніе пороковъ—также,» сподчиняются общему сужденію: «справедливость привлекаетъ всеобщую похвалу.» Еще: «когда лѣто бываетъ слишкомъ сухо, тогда происходитъ неурожай; и: если лѣто бываетъ слишкомъ дождливо,—тоже;» сподчиняются сужденію: «когда силы природы въ чрезмѣрной степени дѣйствуютъ на землю, тогда бываетъ неурожай.»—3) Есть наконецъ частное сподчиненіе однихъ послѣдующихъ членовъ, когда только они одни составляютъ противоположности между собою; напр. положенія: «добродѣтель даетъ въ этой жизни счастіе; и: подвергается несчастіямъ,» сподчиняются одному сужденію: «добродѣтель не имѣетъ полнаго себѣ воздаянія въ этой жизни.» Еще: «когда огонь достигаетъ высокой степени жара, то глину скрѣпляетъ, и:—металлы плавитъ,» подчиняются общему сужденію: «когда огонь достигаетъ высокой степени жара, то измѣняетъ плотность тѣлъ.» Только послѣдняго рода сподчиненіе сужденій образуетъ противорѣчіе, по-

тому что въ этомъ только случаѣ противоположности соединяются мышленіемъ; между тѣмъ какъ въ двухъ первыхъ случаяхъ, противоположныя подлежащія, заключаясь въ объемѣ одного сказуемаго, или подъ противоположными сказуемыми, не противорѣчатъ себѣ, а даже еще предполагаютъ и дополняютъ себя взаимно; также не противорѣчатъ другъ другу и противоположныя причины по отношенію къ одному и тому же дѣйствію, или къ противоположнымъ дѣйствіямъ. Примѣры всецѣлаго и частнаго сподчиненія сужденій легко составить чрезъ разложеніе какого угодно всеобщаго сужденія на его сужденія видовыя.

в) Подчиненіе сужденій.

§ 100. Подчиненіе сужденій можетъ состоять не только въ подчиненіи подлежащихъ (какъ доселѣ полагали Логики), но и въ подчиненіи сказуемыхъ, и даже возможно всецѣлое подчиненіе сужденій одного другому. Сверхъ того въ причинныхъ сужденіяхъ частное подчиненіе встрѣчается въ трехъ пунктахъ: въ причинѣ, образѣ дѣйствованія и дѣйствіи.

Мы называемъ сужденіе по сказуемому, или дѣйствію подчиненнымъ другому, когда послѣдующій членъ его относится къ члену другаго, какъ видъ къ роду; напр. «птица имѣетъ способность произвольнаго движенія; и: птица летаетъ;»—«если огонь достигаетъ высокой степени жара, то онъ измѣняетъ плотность тѣлъ; и: если огонь...., то онъ плавитъ металлы.» По этому *подчиненіе* послѣдующихъ

членовъ находится въ обратномъ отношеніи съ *включеніемъ*, потому что понятіе, которое по *содержанію* включаетъ въ себѣ другое, по объему само подчиняется ему. Изъ положеній: «птица летаетъ, слѣд. имѣетъ произвольное движеніе,»—первое есть включающее, но подчиненное, послѣднее включаемое, но подчиняющее.

Подчиненіе сужденій по предъидущему члену, которое одно приводится логиками подъ этимъ названіемъ, раздѣляется на формальное и матеріальное: формальное бываетъ тогда, когда одно и тоже подлежащее, или одна и таже причина разъ принимается вообще, а въ другой разъ—въ частности; напр. «всѣ люди смертны; нѣкоторые люди смертны;» или: «когда лѣто бываетъ умѣренно влажно, то должно ожидать урожая; слѣд. и въ настоящемъ году.» Матеріальное подчиненіе бываетъ тогда, когда предъидущій членъ одного сужденія есть родъ, а другаго—видъ; напр. «если сблизить между собою тѣла, имѣющія разнородное электричество, то они будутъ притягивать одно другое; и: если сблизить натертый янтарь съ кусочками бумаги, то онъ притягиваетъ ихъ.»—Подчиненіе со стороны предъидущаго члена называютъ обыкновенно *subalternatio*.

Сужденіе какимъ бы то ни было образомъ,—всецѣло, или отчасти *подчиняющее* мы называемъ *родовымъ* сужденіемъ, *а подчиненное—видовымъ*.

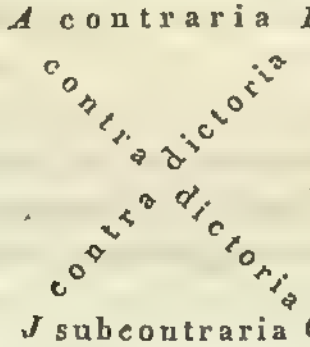
Примѣч. Теперь вполнѣ исчислены отношенія сужденій со стороны содержанія и объема. Остается еще показать, какимъ

образомъ отрицательная противоположность соединяется съ формальнымъ подчиненіемъ подлежащихъ,—отчего происходятъ новыя, различныя другъ отъ друга противорѣчія. Это должно сдѣлать тѣмъ болѣе, что логики приписываютъ этому соединенію великую важность и весьма обширно говорятъ объ немъ.

Такъ какъ одно и тоже сказуемое объ одномъ и томъ же подлежащемъ можно утверждать и отрицать или всеобщимъ, или частнымъ образомъ: то отсюда происходятъ слѣдующія три противорѣчія: между *A* и *E*, между *A* и *O* и между *E* и *J*.

По своей, весьма запутанной терминологіи, логики обыкновенно дѣлятъ эти противоположности на противныя и противорѣчащія,—не смотря на то, что эти названія, конечно, ничего не выражающія, уже употреблены ими для различенія положительной и отрицательной противоположности, такъ что всѣ эти три противоположности имъ оставалось назвать противорѣчащими. Но вмѣсто того, чтобы удержать это однажды принятое словоупотребленіе, они опять противоположность между *A* и *E* называютъ противною, а противоположность между *A* и *O*, между *E* и *J*—противорѣчащею. И даже, вопреки своему словоупотребленію, они принимаютъ противоположность между *J* и *O*, въ которой вовсе нѣтъ противорѣчія, и называютъ ее *подпротивною* (*subcontraria*).

Эту терминологію обыкновенно представляютъ въ слѣдующей таблицѣ:



Трудно сказать, какъ логикамъ пришло на мысль—эти названія положительной и отрицательной противоположности приложить къ

однимъ видоизмѣненіямъ послѣдней. Можетъ быть они обманулись тѣмъ отдаленнымъ сходствомъ, что противоположности *A* и *E*, подобно положительной, не только уничтожаютъ другъ друга, но и полагаютъ нѣчто больше сверхъ простаго отрицанія,—между тѣмъ какъ противоположности *A* и *O*, *E* и *J*, подобно отрицательной, просто уничтожаютъ другъ друга.

Легко представить, сколько затрудненій и запутанностей въ наукѣ причиняетъ это двусмысленное словоупотребленіе. Тѣмъ болѣе должно его исправить, и если мы хочемъ эти видоизмѣненія отрицательной противоположности обозначить приличнымъ названіемъ, то можемъ—противоположности *A* и *O*, *E* и *J*, просто отрицающія другъ друга, назвать *обоюдными* (alternativæ), а противоположность между *A* и *E*—*необоюдною*. Это точнѣе выражаетъ ихъ отношеніе, какъ оно болѣе откроется ниже, въ умозаключеніи.—Что касается до противоположности подпротивной между *J* и *O*, то она не составляетъ противорѣчія, не переставая однакожъ быть противоположностію: потому что частное утвержденіе и частное отрицаніе не только не исключаютъ, но напротивъ, предполагаютъ другъ друга, какъ необходимое себѣ дополненіе; это всецѣло подчиненныя сужденія.

Способности, лежащія въ основаніи сужденія.

§ 101. Какъ *сказательное*, такъ и *причинное* сужденіе приписываются одной основной силѣ, *силѣ сужденія*. Впрочемъ въ житейскомъ употребленіи оба они являются въ простѣйшей и непосредственнѣйшей формѣ: сказательное сужденіе—въ формѣ *пониманія*, а причинное—въ видѣ *соображенія средствъ и цѣлей*. Для этихъ формъ сужденія въ житейскомъ языкѣ различаютъ двѣ особенныя способности: для пониманія—*смыслъ*, для соображенія средствъ и цѣ-

лей — *благоразуміе*, или *практическій умъ*. По этому пониманіе и соображеніе средствъ и цѣлей можно признать практическими формами одной и той же силы сужденія.

Пониманіе предмета состоитъ въ томъ, что мы наблюдаемъ или представляемъ его какъ бы сквозь его понятіе, но такъ, что понятіе тотчасъ возникаетъ въ насъ вмѣстѣ съ наблюденіемъ или представленіемъ.

Понятіе въ пониманіи, какъ сказуемое въ сужденіи, служитъ средствомъ къ познанію и уразумѣнію предмета; только въ пониманіи оно непосредственнѣе прилагается къ предмету и внутреннѣе съ нимъ сливается; оно какъ бы входитъ въ предметъ и совпадаетъ съ нимъ; между тѣмъ какъ въ сужденіи понятіе и предметъ остаются раздѣленными. Пониманіе есть неразвитое сужденіе, а сказательное сужденіе есть развивающееся пониманіе; слѣд. всякому сказательному сужденію, если оно дѣйствительно есть сужденіе, а не простое положеніе, должно предшествовать пониманіе; надобно прежде сознать понятіе предмета для того, чтобы послѣ приложить его къ нему какъ сказуемое.

§ 102. Пониманіе, съ перваго взгляда, едва отличается отъ простаго наблюденія и замѣчанія, потому что оно совпадаетъ съ ними въ одинъ неразличимый актъ. Однакожъ пониманіе, какъ существенно высшій актъ, который впервые вноситъ въ наблюденіе и въ замѣчаніе свѣтъ уразумѣнія, должно отличать отъ обоихъ этихъ дѣйствій уже и потому, что они часто встрѣ-

чаются раздѣльно: какъ не всякое наблюденіе есть замѣчаніе, такъ опять не всякое замѣчаніе есть пониманіе. Мы можемъ видѣть тысячи предметовъ, не замѣчая ихъ; и можемъ замѣчать предметы, и пересказывать объ нихъ другому, читать какія либо мысли и т. п., и однакожъ не разумѣть ихъ.

Свѣтъ разумѣнія, открывающійся для насъ съ пониманіемъ, представляетъ собою нѣчто весьма замѣчательное. Часто мы долгое время носимъ въ себѣ понятіе и не знаемъ, что мы въ немъ имѣемъ, пока оно вдругъ не встрѣтится съ своимъ предметомъ, и не найдетъ своего приложенія. Понятіе и предметъ въ этой встрѣчѣ уподобляются двумъ тучамъ, которыя сближаясь, извлекаютъ другъ у друга молнію: такъ между предметомъ и понятіемъ мгновенно вспыхиваетъ искра разумѣнія, и озаряетъ не только предметъ, но и понятіе. Тогда понятіе получаетъ свое значеніе, а предметъ какъ бы видится насквозь, именно въ немъ усматривается понятіе.

§ 103. Пониманіе или разумѣніе есть дѣйствіе *смысла*, каковымъ названіемъ, по крайней мѣрѣ въ общежитіи, означаютъ только это непосредственное приложеніе понятія къ предмету. Мы обыкновенно приписываемъ смыслъ тому, кто легко и вѣрно понимаетъ, т. е. у кого при наблюденіи какого либо предмета, или при какомъ либо рядѣ представленій, какъ бы въ одно мгновеніе, возникаетъ надлежащее понятіе.

Противоположность смышлености есть *глу-*

пость, въ которой нужно еще различать *отрицательную* и *положительную* сторону, потому что смыслъ или вовсе не имѣетъ понятія, или же нападаетъ на понятія ложныя и превратныя. *Отрицательная глупость,* у которой совсѣмъ нѣтъ понятій, называется *ограниченностію*. Она можетъ происходить отъ двухъ причинъ: или отъ недостатка понятій, или отъ медленности воспроизведенія ихъ. *Положительная глупость,* сбывающаяся на мысли странныя и неумѣстныя, называется *безсмысленностію*.

Сколь ни мало различаются между собою пониманіе и сужденіе внутренно и по существу, однако они разнятся между собою во внѣшности или въ явленіи, такъ что нерѣдко раздѣляются по различнымъ субъектамъ: смыслъ не рѣдко встрѣчается безъ силы сужденія, а сила сужденія — безъ смысла. Это странное разлученіе объясняется раздѣленіемъ понятій, со стороны ихъ происхожденія, на естественныя и искуственныя. Первыя служатъ болѣе для пониманія, а послѣднія — для сужденія, такъ что эти дѣйствія мышленія различаются не только по формѣ, но нѣкоторымъ образомъ и по содержанію.

§ 104. *Причинное сужденіе,* являющееся въ общежитіи въ видѣ соображенія средствъ и цѣлей, производится, подобно пониманію, легко и непосредственно; но эта легкость бываетъ плодомъ не столько счастливыхъ природныхъ дарованій, подобно смышленности, сколько упражненія и пріобрѣтеннаго чрезъ то навыка. Такъ какъ соображеніе средствъ и цѣлей главную

важность имѣетъ въ общежитіи, то надлежащимъ упражненіемъ это соображеніе возвышается до степени непосредственности и легкости, свойственной пониманію, такъ что цѣль и средство представляются мыслямъ какъ бы въ одинъ мигъ.

Этотъ навыкъ, эта непосредственность въ соображеніи средствъ и цѣлей называется *умомъ*, или *благоразуміемъ*, потому что умъ и благоразуміе есть не иное что, какъ умѣнье избирать для своихъ цѣлей самыя простыя, удачныя и дѣйствительныя средства. Противоположное благоразумію качество есть *простота*, которая опять имѣетъ двѣ стороны: *отрицательную* и *положительную*, потому что она то вообще теряется при выборѣ средствъ, то избираетъ средства превратныя и несообразныя съ цѣлію.

Такъ какъ благоразуміе и смыслъ оба равно суть практическія формы двухъ главныхъ отправленій силы сужденія, то съ этой стороны имѣютъ къ ней одинакое отношеніе. Но съ другой, они имѣютъ въ отношеніи къ ней различное положеніе, а именно, благоразуміе, какъ свободно пріобрѣтаемый навыкъ, слѣдуетъ за сужденіемъ, напротивъ того смыслъ, какъ природный даръ, предшествуетъ ему.

ГЛАВА V.

ОБЪ УМОЗАКЛЮЧЕНІЯХЪ.

§ 105. Умозаключеніе есть выводъ сужденія изъ одного, или многихъ другихъ сужденій.

Выводимое сужденіе называется *заключеніемъ*, или *слѣдствіемъ;* а тѣ, изъ которыхъ оно вытекаетъ—*посылками, предыдущими положеніями*, или *основаніями*. Впрочемъ эти логическія, или тождественныя основанія и слѣдствія должно отличать отъ причинныхъ. Логическій выводъ производится посредствомъ тождества: заключеніе силлогизма *скрытно* уже должно содержаться въ посылкахъ, иначе оно не можетъ быть оттуда выведено.

§ 106. Такъ какъ умозаключеніе не производитъ ничего новаго, а только развиваетъ содержащееся уже въ посылкахъ, то оно, по видимому, не можетъ обѣщать большаго успѣха и пріобрѣтенія въ познаніи; но на самомъ дѣлѣ бываетъ иначе; оно исполняетъ весьма важное назначеніе.

Цѣль умозаключенія двоякая: или развивать изъ посылокъ заключеніе, какъ новую для сознанія истину, или же утверждать ее, какъ фактъ уже отъиначе извѣстный.

Если заключеніе неизвѣстно отъиначе, а только еще скрытно содержится въ посылкахъ, то очевидно, что для нашего познанія оно какъ будто и не существуетъ; мы имѣемъ, но не знаемъ его. Въ такомъ неразвитомъ видѣ каждый человѣкъ носитъ въ себѣ чрезвычайно много свѣдѣній, потому что кругъ данныхъ опыта, всякому извѣстныхъ, какъ скоро будетъ развитъ умозаключеніемъ, достаточенъ для самой обширной науки. И однакожъ не менѣе извѣстно, что все богатство вѣдѣнія, затаеннаго въ неразвитомъ опытѣ, для обладающаго имъ, какъ бы

вовсе не существуетъ. Такъ напр. посылки каждаго счета уже содержатъ въ себѣ итогъ; но онъ получается только чрезъ вычисленіе.

Но если заключеніе и извѣстно уже отъиуда, напр. изъ опыта, то и въ такомъ случаѣ силлогизмъ все же исполняетъ весьма важное назначеніе: онъ доказываетъ его истинность и утверждаетъ его, сводя къ высшимъ, всеобщимъ правиламъ, и тѣмъ возвышаетъ его достовѣрность на степень необходимости.

§ 107. Развитіе въ заключеніи новаго познанія можно назвать *поступательнымъ* умозаключеніемъ, причемъ посылки обыкновенно полагаются сначала; напр. «такъ какъ матерія не уничтожается совершенно, то слѣдуетъ, что и изъ сожженнаго города ни одинъ атомъ не пропадаетъ.» *Возвратное* же умозаключеніе имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ заключеніе утверждается высшимъ правиломъ,—причемъ обыкновенно полагается сначала заключеніе, напр. «деревянные полы теплѣе каменныхъ, потому что тѣ суть худшіе проводники тепла, а худые проводники тепла всегда больше удерживаютъ въ себѣ теплоты.»

Этотъ двоякій ходъ умозаключенія соотвѣтствуетъ двоякому дѣйствію разумѣнія: переработкѣ и приложенію, простирающимся чрезъ все мышленіе,—и слѣд. соотвѣтствуетъ именно разности положенія и сужденія. *Поступательное* умозаключеніе, подобно положенію, есть переработка и анализъ; оно развиваетъ новое содержаніе, даетъ болѣе *познанія,* чѣмъ уразумѣнія: напротивъ, *возвратное* умозаключеніе прила-

гаетъ правило къ особенному случаю, точно такъ какъ сужденіе прилагаетъ понятіе къ предмету; это умозаключеніе есть подведеніе частнаго случая подъ правило, и даетъ не новое познаніе, а *уразумѣніе,* что имѣетъ гораздо высшую цѣну.

Дѣленіе умозаключеній.

§ 108. Прежнее дѣленіе и исчисленіе умозаключеній неполно и недостаточно, потому что самые важные и плодовитѣйшіе способы умозаключенія, именно основывающіеся на отношеніяхъ сужденій, или вовсе не были принимаемы въ разсужденіе, или представляемы были совсѣмъ не какъ умозаключенія; напротивъ основныя, самыя простыя и скудныя умозаключенія логики развивали тѣмъ съ большею обширностію, и пустыя мечты, какъ-то сорпты и имъ подобныя, естественному мышленію совсѣмъ непзвѣстныя и несродныя мудрованія, изслѣдовали съ необыкновенною роскошью утонченностей.

Впрочемъ прежнее дѣленіе умозаключеній на *непосредственныя* и *посредственныя,* не смотря на его неполноту, справедливо, а потому и мы удерживаемъ его.

Непосредственныя умозаключенія суть тѣ, которыя происходятъ чрезъ одни только измѣненія даннаго сужденія, причемъ, слѣдовательно, дѣйствіе совершается только въ двухъ главныхъ понятіяхъ; напр. «такъ какъ всѣ удѣльно тяжелѣйшія тѣла въ водѣ тонутъ, то потонутъ так-

же тѣ или другія.»

Посредственнымъ умозаключеніемъ напротивъ называютъ то, въ которомъ заключеніе выводится чрезъ какія либо посредствующія сужденія; напр. «золото тонетъ въ водѣ, потому что оно относительно тяжелѣе ея, а всѣ такія тѣла тонутъ въ водѣ.» Два послѣднія сужденія входятъ посредствующими членами между подлежащимъ и сказуемымъ перваго; они происходятъ оттого, что посредствующее понятіе въ первомъ изъ нихъ вводится въ соотношеніе съ подлежащимъ, а въ послѣднемъ — съ сказуемымъ, чтобы отсюда открывалось и отношеніе подлежащаго и сказуемаго между собою. Въ посредственныхъ умозаключеніяхъ дѣйствіе совершается въ трехъ понятіяхъ: въ подлежащемъ и сказуемомъ заключенія и среднемъ понятіи. Этотъ составъ посредственнаго умозаключенія изъ трехъ главныхъ понятій и посредствующее положеніе средняго понятія яснѣе всего открываются въ сокращенной формѣ выраженія, въ какой употребляется оно въ общежитіи: такъ въ вышеупомянутомъ примѣрѣ: «золото, какъ тяжелое тѣло, тонетъ въ водѣ.»

§ 109. Признавая различіе между умозаключеніями непосредственными и посредственными, мы однакожъ не можемъ приписать ему той важности, какую приписываютъ нѣкоторые логики, слѣдуя Канту: не можемъ назвать непосредственныя умозаключенія заключеніями разсудка, а посредственныя — заключеніями ума, и слѣд. отнести ихъ къ двумъ различнымъ способностямъ мышленія. Въ существѣ своемъ по-

средственное умозаключеніе есть тоже самое отправленіе мышленія, только съ прибавленіемъ средняго понятія, такъ что и посредственное умозаключеніе можетъ быть выражено въ формѣ непосредственнаго. Умозаключеніе вообще находится въ такомъ сродствѣ съ сужденіемъ, что мы совершенно не имѣемъ причины назначать для него особенную способность мышленія, какой не знаетъ обыкновенный разговорный языкъ, а тѣмъ менѣе различать двѣ способности для двухъ формъ умозаключенія.

И посредственное и непосредственное умозаключеніе основываются на развитіяхъ, какія возможны въ предѣлахъ одного и того же сужденія: непосредственное умозаключеніе основывается на однихъ измѣненіяхъ его, (по качеству, количеству и образности), а посредственное, ограничиваясь объемомъ одного сужденія, а именно заключенія, выставляетъ только его посредствующій членъ.

Впрочемъ, мышленіе можетъ и выходить умозаключеніемъ за предѣлы одного сужденія и переходить къ другому, открывая между ними какое либо соотношеніе по содержанію и объему. При этомъ оно дѣлаетъ существенно новые и большіе успѣхи: успѣхи ума какъ въ житейской опытности, такъ и въ научномъ образованіи пріобрѣтаются умозаключеніями, развивающимися именно по этимъ взаимнымъ соотношеніямъ сужденій.

Этотъ третій главный видъ умозаключеній мы называемъ умозаключеніями *соотносительными*.

Первый главный видъ умозаключений.

Умозаключеніе непосредственное.

§ 110. Непосредственное умозаключеніе совершается только въ двухъ главныхъ понятіяхъ, и ограничивается по этому перемѣнами, какія возможны въ данномъ сужденіи; а ихъ можетъ быть столько, сколько сужденіе имѣетъ сторонъ, въ которыхъ эти перемѣны могутъ происходить: эти стороны суть количество, качество и образность, и слѣд. непосредственныя умозаключенія могутъ происходить чрезъ перемѣну количества, качества и образности. А можетъ быть и въ основной категоріи сужденій— отношеніи, возможны такія перемѣны, отъ которыхъ будутъ происходить непосредственныя умозаключенія.

а) Умозаключенія чрезъ перемѣну образности.

§ 111. Можно заключать отъ необходимости даннаго сужденія къ дѣйствительности, и отъ необходимости и дѣйствительности—къ возможности того, что говорится; но не наоборотъ. Слѣд. положительныхъ умозаключеній такого рода три; причемъ надобно обращать вниманіе на то, чтобы необходимость была доказана, потому что одно увѣреніе въ необходимости, какъ въ практикѣ, такъ и въ умозрѣніи, нерѣдко такъ мало уважается, что ему возражаютъ съ усмѣшкою: «должно быть, да нѣтъ этого.»—Отрицательныхъ умозаключеній также три рода, только они происходятъ въ обратномъ порядкѣ; имен-

но, отъ невозможности заключается къ недѣйствительности, отъ недѣйствительности и невозможности—къ ненеобходимости; но не наоборотъ.

б) Умозаключенія чрезъ перемѣну количества.

§ 112. Изъ всеобщаго сужденія слѣдуетъ частное: a veritate universalis propositionis ad veritatem particularis valet consequentia; впрочемъ отъ общаго слѣдуетъ заключать къ частному только тогда, когда это общее говорится о каждомъ порознь предметѣ извѣстнаго круга, а не о цѣлой ихъ совокупности. Напр. «всѣ (порознь) люди смертны, слѣд. и Титъ;» но нельзя такъ: «Россія есть плодоноснѣйшая страна въ свѣтѣ, слѣд. и такая-то часть ея, напр. Астраханская губернія.»

в) Умозаключенія происходящія чрезъ измѣненіе качества, и частице,—непосредственныя умозаключенія противорѣчія.

§ 113. Когда перемѣнимъ *качество* сужденія, то получимъ другое, *отрицательно*-противорѣчащее ему сужденіе, именно отрицающее связку, или выводъ перваго. Этотъ видъ отрицательнаго противорѣчія сужденій содержитъ въ себѣ основаніе для извѣстнаго рода *непосредственныхъ* умозаключеній. Но точно такія же умозаключенія могутъ происходить и тогда, когда въ двухъ сужденіяхъ сказуемыя или дѣйствія просто себя отрицаютъ, что составляетъ второй видъ отрицательнаго противорѣчія (§ 98). Сверхъ того, подобныя умозаключенія можно дѣлать и на основаніи *положительнаго* проти-

ворѣчія сужденій, когда т. е. они имѣютъ противныя сказуемыя, или противные выводы и дѣйствія. По этому умозаключенія, происходящія чрезъ перемѣну качества сужденій, т. е. основывающіяся на отрицательномъ противорѣчіи ихъ связокъ или выводовъ, можно признать представителями вообще всѣхъ умозаключеній, какія основываются на непосредственномъ противорѣчіи сужденій.

Новыя противорѣчія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя умозаключенія чрезъ противорѣчіе происходятъ тогда, когда разности количества соединяются съ разностями качества; таковы именно противорѣчія между *A* и *E*, между *A* и *O* и между *E* и *J*.

§ 114. Разсмотримъ тѣ умозаключенія, какія могутъ происходить, когда разности количества присоединяются къ измѣненію въ сужденіяхъ *качества*.

При противорѣчіи двухъ сужденій можно заключать двоякимъ образомъ: отъ истинности одной противоположности къ ложности другой, и отъ ложности одной противоположности къ истинности другой.

Первый образъ умозаключенія встрѣчается вообще во всѣхъ трехъ противорѣчіяхъ, происходящихъ при соединеніи количества и качества; послѣдній же только въ двухъ противорѣчіяхъ: *A* и *O*, *E* и *J*, которыя по этому мы выше назвали *обоюдными* (§ 100 примѣч). Въ этихъ послѣднихъ противорѣчіяхъ та или другая проти-

воположность должна быть истинною; въ *A* и *E* всѣ противоположности могутъ быть ложными, почему мы и назвали ихъ *необоюдными*.

Такъ какъ въ каждомъ изъ этихъ пяти противорѣчій (трехъ необоюдныхъ и двухъ обоюдныхъ) можно заключать или отъ одного, или отъ другаго члена, то отсюда происходятъ десять видовъ умозаключеній: *шесть* видовъ умозаключеній отъ *истинности* одного члена къ ложности другаго; именно можно заключать: 1) отъ истинности всеобщаго утвержденія къ ложности всеобщаго отрицанія; напр. «всѣ тѣла занимаютъ извѣстное пространство; слѣд. ложно, что никакое тѣло не занимаетъ пространства.» 2) Наоборотъ, отъ истинности всеобщаго отрицанія къ ложности всеобщаго утвержденія; напр. «ни одно растеніе не имѣетъ произвольнаго движенія; слѣд. ложно, что всѣ растенія имѣютъ произвольное движеніе.» 3) Отъ истинности всеобщаго утвержденія къ ложности частнаго отрицанія; напр. «всѣ тѣла занимаютъ извѣстное пространство; слѣд. ложно, что нѣкоторыя не занимаютъ его.» 4) Наоборотъ, отъ истинности частнаго отрицанія къ ложности всеобщаго утвержденія; напр. «справедливо, что нѣкоторыя растенія не имѣютъ произвольнаго движенія; слѣд. ложно, чтобы всѣ растенія имѣли произвольное движеніе.» 5) Отъ истинности всеобщаго отрицанія къ ложности частнаго утвержденія; напр. «если истинно, что никакое ученое произведеніе не соотвѣтствуетъ вполнѣ идеѣ знанія, то ложно, что нѣкоторыя соотвѣтствуютъ.» 6) Наоборотъ, отъ истинности частнаго утвержденія къ ложности всеобщаго отрица-

нія; напр. «нѣкоторыя растенія имѣютъ цвѣтъ голубой; слѣд. ложно, что никакое растеніе не имѣетъ цвѣта голубаго.»

Обратно, отъ *ложности* одного члена къ истинности другаго возможны *четыре* умозаключенія, именно: 7) можно заключать отъ ложности всеобщаго утвержденія къ истинности частнаго отрицанія; что ложно относительно всѣхъ, то должно быть отрицаемо по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ; напр. «ложно, что всѣ растенія имѣютъ произвольное движеніе; слѣд. справедливо, что и нѣкоторыя растенія не имѣютъ произвольнаго движенія.» 8) Можно также заключать, наоборотъ, отъ ложности частнаго отрицанія къ истинности всеобщаго утвержденія; чего нельзя отрицать о нѣкоторыхъ, то должно утверждать обо всемъ; напр. «ложно, что нѣкоторыя тѣла не занимаютъ пространства; слѣд. справедливо, что всѣ тѣла занимаютъ извѣстное пространство.» 9) Наконецъ, отъ ложности всеобщаго отрицанія можно заключать къ истинности частнаго утвержденія; напр. «ложно, что ни одно существо не одарено разумомъ; слѣд. справедливо, что нѣкоторыя существа одарены разумомъ.» и 10) Наоборотъ, отъ ложности послѣдняго къ истинности перваго; напр. «ложно, что нѣкоторые квадраты имѣютъ болѣе четырехъ сторонъ; слѣд. справедливо, что ни одинъ квадратъ не имѣетъ болѣе четырехъ сторонъ.»

Если мы означимъ истинность сужденія чрезъ +, ложность его чрезъ —, то можно будетъ вышесказанныя умозаключенія кратко предста-

вить въ слѣдующей схемѣ: 1)+A=—E; 2)+E=—A; 3)+A=—O; 4)+O=—A; 5)+E=—J; 6)+J=—E; 7)—A=+O; 8)—O=+A; 9)—E=+J; 10)—J=+E.

§ 115. Совершенно тѣже умозаключенія повторяются при *отрицательной* противоположности сказуемыхъ и дѣйствій, каково напр: «сущность человѣка вѣчна; сущность человѣка не вѣчна.»

При *положительной* противоположности, когда она будетъ двучленна, повторяются также вышесказанные способы заключенія, и притомъ безъ малѣйшаго измѣненія, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «тѣла суть или твердыя, или жидкія.» Но если положительная противоположность будетъ трехчленная и многочленная (какую напр. представляютъ цвѣта), тогда изъ истинности одного члена слѣдуетъ ложность всѣхъ прочихъ, равно какъ и изъ ложности всѣхъ прочихъ— истинность одного.

Проводя вышеупомянутыя правила по какимъ бы то ни было примѣрамъ, мы испытываемъ, что несправедливо не только въ логическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи заключать отъ ложности всеобщаго утвержденія къ истинности *всеобщаго* отрицанія, и обратно—отъ ложности всеобщаго отрицанія къ истинѣ *всеобщаго* утвержденія: погрѣшность, въ которую часто впадаютъ люди. И въ самомъ дѣлѣ, не излишне внушать и нравственную важность этого логическаго правила, потому что неразсудительно и несправедливо было бы, дознавши напр. не-

справедливость положенія, что всѣ вообще люди добры, тотчасъ заключатъ, что всѣ они безусловно злы. При размышленіи мы найдемъ, что и въ сужденіи объ одномъ предметѣ, согласно съ этимъ правиломъ, нельзя безусловно переходить отъ одной противоположности къ другой,— какъ напр. въ положеніи: «Титъ или разсудителенъ, или глупъ.»

§ 116. Тѣ измѣненія даннаго сужденія, отъ которыхъ происходили разсмотрѣнныя нами непосредственныя умозаключенія, относились къ образности, количеству и качеству. Теперь посмотримъ, не можетъ ли и въ существенной основѣ сужденій, т. е. въ *отношеніи* ихъ членовъ, имѣть мѣста измѣненіе, отъ котораго происходило бы непосредственное умозаключеніе? При сужденіи причинномъ это невозможно, потому что здѣсь послѣдовательность членовъ одного за другимъ необходима и неизмѣнна; но при сказательномъ—возможно, потому что члены его находятся въ отношеніи тождества, которое можетъ быть разсматриваемо и съ обратной стороны, или что тоже—превращаемо.

По этому подлежащее и сказуемое сужденія можно перемѣщать, т. е. подлежащее дѣлать сказуемымъ, а сказуемое—подлежащимъ новаго сужденія. Такого рода измѣненіе называется *превращеніемъ*. По образующіяся чрезъ это умозаключенія бываютъ такъ принужденны, что трудно встрѣтить ихъ въ естественномъ житейскомъ мышленіи. Между тѣмъ прочія непосредственныя умозаключенія чрезвычайно часто употребляютъ при раскрытіи и обстоятельнѣйшемъ

выраженіи мыслей, употребляютъ впрочемъ, не пріобрѣтая чрезъ то какихъ либо значительныхъ новыхъ понятій, а только почти ненамѣренно объясняя прежнія. Умозаключенія чрезъ превращеніе суть движенія мысли въ область возможнаго; это одно изъ немногихъ *изобрѣтеній* у логиковъ, но которыя, по этой самой причинѣ, и ни къ чему не годятся, такъ какъ логикъ долженъ только открывать, а не изобрѣтать,— только изыскивать, а не мудрить.

г) Умозаключенія чрезъ превращеніе.

§ 117. Различные виды сказательнаго сужденія не всѣ и не одинакимъ образомъ превращаются. Образность не вноситъ въ превращеніе никакой разности, потому что превращенное сужденіе удерживаетъ данную образность; но количество и качество въ превращеніе вносятъ разности.

Всеобщее утвердительное сужденіе, разсматриваемое по крайней мѣрѣ вообще и по формѣ, допускаетъ не простое превращеніе, а измѣненное, съ уменьшеніемъ количества. Такъ напр. «всѣ люди суть животные, но не наоборотъ: всѣ животные суть люди, а только нѣкоторые животные.» Вообще и по понятію сказательнаго сужденія сказуемое есть высшее понятіе, которому подлежащее подчиняется какъ часть его сферы; а изъ того открывается, что понятіе подлежащаго, хотя необходимо прилагается къ части сказуемаго, но только къ части его. Одни тождественныя сужденія и опредѣленія допускаютъ исключительно простое пре-

вращеніе, безъ измѣненія, что въ опредѣленіяхъ служитъ доказательствомъ ихъ правильности.

Частное утвердительное сужденіе допускаетъ какъ простое превращеніе, безъ измѣненія количества, такъ и измѣненное,—съ обобщеніемъ количества, хотя прежніе логики въ частно-утвердительномъ сужденіи признавали возможнымъ только простое превращеніе. Разность его превращенія зависитъ отъ различнаго между собою отношенія членовъ его по объему, такъ какъ иногда подлежащее и сказуемое пересѣкаютъ другъ друга, а иногда обширнѣйшее понятіе подлежащаго стѣсняется въ одинъ объемъ съ сказуемымъ. Только въ первомъ случаѣ сужденіе превращается просто, напр. «нѣкоторые актеры суть художники, и нѣкоторые художники—актеры.» А если частное утвержденіе происходитъ чрезъ сокращеніе обширнѣйшаго понятія подлежащаго, напр. «нѣкоторые люди суть логики,» то вышелъ бы довольно забавный результатъ, еслибъ мы захотѣли по правилу прежней логики превращать просто: «нѣкоторые логики суть люди,» тогда какъ всѣ они люди.

§ 118. *Всеобщее отрицательное* сужденіе допускаетъ превращеніе безъ перемѣны количества, потому что если подлежащее всецѣло исключается изъ сказуемаго, то и сказуемое изъ подлежащаго.

Частное отрицательное сужденіе, смотря по отношенію объема, на которомъ оно основывается, можетъ быть превращаемо различно, а именно: въ случаѣ пересѣченія превращается

просто въ частно-отрицательное, а въ случаѣ сокращенія подлежащаго превращается даже въ обще-утвердительное сужденіе. Впрочемъ эти превращенія не суть логическія слѣдствія частнаго отрицанія, и потому справедливо говорятъ, что частно-отрицательнаго сужденія нельзя превращать, съ тою именно цѣлію, чтобы получить чрезъ это какое либо годное непосредственное умозаключеніе; если напр. нѣкоторые люди не суть логики, то хотя наоборотъ, всѣ логики суть люди, однакожъ не потому, что иные люди не принадлежатъ къ ихъ тѣсному кругу.

Превращеніе безъ измѣненія количества логики называютъ *превращеніемъ простымъ* (conversio simplex), а съ уменьшеніемъ количества — *превращеніемъ случайнымъ* (conversio per accidens). Возможныя по ихъ понятію превращенія заключаются въ слѣдующемъ дурномъ стихѣ:

E, *J* simpliciter convertitur, ast *A* per accid (ens).

д) Умозаключенія чрезъ противопоставленіе.

§ 119. Чтобы получить непосредственныя умозаключенія, логики покушались дѣлать еще искуственнѣйшее измѣненіе сужденій, именно *противопоставленіе*. Здѣсь не только превращается сужденіе, но и полагается вмѣсто его сказуемаго отрицательная его противоположность, какому измѣненію могутъ подвергаться сужденія только обще-утвердительныя и частно-отрицательныя. Естественно, что тогда и качество новаго сужденія перемѣняется. Такимъ образомъ

хитростію и силою наконецъ дѣйствительно выжимаютъ изъ всеобщаго утвердительнаго сужденія: напр. «всѣ люди смертны,» столько же всеобщее противопоставленіе: «никто безсмертный не есть человѣкъ,» и изъ частно-отрицательнаго, напр. «нѣкоторые люди неучены,» также частное противопоставленіе: «и нѣчто неученое все же есть человѣкъ.»

Въ двухъ прочихъ видахъ соединеннаго количества и качества. противопоставленіемъ нельзя ничего сдѣлать, или если можно, то весьма мало. Частное утвержденіе не допускаетъ противопоставленія, потому что частное отрицательное предложеніе не опредѣляетъ, какое отношеніе имѣетъ противоположность сказуемаго къ подлежащему. Всеобщее же отрицаніе допускаетъ противопоставленіе только съ уменьшеніемъ количества; напр. если ни одинъ человѣкъ не ангелъ, то нѣкоторые не ангелы суть люди, въ чемъ впрочемъ немного выигрыша для логиковъ. Вышеприведенный памятный стихъ продолжаетъ:

A, O per contra; sic fit conversio tota.

Второй главный видъ умозаключеній.

Умозаключеніе посредственное.

§ 120. Посредственное умозаключеніе, которое основывается на среднемъ понятіи, связующемъ члены заключенія, соотвѣтствуетъ сложному сужденію, такъ какъ каждое посредственное умозаключеніе можетъ быть выражаемо слож-

нымъ сужденіемъ, и въ общежитіи дѣйствительно такъ и выражается. Впрочемъ оно существенно отличается отъ обыкновеннаго сложнаго сужденія самимъ посредничествомъ третьяго понятія; отчего и происходитъ, что посредственное умозаключеніе разлагается на три сужденія, между тѣмъ какъ сужденіе сложное изъ трехъ понятій разлагается только на два положенія.

Примѣч. Польза, доставляемая посредственнымъ умозаключеніемъ для развитія и утвержденія познаній, незначительна, и едва ли заслуживаетъ столь обширнаго и тщательнаго изслѣдованія, какое досель, а особенно въ древнѣйшія времена, посвящаемо было этой части Логики. Между тѣмъ съ другой стороны, эта часть Логики имѣетъ и свой интересъ—тотъ, что по крайней мѣрѣ относительно категорическаго умозаключенія, она приведена въ ясность и закончена, и притомъ большею частію еще Аристотелемъ. Ученіе о категорическомъ умозаключеніи въ точности и необходимости изложенія не уступитъ никакой части Математики. Это самое и побуждаетъ насъ, не смотря на подчиненное значеніе посредственныхъ умозаключеній, разсмотрѣть ихъ съ возможною точностію.

§ 121. Посредственное умозаключеніе есть показаніе отношенія между двумя представленіями посредствомъ третьяго понятія.

Въ общежитіи это посредство выражается весьма просто, сложнымъ сужденіемъ, потому что среднее понятіе иногда принимается въ заключеніе, какъ средній членъ, а иногда присоединяется къ нему впереди или позади, какъ основаніе. Такъ обыкновенный примѣръ посредственнаго силлогизма въ общежитіи выражается въ слѣдующихъ видахъ: «Кай смертенъ, потому что

онъ человѣкъ;» или: «какъ всѣ люди смертны, то и Кай,» или наконецъ гораздо короче: «Кай, какъ человѣкъ, смертенъ.» Это педантизмъ, когда такіе образы выраженія посредственнаго умозаключенія называютъ энтимемами, или сокращеніями, какъ будто бы мыслящій при томъ что нибудь умалчиваетъ или удерживаетъ въ духѣ (ἐν θύμῳ): потому что на самомъ дѣлѣ мысль не вдается въ такія околичности, и всего менѣе слѣдуетъ той растянутой силлогистической формѣ, въ которой логики развертываютъ посредственное умозаключеніе.

Впрочемъ такое разложеніе посредственнаго умозаключенія позволительно для логика, и хорошо понимаемое имѣетъ свою добрую научную цѣль. Чрезъ это механизмъ посредственнаго умозаключенія разлагается какъ бы на свои колеса, и потомъ снова слагается для того, чтобы процессъ его, который совершается мгновенно, пересмотрѣть во всѣхъ частныхъ моментахъ, и такимъ образомъ понять его въ самомъ основаніи.

§ 122. По школьному способу изложенія посредственное умозаключеніе разлагается на три положенія: заключеніе и двѣ посылки. Заключеніе содержитъ два члена (подлежащее и сказуемое, причину и дѣйствіе), которыхъ взаимное отношеніе должно быть найдено, а находится оно чрезъ показаніе отношенія ихъ къ третьему, среднему понятію; отсюда происходятъ двѣ посылки.

Что касается до того, какая изъ двухъ этихъ

посылокъ должна быть *большимъ* и какая *меньшимъ* предложеніемъ, то логики для такъ называемаго категорическаго умозаключенія имѣютъ весьма опредѣленное правило, (которое мы покажемъ въ своемъ мѣстѣ); но о посылкахъ вообще для посредственнаго умозаключенія понятія ихъ весьма шатки. Вообще подъ большимъ предложеніемъ они разумѣютъ общее правило, которому должно быть подчинено заключеніе, а подъ меньшимъ—среднее сужденіе, помощію котораго дѣлается это подчиненіе. Но эти понятія не вездѣ имѣютъ приложеніе; они не идутъ къ посредственнымъ причиннымъ умозаключеніямъ.

По школьной формулѣ, сначала полагаются посылки, какъ основанія умозаключенія, и притомъ сперва общее правило, потомъ къ нему примыкается среднее сужденіе съ частицею: *но какъ*, а наконецъ выводится самое заключеніе посредствомъ: *слѣдовательно*. Впрочемъ размѣщеніе сужденій въ умозаключеніи предоставляется произволу, такъ что и заключеніе можно поставлять сначала, особенно когда оно не развивается какъ новое познаніе, а только утверждается, какъ извѣстная уже мысль.

Примѣч. Силлогизмъ какъ рогатый, такъ и нерогатый въ древнихъ школахъ почитался страшнымъ оружіемъ въ диспутахъ; и это оружіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь еще по временамъ извлекается учеными изъ старой ружейной. Его употребленіе подчинено различнымъ школьнымъ формуламъ, которыя подобно какимъ либо остаткамъ старины могутъ удерживать свою цѣну и значеніе, если только употребляются съ благоразумною свободою и приличіемъ.

Раздѣленіе посредственныхъ умозаключеній.

§ 123. Логики обыкновенно насчитываютъ три вида посредственныхъ умозаключеній: умозаключеніе *категорическое*, *условное* и *раздѣлительное*.

Примѣч. Началомъ раздѣленія служитъ у нихъ отношеніе. Уже изъ этого они могли бы заключать, что отношеніе должно бы быть главнымъ началомъ для раздѣленія и сужденій, потому что, какъ посредственныя умозаключенія и сужденія сродны между собою, то одна и таже главная отличительная черта должна проходить по тѣмъ и другимъ; только въ посредственныхъ умозаключеніяхъ логики скорѣе могли замѣтить эту черту, нежели въ сужденіяхъ, потому что чѣмъ запутаннѣе формы мышленія, тѣмъ болѣе второстепенныя разности опадаютъ и тогда явственными становятся главныя отличія. Впрочемъ логики и здѣсь много погрѣшаютъ, обращая вниманіе только на отношеніе большей посылки; они должны бы смотрѣть на отношеніе, проходящее чрезъ все умозаключеніе, и спрашивать: какое отношеніе между двумя членами умозаключенія установляется среднимъ понятіемъ?

Но по сходству сужденій съ умозаключеніями мы должны ожидать у логиковъ погрѣшностей и въ *раздѣленіи* умозаключеній,—должны ожидать во первыхъ, что самыя названія видовъ умозаключенія будутъ неудачны и несообразны съ предметомъ, и во вторыхъ, что главныхъ видовъ посредственнаго умозаключенія будетъ не три, а два,—сказательное и причинное, а умозаключеніе раздѣлительное не будетъ особенною главною формою силлогизмовъ, также какъ и раздѣленіе не было особенною основною формою сужденія.

Мы начнемъ изложеніе силлогизмовъ съ *умозаключенія раздѣлительнаго*, подозрѣвая, что оно не принадлежитъ къ посредственнымъ силлогизмамъ.

§ 124. Умозаключеніе *раздѣлительное,* по принятому понятію, состоитъ въ томъ, что изъ двухъ членовъ раздѣленія, которые въ большей посылкѣ сказываются о подлежащемъ, одинъ въ меньшей посылкѣ полагается, а другой, по этому, въ заключеніи отрицается,—или же одинъ членъ въ меньшей посылкѣ отрицается, а другой въ заключеніи утверждается. Если напр. дано слѣдующее раздѣлительное сужденіе: «это тѣло есть или твердое или жидкое;» то отсюда можно вывесть двоякое умозаключеніе: «но оно твердое, слѣд. не есть жидкое,» или: «оно не есть жидкое, слѣд. оно твердое.»

По этому раздѣлительное умозаключеніе имѣетъ двоякую форму: 1) такъ называемый *modus ponens,* или правильнѣе *ponendo tollens,* способъ положительный, или положительно-отрицательный, по которому отъ положенія одного изъ двухъ членовъ дѣленія большей посылки заключается къ отрицанію другаго члена; и 2) *modus tollens,* или правильнѣе *tollendo ponens,* способъ отрицательный или отрицательно-положительный, по которому изъ отрицанія одного члена слѣдуетъ положеніе другаго.

§ 125. Но этотъ раздѣлительный образъ умозаключенія не составляетъ особеннаго вида умозаключеній посредственныхъ, потому что вообще онъ и не содержитъ въ себѣ никакой *посредственности* умозаключенія: хотя въ немъ и есть третье понятіе, однако нѣтъ понятія средняго, которое въ большей посылкѣ сочетавалось бы съ однимъ, а въ меньшей съ другимъ понятіемъ умозаключенія, потому что въ мнимой меньшей

посылкѣ и въ заключеніи все производится только понятіями большей посылки.

Есть, конечно, болѣе запутанныя и сложныя формы раздѣлительнаго умозаключенія, въ которыхъ встрѣчается и посредственность умозаключенія; но объ этихъ формахъ логики не хотятъ говорить. Сюда относится напр. умозаключеніе: «тѣла суть или твердыя или жидкія; но ртуть не есть тѣло твердое, слѣд. есть жидкое.» Здѣсь дѣйствительно входитъ новое, невысказанное въ большей посылкѣ понятіе, которое въ меньшей посылкѣ тайно подводится подъ посредствующее понятіе *тѣло*.

§ 126. Одно это замѣчаніе показываетъ, что раздѣлительное умозаключеніе не есть посредственное. А ближайшее разсмотрѣніе совершенно подтвердитъ это и покажетъ, что раздѣлительное умозаключеніе уже было разсмотрѣно, только нѣсколько правильнѣе, между умозаключеніями непосредственными; и слѣд. донынѣшняя Логика, обманываясь различными формами выраженія, излагала его вдвойнѣ. Оно есть не что иное, какъ непосредственное умозаключеніе, производимое чрезъ перемѣну качества, только въ болѣе развитомъ видѣ,—есть умозаключеніе посредствомъ противорѣчія вообще.

Modus ponens, или *ponendo tollens* есть заключеніе отъ истинности одного изъ двухъ противоположныхъ сужденій къ ложности другаго. Оно совершается въ меньшей посылкѣ и заключеніи. Въ *modus ponens* имп можно и довольствоваться и обыкновенно довольствуются въ

общежитіи, а большая посылка служитъ только къ тому, чтобы высказать противоположность между двумя сужденіями.

Modus tollens, или *tollendo ponens*, представляетъ второй главный образъ непосредственнаго заключенія на основаніи противорѣчія сужденій: заключеніе отъ ложности одной противоположности къ истинности другой. Это заключеніе также совершается въ меньшей посылкѣ и заключеніи. Но здѣсь большая посылка нужнѣе, чѣмъ въ *modus ponens*, потому что заключеніе отъ ложности одного члена къ истинности другаго,—что опускаютъ изъ виду логики,—имѣетъ мѣсто не между всѣми противоположностями, а только между противоположными членами двойственнаго дѣленія. Итакъ большая посылка въ modus tollens имѣетъ особенное назначеніе сказывать, что въ немъ есть необходимое условіе заключать отрицательно-положительнымъ образомъ, и именно—двойственное дѣленіе членовъ.

§ 127. Далѣе, большая посылка въ раздѣлительномъ умозаключеніи большею частію имѣетъ высшее количество, нежели меньшая; поэтому здѣсь входитъ еще другой непосредственный выводъ отъ общаго къ частному, умалчиваемый уже по своей простотѣ, какъ въ слѣд. примѣрѣ: «кровеносные сосуды суть или вены или артеріи, (слѣд. этотъ кровеносный сосудъ есть или вена или артерія); но этотъ кровеносный сосудъ не есть вена, слѣд. онъ артерія.» Кромѣ того, при своей общности, большая посылка можетъ имѣть болѣе раздробительный, нежели раздѣли-

тельный смыслъ, и этотъ послѣдній,—двойственная противоположность членовъ, можетъ только подразумѣваться.

Такимъ образомъ, какъ раздѣлительное умозаключеніе допыпѣшнихъ Логикъ есть только повтореніе отношенія мыслей, уже разсмотрѣннаго нами въ другомъ видѣ, то для посредственнаго умозаключенія остаются только два главные вида: силлогизмъ такъ называемый *категорическій* и *условный,* въ которыхъ мы падѣемся найти сказательныя и причинныя отношенія умозаключеній.

Первый видъ посредственнаго умозаключенія.

Категорическое, или правильнѣе, сказательное посредственное умозаключеніе.

§ 128. Сказательное посредственное умозаключеніе есть то, въ которомъ подлежащее и сказуемое заключенія, въ двухъ посылкахъ, или по *объему* или по *содержанію,* приводятся въ соотношеніе съ третьимъ (которое потому и называется среднимъ), и въ слѣдствіе того положительнымъ или отрицательнымъ, общимъ или частнымъ образомъ сочетаваются между собою: потому что два понятія, которыя по объему или содержанію находятся съ третьимъ въ какомъ либо отношеніи, входятъ въ извѣстное отношеніе и между собою. Напр. чтобы сдѣлать заключеніе: «всѣ ученые могутъ погрѣшать,» мы поставляемъ въ двухъ посылкахъ, въ одной подлежащее: «ученые,» а въ другой сказуемое: «погрѣшимость,» въ соотношеніе съ среднимъ

понятіемъ «человѣкъ» и умозаключаемъ: «всѣ люди могутъ погрѣшать; а всѣ ученые суть люди, слѣд. всѣ ученые могутъ погрѣшать.»

§ 129. Подлежащее заключенія, такъ какъ оно со стороны объема подчиняется сказуемому, называютъ *terminus minor*, меньшимъ понятіемъ; а сказуемое заключенія, которому подчиняется подлежащее, называютъ *terminus major*, большимъ понятіемъ. По этой самой причинѣ ту посылку, которая показываетъ отношеніе между понятіемъ меньшимъ и среднимъ (term. medius), — гдѣ бы она ни стояла, — называютъ предложеніемъ меньшимъ, *propositio minor;* а ту посылку, которая выражаетъ отношеніе между большимъ понятіемъ и среднимъ, также независимо отъ ея положенія, называютъ предложеніемъ большимъ, *propositio major.*

Порядокъ предложеній умозаключенія для Логики есть вещь совершенно безразличная. Если я напр. въ вышеприведенномъ случаѣ перемѣщу предложенія и начну такъ: «всѣ ученые суть люди, а всѣ люди погрѣшаютъ, слѣд. и проч.» — то не смотря на это, посылка съ меньшимъ понятіемъ «ученые» останется меньшимъ предложеніемъ, а посылка съ большимъ понятіемъ «погрѣшимость» останется предложеніемъ большимъ.

Общія правила.

§ 130. Изъ понятія о посредственномъ сказательномъ умозаключеніи выходятъ слѣдующія *общія правила* для него.

Простое посредственное сказательное умозаключеніе должно содержать въ себѣ только три главныхъ понятія, ни болѣе, ни менѣе. Что по крайней мѣрѣ три понятія потребны въ немъ для того, чтобы установить взаимное отношеніе двухъ понятій чрезъ ихъ обоюдное отношеніе къ третьему, это очевидно само по себѣ. Понятно также, что не было бы никакого результата, если бы мы оба понятія умозаключенія поставили въ соотношеніе не съ однимъ только третьимъ, а съ двумя различными средними терминами: тогда не доставало бы пункта сравненія. Четыре главныхъ понятія даютъ ложное умозаключеніе, которое называется *quaternio terminorum*. Это происходитъ обыкновенно скрытнымъ образомъ, когда съ одними и тѣми же словами соединяютъ различныя значенія. Иногда удвоеніе средняго понятія происходитъ отъ собственнаго и переноснаго значенія слова, какъ напр. въ слѣдующемъ случаѣ: «лисицы имѣютъ четыре ноги; Иродъ былъ лисица, слѣд. онъ имѣлъ четыре ноги.» Такой видъ ложнаго умозаключенія называютъ *fallacia figurae dictionis*. А иногда среднее понятіе двоится потому, что одно слово имѣетъ два собственныхъ смысла; напр. «коса служитъ украшеніемъ женской головы; это орудіе есть коса; слѣд. и проч.» Этотъ видъ ложнаго умозаключенія называютъ *fallacia amphiboliae, seu ambiguitatis*.

Второе общее правило сказательнаго умозаключенія есть: обѣ посылки не должны быть отрицательныя, *ex mere negativis nil sequitur*. Изъ того именно, что подлежащее и сказуемое выводимаго заключенія оба не входятъ

въ кругъ третьяго понятія ничего не слѣдуетъ касательно ихъ отношенія между собою.

Третье общее правило: обѣ посылки не должны быть частными, *ex mere particularibus nil sequitur*. Если оба понятія,—подлежащее и сказуемое заключенія, только частію находятся въ отношеніи съ третьимъ, то остается неизвѣстнымъ, касается ли это отношеніе одной и той же части его круга, или различныхъ частей. Но въ послѣднемъ случаѣ было бы тоже, что и при четырехъ понятіяхъ силлогизма.

Впрочемъ это правило, съ его доказательствомъ, годится только для частно-отрицательнаго сужденія и для такого частно-утвердительнаго, которое происходитъ чрезъ пресѣченіе понятій; но допускаетъ нѣкоторыя исключенія при частно-утвердительномъ сужденіи, происходящемъ чрезъ включеніе сказуемаго въ подлежащее (§§ 81 и 85).

Четвертымъ общимъ правиломъ обыкновенно приводятъ слѣдующее положеніе: *conclusio sequitur partem debiliorem*, т. е. заключеніе бываетъ отрицательное или частное, когда хотя одна изъ посылокъ будетъ положеніе отрицательное или частное. Но во первыхъ, это правило не есть, подобно предъидущимъ, законъ, который бы служилъ для умозаключенія условіемъ его правильности, а есть только простой результатъ; во вторыхъ, это правило, какъ увидимъ ниже, не имѣетъ всеобщей истинности.

Способы (modi).

§ 131. Способы, или подчиненные виды сказательнаго посредственнаго умозаключенія, основываются на сочетаніи качественныхъ и количественныхъ разностей въ посылкахъ, отчего обыкновенно зависитъ также количество и качество заключенія.

Такъ какъ всякая посылка можетъ быть *A*, *E*, *J*, *O*, то двѣ посылки могутъ имѣть 16 сочетаній количества и качества, или способовъ, именно:

AA — EA — JA — OA
AE — EE — JE — OE
AJ — EJ — JJ — JO
AO — EO — JO — OO.

Изъ этихъ 16 способовъ семь, уже по общимъ правиламъ, не даютъ никакого заключенія; именно: EE, EO и OE потому, что здѣсь обѣ посылки, вопреки второму правилу, отрицательны; JJ, JO, OJ потому, что обѣ посылки, вопреки третьему, частны, и OO потому, что обѣ и отрицательны и частны.

Фигуры сказательнаго умозаключенія.

§ 132. Если способы суть только частные виды сказательнаго посредственнаго умозаключенія, то фигуры должно почитать главными его видами, по которымъ распредѣляются тѣ вторичныя разности; потому что фигуры суть такія разности, которыя имѣютъ мѣсто въ основной категоріи сказательнаго умозаключенія — от-

ношеніи; онѣ основываются на различномъ положеніи подлежащаго и сказуемаго въ разсужденіи средняго понятія. Это положеніе, судя уже *a priori*, есть четверояkое, а отсюда происходитъ четыре существенно-различныхъ вида умозаключенія.

Различное положеніе средняго понятія (M. medius terminus) къ подлежащему (S. subjectum) и сказуемому (P. prædicatum) заключенія представляетъ слѣдующая таблица:

1. фигура.

M : P
S : M

S : P.

2. фигура.

P : M
S : M

S : P.

3. фигура.

M : P
M : S

S : P.

4. фигура.

P : M
M : S

S : P.

§ 133. Первая и четвертая и опять вторая и третья фигуры находятся въ противоположности между собою. Въ первой фигурѣ среднее понятіе занимаетъ въ большей посылкѣ мѣсто

подлежащаго, а въ меньшей сказуемаго; въ четвертой же фигурѣ, наоборотъ—въ большей посылкѣ оно служитъ сказуемымъ, а въ меньшей подлежащимъ; подобнымъ образомъ во второй фигурѣ среднее понятіе въ обѣихъ посылкахъ составляетъ сказуемое, а въ третьей, наоборотъ, въ обѣихъ составляетъ подлежащее.

Образъ умозаключенія въ этихъ фигурахъ основывается на слѣдующихъ разностяхъ: въ первой фигурѣ подлежащее чрезъ среднее понятіе подчиняется сказуемому, а въ четвертой, напротивъ, себѣ подчиняетъ сказуемое. Во второй фигурѣ какъ подлежащее, такъ и сказуемое подчиняются среднему понятію, а въ третьей, напротивъ, оба подчиняютъ его себѣ.

1. фигура.

M : P
S : M

S : P.

§ 134. Первая фигура есть самый простой и самый употребительный образъ умозаключенія какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Такъ какъ сказательное посредственное умозаключеніе состоитъ вообще въ подчиненіи подлежащаго сказуемому помощію средняго понятія, то явно, что самый простой и естественный ходъ мышленія будетъ такой: сперва въ меньшей посылкѣ подчинить подлежащее среднему понятію, а потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ большей посылкѣ подчинить его сказуемому.

Если первую фигуру, или по крайней мѣрѣ меньшую посылку, разсматриваютъ со стороны *объема*,—видятъ въ ней подчиненіе подлежащаго среднему понятію: то силу доказательства (*nervus probandi*) первой фигуры выражаютъ правиломъ: *dictum de omni*. Заключеніе составляется здѣсь такимъ образомъ: такъ какъ *S* содержится въ *M*, то все, что можно сказать о послѣднемъ, можно сказать и о первомъ, по правилу: *quidquid de omnibus valet, valet et de singulis*.

Если же мы будемъ разсматривать первую фигуру со стороны *содержанія*, слѣд. будемъ видѣть въ ней разложеніе подлежащаго на его признаки: то сила доказательства (*nervus probandi*) представляется въ слѣдующемъ ходѣ мыслей: такъ какъ *M* есть признакъ *S*, а *P* признакъ *M*, то и *P* составляетъ признакъ *S*, по правилу: nota notæ est nota rei ipsius.

Такъ эти два правила первой фигуры (dicta), случайно встрѣчавшіяся между собою, теперь сближаются, какъ два различные взгляда на отношеніе понятій въ умозаключеніи.

§ 135. Первая фигура, кромѣ условій, выраженныхъ въ общихъ правилахъ, требуетъ еще слѣдующихъ частныхъ условій для правильнаго умозаключенія:

1. Меньшая посылка непремѣнно должна быть утвердительная. Если подлежащее не входитъ дѣйствительно въ кругъ средняго понятія, то остается неизвѣстнымъ, относится ли и къ подлежащему то, что сказано въ

большей посылкѣ о среднемъ понятіи. Напр. если мы имѣемъ посылки: «серебро бѣло, а золото не есть серебро;» то хотя и справедливо, что золото не бѣло, однако не потому, что оно исключено изъ круга серебра, такъ какъ по одному этому оно могло бы быть и бѣлымъ и чернымъ и т. под. (1).

2) Большая посылка должна быть общая; иначе нельзя знать съ достовѣрностію, принадлежитъ ли подлежащее, подчиненное среднему понятію, къ той его части, къ которой относится сказуемое большей посылки, или не принадлежитъ. Такъ въ слѣд. примѣрѣ: «нѣкоторыя растенія ядовиты; а яблонь есть растеніе,»—подлежащее (яблонь) входитъ именно въ часть круга растеній неядовитыхъ.

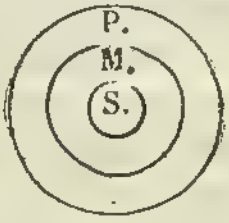
Впрочемъ, большая посылка, по произволу, можетъ быть утвердительная или отрицательная; потому что и отрицаемое всеобщимъ образомъ о среднемъ понятіи отрицается также и о подлежащемъ, такъ какъ оно заключается въ понятіи среднемъ.

По этимъ частнымъ правиламъ первой фигуры исключаются изъ оставшихся девяти способовъ еще слѣдующіе: *AE* и *AO*, по причинѣ отрицательной меньшей посылки, *JA* и *OA* по причинѣ частной большей посылки, и еще *JE* по той и другой вмѣстѣ. Поэтому за-

(1) Это доказательство основано на правилѣ dictum de omni и на отношеніи понятій умозаключенія по объему; а можно бы заимствовать его и изъ правила dictum de nota и изъ отношенія понятій по содержанію.

конными формами умозаключенія, или способами первой фигуры, остаются *AA, EA, AJ, EJ*, которыя съ третьею гласною, означающею количество и качество заключенія, выражаются по преданію словами: *Barbara, Celarent, Darii, Ferio.*

§ 136. Въ *Barbara* заключаютъ слѣд. образомъ: такъ какъ всѣ *M* содержатся подъ *P*, а всѣ *S* подъ *M*, то всѣ *S* содержатся и подъ *P*, какъ показываетъ слѣдующая фигура:



Наприм. «чѣмъ хуже проводникъ тепла, тѣмъ онъ долѣе удерживаетъ въ себѣ теплоту; глиняныя печи суть худшіе проводники тепла, нежели чугунныя; слѣд. первые удерживаютъ теплоту долѣе послѣднихъ.» Или, какъ въ общежитіи выражаютъ такое умозаключеніе кратко: «глиняныя печи, какъ худшіе проводники тепла, удерживаютъ теплоту долѣе чугунныхъ.»

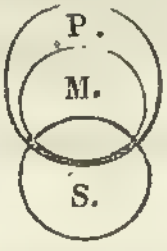
Въ *Celarent* заключаютъ напротивъ: если среднее понятіе совершенно исключено изъ сказуемаго, то исключается изъ него также и подлежащее, которое содержится подъ среднимъ понятіемъ;—потому что и въ отрицаніи, что отвергается обо всемъ, то отвергается и о частяхъ. Доказательство можно видѣть изъ слѣдующей фигуры:

Примѣръ: «ни одного человѣка нельзя назвать счастливымъ прежде смерти: Крезъ былъ чело-

вѣкъ; слѣд. и его нельзя было назвать счастливымъ прежде смерти.» Кратко: «Креза, какъ человѣка, нельзя было назвать счастливымъ прежде смерти.»

Въ *Darii* заключаютъ такъ: что говорится о цѣломъ *M*, то принадлежитъ и той части *S*, которая содержится въ *M*. Какъ частно-утвердительное сужденіе основывается на двоякомъ отношеніи объема (§ 81), то и умозаключенія въ *Darii* проистекаютъ изъ двоякаго отношенія объема, что впрочемъ нисколько не перемѣняетъ хода умозаключенія.

Если частно-утвердительная меньшая посылка происходитъ отъ пересѣченія понятій, то отношеніе понятій въ этомъ способѣ умозаключенія можно представить въ слѣдующей фигурѣ:



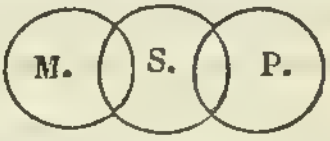
Примѣръ: «всякій довольный счастливъ; иной бѣднякъ доволенъ, слѣд. иной бѣднякъ счастливъ.» Кратко: «иной бѣднякъ счастливъ, потому что доволенъ.»

Когда же частно-утвердительная меньшая посылка образуется чрезъ ограниченіе подлежащаго, само по себѣ обширнѣйшаго въ объемѣ, чѣмъ среднее понятіе, тогда мы получаемъ слѣд. фигуру:

Примѣръ: «металлы плавятся; нѣкоторые минералы суть металлы; слѣд. нѣкоторые минералы плавятся.» Кратко: нѣкоторые минералы плавятся, именно металлы.»

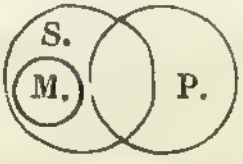
Въ *Ferio*, наконецъ, умозаключаютъ: если вся сфера *M* исключена изъ *P*, то исключается и *S* тою частію своего объема, которая содержится въ *M*. И этотъ способъ, по той же причинѣ, какъ и предъидущій, основывается на двоякомъ отношеніи объема.

Первый примѣръ:



«Честные люди не бранятся; нѣкоторые рецензенты честны, слѣд. нѣкоторые рецензенты не бранятся.» Кратко: «нѣкоторые рецензенты не бранятся, какъ честные люди.»

Второй примѣръ:



«Благородные металлы не окисляются; нѣкоторые металлы благородны, слѣд. нѣкоторые металлы не окисляются.» Кратко: «нѣкоторые металлы не окисляются, именно благородные.»

При этомъ отношеніи объема меньшей посылки даже частно-отрицательная большая посылка моглабъ дать правильное умозаключеніе: «нѣкоторые металлы не окисляются, именно нѣкоторые изъ благородныхъ.» Но такія умозаключенія похожи болѣе на изъяснительныя положенія, потому что среднія понятія, заключающіяся

въ подлежащемъ, поставляются какъ виды, а не какъ посредствующія его понятія.

2. фигура.

P : M
S : M

S : P.

§ 137. Умозаключеніе этого рода имѣетъ цѣлію установить взаимное отношеніе двухъ понятій, подчинивши ихъ оба какому либо общему среднему понятію. Явно, что если два понятія входятъ въ кругъ третьяго, то этимъ нисколько не опредѣляется взаимное ихъ отношеніе, потому что въ такомъ случаѣ неизвѣстно, входятъ ли они въ одну и туже часть средняго понятія, и слѣд. сходятся между собою,—или же входятъ въ двѣ совершенно различныя части этой сферы, и слѣд. расходятся между собою. По этому, подчиняя утвердительно оба понятія умозаключенія одному третьему, мы также не устанавливаемъ между ними отношенія, какъ и при *quaternio terminorum*.

Отсюда вытекаетъ первое частное правило второй фигуры: обѣ посылки не должны быть утвердительныя; но какъ по второму главному правилу онѣ не должны быть обѣ отрицательныя; то одна изъ нихъ должна быть утвердительная, а другая отрицательная.

Итакъ по второй фигурѣ изъ того, что одно изъ двухъ понятій заключенія поставляется внѣ

понятія средняго, выводятъ, что оно не входитъ и въ другое понятіе, содержащееся подъ тѣмъ же среднимъ. Слѣд. *nervus probandi* заключается здѣсь въ слѣдующемъ главномъ правилѣ, касающемся объема: что исключено изъ цѣлаго, исключается изъ части. Это правило называютъ *dictum de diverso*.

§ 138. Такъ какъ всякая посылка можетъ быть положительною, или отрицательною, то отсюда происходятъ два рода умозаключенія.

Я могу, во первыхъ, исключать *S* изъ *M*, а съ этимъ вмѣстѣ и изъ *P*, содержащагося подъ *M*. Но это возможно только подъ тѣмъ условіемъ, когда *P* совершенно заключается въ *M*. Слѣд. если большая посылка есть утвердительная, то она должна быть и всеобщая. Напротивъ *S* можетъ быть исключаемо изъ *M* или совершенно, или отчасти. Если оно исключается только частію, то этою именно частію оно исключается и изъ *P*. Отрицательная меньшая посылка можетъ быть общая, или частная.

Если же я, во вторыхъ, включаю *S* въ *M*, а хочу исключить его изъ *P* на томъ основаніи, что послѣднее находится внѣ *M*, то это *P* должно всецѣло находиться внѣ *M*; потому что если *P* только частію находится внѣ *M*, а частію съ нимъ совпадаетъ, то *S* можетъ быть и не быть *P*. Но если *P* совершенно исключается изъ *M*, то *S* можетъ включаться въ *M* и частію, потому что здѣсь заключается только объ этой опредѣленной части.

Такимъ образомъ большая посылка, будетъ ли она положительная или отрицательная, должна быть общая, хотя по разнымъ причинамъ. Это второе правило второй фигуры.

Меньшая посылка, относительно количества, безразлична; потому что въ какой мѣрѣ подлежащее содержится или не содержится въ среднемъ понятіи, въ такой мѣрѣ оно исключается изъ сказуемаго, которое всецѣло или содержится, или не содержится въ среднемъ понятіи.

По этимъ двумъ частнымъ правиламъ второй фигуры, изъ 9 способовъ, возможныхъ по общимъ правиламъ, исключаются слѣдующія, какъ неправильныя по второй фигурѣ умозаключенія: по положительности обѣихъ посылокъ *AA* и *AJ*, по частности большей посылки *JE* и *OA*, наконецъ по тому и другому недостатку *JA*, и слѣд. остаются правильными способами умозаключенія: AE, AO, EA и EJ, которые называются *Camestres*, *Baroco*, *Cesare* и *Festino*.

§ 139. Эти слова, сколь ни странными они кажутся, во всѣхъ почти буквахъ имѣютъ смыслъ и значеніе. Посредствомъ ихъ можно большую часть умозаключеній второй, третьей и четвертой фигуры довольно легко приводить къ умозаключеніямъ первой фигуры. На это превращеніе покушались потому, что первую фигуру почитали единственно правильною и основаніемъ всѣмъ прочимъ, а всѣ остальныя только измѣненіями первой въ размѣщеніи и выраженіи понятій. Само по себѣ это несправедливо, потому что нѣкоторыя умозаключенія трехъ по-

слѣднихъ фигуръ или вовсе нельзя, или можно только съ крайнимъ припужденіемъ приводить къ умозаключеніямъ первой; вообще способы умозаключенія трехъ послѣднихъ фигуръ имѣютъ свою собственную очевидность. Однакожъ все остается истиннымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда легко дѣлать приведеніе, естественнѣйшій ходъ мышленія первой фигуры можетъ служить руководствомъ, а въ другихъ случаяхъ умозаключенію остается колебаться между тою или другою фигурою. Въ этомъ отношеніи приведеніе не вовсе безполезно.

Самое простое средство приводить умозаключенія къ первой фигурѣ есть превращеніе (conversio) посылокъ, что дѣлается или просто или съ уменьшеніемъ количества. Это дѣйствіе въ названіяхъ способовъ трехъ послѣднихъ фигуръ обозначается слѣдующимъ образомъ: простое превращеніе буквою *s*, превращеніе съ уменьшеніемъ количества въ превращеніи буквою *p*, позади гласной, означающей обращаемую посылку:

S vult simpliciter verti, *P* verte per accid (ens .

Въ какой способъ первой фигуры должно сводить то или другое умозаключеніе трехъ послѣднихъ, это означаетъ начальная согласная въ названіи каждаго изъ нихъ, указывая на соотвѣтствующую себѣ начальную согласную въ способахъ первой; напр. *Cesare* превращается въ *Celarent*, *Festino* въ *Ferio*.

Когда это дѣйствіе недостаточно, тогда упо-

требляютъ перестановку посылокъ: большую посылку поставляютъ на мѣсто меньшей и обратно. Но тогда, чтобы достигнуть предположеннаго заключенія, естественно, должно превратить и заключеніе, полученное, чрезъ перестановку посылокъ; иначе подлежащее опредѣлялось бы предполагаемымъ сказуемымъ, а сказуемое подлежащимъ. Это дѣйствіе означается буквою *m*, которая поставляется, или по крайней мѣрѣ должна быть поставляема между двумя перемѣщаемыми посылками. Въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгаютъ даже къ перестановкѣ меньшей посылки и заключенія.

Тамъ, гдѣ всѣ эти средства не удавались, покушались дѣлать приведеніе къ нелѣпости (deductio ad absurdum), что означается буквою *c:* средство столь отчаянное и запутанное, что оно не заслуживаетъ подробнаго изложенія. Потому предъидущій стихъ продолжаетъ:

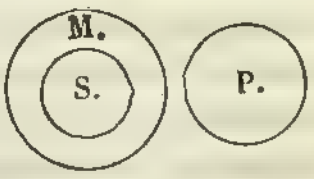
M vult transponi, *C* per impossibile duci.

Остальныя буквы не имѣютъ значенія и лучше было бы ихъ опустить.

§ 140. Но возвратимся къ способамъ второй фигуры:

. Во первыхъ, въ способахъ *Cesare* и *Festino* мы всецѣло или частію включаемъ подлежащее въ среднее понятіе и чрезъ то исключаемъ его изъ сказуемаго, находящагося совершенно внѣ средняго понятія. Эти два способа разнятся между собою только тѣмъ, что подлежащее въ

первомъ совершенно, а во второмъ только частію подчиняется среднему понятію, и потому самому или всецѣло, или частію исключается изъ сказуемаго.



Въ *Cesare* мы заключаемъ: «Герой въ бѣгство не обращается; а онъ это дѣлаетъ, слѣд. онъ не герой.» Кратко: «онъ не герой, потому что обращается въ бѣгство, чего не дѣлаютъ герои.»

r въ названіи этого способа ничего не значитъ, а *s* позади *e*, означающаго первую посылку, показываетъ, что умозаключеніе чрезъ простое превращеніе этой посылки можетъ быть преобразовано въ способъ *Celarent* первой фигуры, и тогда оно имѣло бы слѣдующій видъ:
«Кто обращается въ бѣгство, тотъ не есть герой;
А онъ обращается въ бѣгство:
Слѣд. онъ не герой.»

Въ *Festino* умозаключеніе такое:

«Ни одинъ злодѣй не наслаждается спокойствіемъ совѣсти: но нѣкоторые люди наслаждаются спокойствіемъ совѣсти; слѣд. нѣкоторые люди не суть злодѣи.»

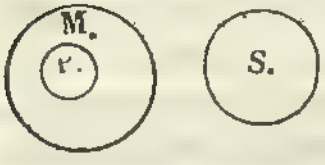
На языкѣ житейскомъ это умозаключеніе мы выразили бы по второй фигурѣ такимъ образомъ: «нѣкоторые люди не суть злодѣи, потому что наслаждаются спокойствіемъ совѣсти, что не свойственно ни одному злодѣю.»

Превращая же его въ *Ferio* первой фигуры, мы сказали бы: «нѣкоторые люди, по причинѣ спокойствія ихъ совѣсти, не суть злодѣи.»

Отношеніе объема, на которомъ основывается умозаключеніе въ *Festino*, бываетъ двоякаго рода, какъ видно изъ слѣдующихъ фигуръ:

§ 141. Какъ въ *Cesare* и *Festino*, включая подлежащее въ среднее понятіе, мы исключали его изъ сказуемаго, находящагося внѣ средняго понятія, такъ, во вторыхъ, въ *Camestres* и *Baroco*, исключая подлежащее изъ средняго понятія, мы исключаемъ его изъ сказуемаго, содержащагося въ среднемъ понятіи.

Въ *Camestres* умозаключаемъ такъ:



«Шпіоны должны быть хитры; а онъ не хитръ: слѣд. онъ не есть шпіонъ.»

Въ общежитіи это умозаключеніе мы выразили бы такъ: «онъ не шпіонъ, потому что не имѣетъ для того хитрости.»

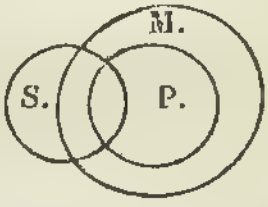
Если бы мы захотѣли это умозаключеніе превратить въ *Celarent* первой фигуры, то должны бы были умозаключать такъ:

«Что хитро, то не есть онъ; но шпіоны хитры: слѣд. шпіонъ не есть онъ.»

Впрочемъ это еще не то заключеніе, котораго мы желали, но его должно чрезъ простое превращеніе обратить въ слѣдующее: «слѣд. онъ не есть шпіонъ.»

Наконецъ въ *Baroco* бываетъ умозаключеніе такое:

«Для того, чтобы сдѣлаться логикомъ, должно трудиться; но нѣкоторые ученики не трудятся. Слѣд. нѣкоторые ученики и не будутъ логиками.»



Или, какъ выразились бы мы въ общежитіи: «нѣкоторые ученики не будутъ логиками, потому что они не прилежны.»

§ 142. Жптейскій образъ выраженія мыслей, во второй фигурѣ, какъ видно изъ всѣхъ примѣровъ, слѣдуетъ отношенію не объема, а содержанія понятій: онъ отрицаетъ сказуемое о подлежащемъ на основаніи той противоположности, которая имѣетъ мѣсто или между сказуемымъ и среднимъ понятіемъ, приличествующимъ подлежащему (Cesare и Festino), или между положеніемъ сказуемаго и отрицаніемъ средняго понятія (Camestres и Baroco . Главную мысль, которая лежитъ въ основаніи этого хода умозаключенія, прилично назвать *dictum de contrario.*

3. фигура.

M : P
M : S

S : P.

§ 143. Здѣсь умозаключаемъ мы такимъ образомъ: что говорится о среднемъ понятіи, то приличествуетъ и подлежащему въ той мѣрѣ, въ какой оно совпадаетъ съ среднимъ понятіемъ, подъ нимъ содержащимся. Но чтобы подлежащее въ какой либо мѣрѣ совпадало съ среднимъ понятіемъ, для того меньшая посылка должна быть утвердительная. По этому частное правило третьей фигуры есть слѣдующее: меньшая посылка должна быть утвердительная.

Это правило исключаетъ только слѣдующіе способы: *AE*, *AO* и *JE*, а слѣд. допускаетъ еще: *Darapti*, *Felapton*, *Disamis*, *Datisi*, *Bocardo* и *Ferison*.

§ 144. Въ формахъ *Darapti*, *Datisi* и *Disamis* умозаключаемъ: что всецѣло или частію приличествуетъ среднему понятію, то приличествуетъ и подлежащему въ той мѣрѣ, въ какой оно совпадаетъ съ среднимъ понятіемъ. Формы *Darapti* и *Datisi* чрезъ превращеніе меньшей посылки приводятся въ способъ *Darii* первой фигуры. Но здѣсь можетъ случиться, что въ *Datisi* выйдетъ заключеніе обще-утвердительное, когда т. е. частное утвержденіе меньшей посылки основывается на обширнѣйшемъ объемѣ средняго по-

нятія, которое служитъ ему подлежащимъ; въ какомъ случаѣ надлежало бы назвать этотъ способъ *Datisa*, или *Barbirsa*. Такъ въ примѣрѣ:

«Всѣ люди могутъ ошибаться;
Нѣкоторые люди суть ученые;
Слѣд. нѣкоторые ученые могутъ ошибаться.»

Но и всѣ ученые могутъ ошибаться, потому что, превративъ меньшую посылку, мы получаемъ: всѣ ученые суть люди.

Труднѣе превращать въ первую фигуру способъ *Disamis* по той причинѣ, что большая посылка въ ней не можетъ быть частною. Почему посылки должны быть переставлены, а потомъ прежняя большая и настоящая меньшая посылка, а равно и выведенное слѣдствіе должны быть превращены: что впрочемъ правильнѣе было бы означить чрезъ *Dismais*.

Въ способахъ *Felapton*, *Ferison* и *Bocardo* мы умозаключаемъ такъ: что всецѣло или частію не приличествуетъ среднему понятію, то не приличествуетъ и подлежащему въ такой мѣрѣ, въ какой они совпадаютъ. *Felapton* и *Ferison* чрезъ превращеніе обще или частно-утвердительной меньшей посылки приводятся въ *Ferio* первой фигуры. Впрочемъ, когда меньшая посылка будетъ частно-утвердительная, то при этомъ приведеніи мы можемъ получить общее утвердительное слѣдствіе, и тогда произошелъ бы способъ *Ferisen*, или *Celirsent*. Превращать *Bocardo* столько же неестественно, какъ и *Baroco*, между тѣмъ онъ очень ясенъ, если только мы придерживаемся хода мыслей по третьей фигурѣ.

§ 145. По житейскому способу мышленія и выраженія въ умозаключеніяхъ третьей фигуры обращаютъ вниманіе на содержаніе, а не на объемъ сочетаваемыхъ понятій, и потому въ трехъ первыхъ формахъ заключаютъ изъ согласія обоихъ крайнихъ понятій съ среднимъ, котораго они суть признаки, къ частному ихъ согласію между собою, и въ такомъ случаѣ среднее понятіе обыкновенно выставляютъ вмѣсто примѣра. Умозаключенія такого рода суть:

Въ *Darapti:* «нѣкоторые врачи пользуютъ только діэтою и вѣрою, а именно Гомеопаты.»

Въ *Datisi:* «нѣкоторые политики несговорчивы, а именно глупцы и эгоисты.»

Въ *Dismais:* «нѣкоторые ученые уклонились отъ здраваго человѣческаго смысла, т. е. нѣкоторые философы.»

Въ трехъ остальныхъ формахъ, *Felapton, Ferison* и *Bocardo* изъ того, что третіе понятіе соединяется съ подлежащимъ, но не соединяется вмѣстѣ съ сказуемымъ, заключаютъ, что подлежащее существуетъ частію и внѣ сказуемаго; и въ такомъ случаѣ третіе понятіе опять приводятъ, какъ примѣръ.

Почему справедливо *dictum de exemplo* называютъ главною основою (nervus probandi) третьей фигуры. Но это правило служитъ основаніемъ только житейскаго, а не силлогистическаго хода мыслей: въ послѣднемъ—на отношеніе понятій смотрятъ со стороны объема, и главную мысль его приличнѣе было бы назвать *dictum de parte,* потому

что положительное или отрицательное сказуемое средняго понятія частію приличествуетъ и подлежащему, сколько оно приличествуетъ среднему понятію, подъ нимъ содержащемуся.

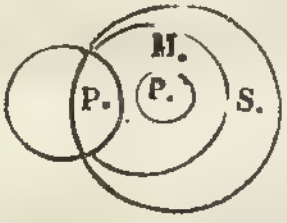
Примѣч. Эти три фигуры были изложены и съ удивительною полнотою развиты еще Аристотелемъ; четвертая фигура прибавлена Галеномъ. Хотя она въ житейскомъ мышленіи употребляется рѣдко, однако она принадлежитъ къ полнотѣ силлогистической механики.

4. фигура.

P	:	M
M	:	S
S	:	P.

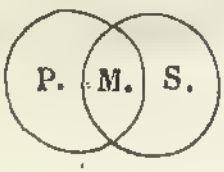
§ 146. Какъ въ первой фигурѣ понятія постепенно подчиняются одно другому, подлежащее среднему понятію, и съ нимъ сказуемому, такъ въ четвертой фигурѣ въ такомъ же точно порядкѣ одно изъ нихъ *содержитъ подъ собою* другое. Такой ходъ умозаключенія есть вовсе превратный; онъ противорѣчитъ цѣли посредственнаго умозаключенія, состоящей въ томъ, чтобы подлежащее помощію средняго понятія *подчинить* сказуемому. Но въ четвертой фигурѣ и нѣтъ общаго хода умозаключенія, который подходилъ бы подъ опредѣленныя правила, и основывался бы на одномъ началѣ (dictum); здѣсь берутся во вниманіе различные случаи и каждаго поставляются особенныя правила; эти случаи суть слѣдующіе: когда обѣ посылки бываютъ положительныя, когда одна большая или когда одна меньшая бываетъ отрицательная.

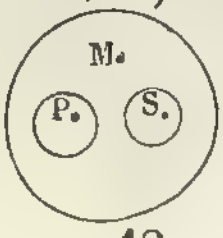
§ 147. Когда *обѣ* посылки бываютъ *положительныя,* то умозаключаютъ такъ: подлежащему, если оно всецѣло включаетъ въ себѣ среднее понятіе, приличествуетъ и содержащееся подъ этимъ понятіемъ сказуемое, входитъ ли сказуемое въ него всецѣло или только частію. Но естественно, что сказуемое можетъ только частію приличествовать подлежащему, такъ какъ и подлежащее только частію совпадаетъ съ среднимъ понятіемъ, а потому отчасти же только и съ сказуемымъ, какъ видно изъ слѣдующаго чертежа:



Напр. «Всякое желѣзо (P) есть металлъ (M); всякой металлъ есть минералъ (S). Слѣд. нѣкоторый минералъ есть желѣзо.» Или: «Нѣкоторыя звѣзды (P) суть планеты (M). Всѣ планеты суть небесныя тѣла, обращающіяся около солнца (S.) Слѣд. нѣкоторыя небесныя тѣла, обращающіяся вокругъ солнца, суть звѣзды.»

Такимъ образомъ въ четвертой фигурѣ, когда обѣ посылки бываютъ положительныя, то меньшая посылка должна быть всеобщею; потому что если бы она была частною, то сказуемое могло бы падать въ ту часть средняго понятія, которая находится внѣ подлежащаго, какъ въ слѣдующихъ фигурахъ:

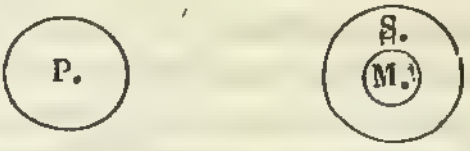




Напр. «Всѣ рыбы (P) суть органическія существа (M); нѣкоторыя органическія существа летаютъ (S). Слѣд.?—«Всѣ рыбы суть органическія существа. Нѣкоторыя органическія существа имѣютъ голосъ. Слѣд.?»

Вмѣстѣ съ этимъ, *AJ* исключается изъ способовъ четвертой фигуры, а остаются съ обѣими положительными только способы *AA* и *JA*, которые называются *Bamalip* и *Dimatis*.

Когда *большая* посылка *отрицательная*, то отъ подлежащаго, въ какой мѣрѣ оно заключаетъ въ себѣ среднее понятіе, отрицаютъ въ такой же мѣрѣ и сказуемое, если только оно ни мало не входитъ въ среднее понятіе:



Напр. «Никакая комета (P) не есть планета (M); всѣ планеты (M) суть тѣла небесныя (S) Слѣд. нѣкоторыя небесныя тѣла не суть кометы.»

Итакъ въ этомъ способѣ большая посылка должна быть обще-отрицательная.

Этимъ устраняется изъ возможныхъ сочетаній отрицательной большей посылки съ утвердительною меньшею способъ *OA*, а остаются только *EA* и *EJ*, или какъ эти способы называются въ четвертой фигурѣ: *Fesapo* и *Fresison*, изъ которыхъ послѣдній можетъ сдѣлаться и *Fresisen* или *Celsisen*.

Наконецъ, когда *большая* посылка *утвердительная*, а *меньшая отрицательная*, то подлежащее, если только оно падаетъ совершенно внѣ средняго понятія, также выключается изъ сказуемаго, если это послѣднее всецѣло заключается въ среднемъ понятіи.

Напр. «Всѣ соловьи (P) суть птицы (M). Никакая птица (M) не есть насѣкомое (S). Слѣд. никакое насѣкомое не есть соловей.»

Этимъ требованіемъ всеобщности обѣихъ посылокъ, изъ возможныхъ сочетаній утвердительной посылки большей и отрицательной меньшей исключаются способы *AO* и *JE*, и остается только *Calemes*, или правильнѣе *Cameles*, потому что перестановка касается обѣихъ посылокъ. Именно, если бы дано было умозаключеніе: «камень не живетъ, потому что все живущее есть органическое; а органическое существо не есть камень», то для превращенія его въ *Celarent* первой фигуры, надлежало бы послѣднюю посылку взять за большую, а первую за меньшую, и тогда вышло бы заключеніе: «никакое живое существо не есть камень», которое чрезъ превращеніе обратилось бы въ искомое заключеніе: «камень не живетъ.»

Примѣч. Возможные способы всѣхъ четырехъ фигуръ выражаются слѣдующими стихами:

Barbara, Celarent primæ, Darii Ferioque;
Cesare, Camestres, Festino, Baroco secundæ;

Tertia grande sonans recitat Darapti, Felapton,
Disamis et Datisi, nec non Bocardo, Ferison;
Quart' Bamalip, Calemes, Dimatis, Fesapo, Fresison.

Второй видъ посредственнаго умозаключенія.

Такъ называемое условное, или правильнье, причинное посредственное умозаключеніе.

§ 148. Судя по сходству сужденій съ умозаключеніями, мы должны ожидать здѣсь посредственнаго причиннаго умозаключенія, потому что раскрытіе тождества и причинности имѣетъ мѣсто какъ во всемъ прочемъ мышленіи, такъ и въ умозаключеніи. Между тѣмъ приводимое въ Логикахъ вмѣсто причиннаго такъ называемое условное умозаключеніе, кажется, вовсе не есть посредственное, потому что въ немъ не достаетъ средняго понятія, и дѣйствіе въ немъ совершается только двумя главными понятіями. Итакъ можетъ быть и здѣсь мы встрѣчаемъ повтореніе уже изложенной формы мышленія, и подлинно-причиннаго посредственнаго умозаключенія намъ еще искать должно.

§ 149. Такъ называемое условное умозаключеніе имѣетъ два способа: 1) *modus ponens*, въ которомъ заключается отъ бытія причины къ бытію дѣйствія, и 2) *modus tollens*, въ которомъ заключается отъ небытія дѣйствія къ небытію причины.

Тотъ и другой способъ умозаключенія предполагаетъ всеобщее и необходимое причинное сужденіе. При такомъ сужденіи, конечно, нельзя

съ увѣренностію заключать отъ небытія извѣстной причины къ небытію дѣйствія, потому что оно могло бы произойти и отъ другой причины; такимъ же образомъ отъ бытія дѣйствія нельзя съ достовѣрностію заключать къ бытію извѣстной причины. Но напротивъ, если есть причина, то по крайней мѣрѣ, по необходимой послѣдовательности, выраженной въ посылкѣ, можно заключать къ бытію дѣйствія; столько же вѣрно можно заключать отъ несуществованія дѣйствія къ небытію причины, потому что если бы существовала причина, то по смыслу посылки должно бы произойти и дѣйствіе.

Между тѣмъ, сколь ни ясными и вѣрными кажутся эти логическія правила, въ дѣйствительности они не могутъ имѣть безусловно-годнаго приложенія, потому что познаніе причинныхъ отношеній столь же мало подчинено строгой необходимости, какъ и сами эти отношенія. Причинное сужденіе есть плодъ соображеній и размышленія, и доставляетъ намъ только вѣроятность. Оттого обыкновенное, равно какъ и ученое мышленіе, не слишкомъ заботятся о показанныхъ правилахъ. Съ одной стороны даже тамъ, гдѣ мы думаемъ видѣть необходимую причинную связь, все еще нельзя съ увѣренностію заключать отъ существованія причины къ бытію дѣйствія, потому что оно можетъ быть устранено случайными обстоятельствами; равно и заключеніе отъ несуществованія дѣйствія къ несуществованію причины есть умозаключеніе только правдоподобное. А съ другой стороны, нельзя воспрепятствовать естественному мышленію составлять умозаключенія, запрещенныя

Логикою. Вообще, и притомъ почти съ такимъ же правдоподобіемъ, заключаютъ здѣсь отъ несуществованія причины къ несуществованію дѣйствія, и еще гораздо чаще отъ предлежащихъ дѣйствій къ бытію ихъ извѣстныхъ причинъ.

§ 150. *Modus ponens*, котораго сущность должны мы теперь изслѣдовать, выражается въ такой школьной формѣ: «если есть *A*, то есть *B*; но A есть: слѣд. есть и B.» Напр. «если печь натоплена, то въ комнатѣ тепло; но печь натоплена; слѣд. въ комнатѣ тепло (разумѣется, если не отворены двери и окна и самая печь не натоплена худо.)»

Если поверхностному взору кажется, будто здѣсь есть большая и меньшая посылка и заключеніе, и слѣд. здѣсь есть посредственное умозаключеніе, то этотъ обманъ изчезаетъ тотчасъ, какъ скоро мы обратимъ вниманіе на число главныхъ понятій, которыхъ на самомъ дѣлѣ здѣсь только два: топка печи и теплота комнаты; слѣд. мы имѣемъ здѣсь только непосредственное умозаключеніе, которое поэтому легко можно подвести подъ разсмотрѣнныя уже непосредственныя умозаключенія.

Modus ponens есть непосредственное умозаключеніе чрезъ перемѣну количества, или образности, смотря по тому, принимается ли большая посылка всеобщимъ, или необходимымъ образомъ и въ слѣдствіе того, въ меньшей посылкѣ и заключеніи повторяется частнымъ, или дѣйствительнымъ образомъ.

§ 151. Послѣ сего, судя по аналогіи, можно уже предугадывать, что *modus tollens* будетъ основываться на непосредственномъ умозаключеніи, происходящемъ чрезъ перемѣну качества, или показаніе отрицательнаго противорѣчія; что и на самомъ дѣлѣ оказывается. Его схема слѣдующая: «если *A* есть, то есть *B:* но *B* нѣтъ; слѣд. нѣтъ и A.» Напр. «пока солнце на горизонтѣ, до тѣхъ поръ бываетъ день: но теперь не день; слѣд и солнца нѣтъ на горизонтѣ;» (разумѣется, если нѣтъ совершеннаго солнечнаго затмѣнія, или не скрываютъ его отъ насъ густыя облака, или Лондонскій туманъ). *Nervus probandi* этого умозаключенія содержится въ противорѣчіи, которое произошло бы, когда мы, положивши извѣстную причину, полагали бы и отрицали одно и тоже дѣйствіе. Умозаключеніе здѣсь поступаетъ отъ истины обще-положеннаго дѣйствія при данной причинѣ (+ *a*) къ ложности частнаго отрицанія его при той же причинѣ (—*a*). Чтобъ однакожъ видѣть это, надобно отказаться отъ прежняго представленія, будто мнимая меньшая посылка и заключеніе суть два предложенія, а надобно видѣть въ нихъ одно повтореніе мнимой большей посылки съ перемѣною качества. Поэтому нашъ примѣръ, преобразованный въ умозаключеніе противорѣчія, принялъ бы слѣдующій видъ: «если вообще дотолѣ продолжается день, пока солнце находится на горизонтѣ, то было бы противорѣчіе, когда бы солнце находилось еще на горизонтѣ, а дня уже не было бы.»

§ 152. Доказавши, что такъ называемое условное умозаключеніе есть только излишнее по-

вторение одной изъ прежнихъ формъ непосредственнаго умозаключенія, намъ остается теперь поискать, нѣтъ ли *посредственно-причиннаго умозаключенія,* соотвѣтствующаго посредственно-сказательному.

Посредственно-причинное умозаключеніе можетъ произойти чрезъ показаніе посредствующей причины, и должно имѣть ту цѣль, чтобы объяснить происхожденіе дѣйствія изъ причины, которое скрывается отъ простаго наблюденія. Напр. «Если собаку бьютъ, то она кричитъ, потому что ей больно.» Или: «если сверкаетъ молнія, то гремитъ громъ, потому что молнія частію механически разлагаетъ слои воздуха, частію химически образуетъ въ немъ пустоту, въ которую потомъ быстро вторгаются слои воздуха.»

Впрочемъ посредственно-причинное умозаключеніе будетъ имѣть весьма простое образованіе; оно будетъ имѣть одну только фигуру первую, потому что посредствующая причина, по самому свойству вещи, можетъ имѣть только одно мѣсто, именно среднее,—должна быть дѣйствіемъ причины и причиною дѣйствія.

Nervus probandi посредственно-причиннаго умозаключенія будетъ соотвѣтствовать *dicto de nota* первой фигуры, что можетъ быть выражено слѣдующимъ положеніемъ: «дѣйствіе дѣйствія есть вмѣстѣ дѣйствіе его причины.» Отсюда слѣдуетъ, что посредственно-причинное умозаключеніе вообще будетъ подлежать совершенно тѣмъ же правиламъ, что и первая фигура, и

слѣд. будетъ допускать тѣже самые способы или отмѣны. Впрочемъ случайность причинныхъ связей, равно какъ и недостаточность нашего прозрѣнія въ нихъ, не допускаетъ строгихъ правилъ.

Сложныя умозаключенія.

§ 153. Сочетаніе посредственныхъ умозаключеній, которое логики подъ названіемъ *соритовъ* и *эпихеремъ* расширяютъ до неизмѣримости, можно оставить, какъ пустой схоластическій баластъ. Этого рода умозаключенія, какъ безплодное уклоненіе въ область чисто-возможнаго мышленія, не имѣетъ никакой ни теоретической, ни практической цѣны: практической потому, что они представляютъ вовсе непрложимые обороты мышленія; теоретической, потому что они суть только тонкости схоластическаго изобрѣтенія, а не дѣйствительныя формы мысли, стоющія ученаго изслѣдованія.

§ 154. Мы ограничимся однимъ опредѣленіемъ этого рода сочетаній. *Соритъ*, или *цѣпь умозаключеній*, состоитъ въ томъ, что заключеніе посредствуется двумя или большимъ числомъ среднихъ понятій и разлагается въ рядъ посредственныхъ умозаключеній. *Эпихерема*, или *усиленное умозаключеніе*, бываетъ тогда, когда та, или другая посылка доказывается особенными средними понятіями, такъ что оно разлагается на главное умозаключеніе и на доказательства его частныхъ посылокъ.

Соритъ имѣетъ два, три и болѣе среднихъ понятій, чрезъ которыя обыкновенно отъ подлежащаго

восходятъ къ сказуемому заключенія. Напр. «нѣкоторые бѣдняки, наслаждаясь спокойствіемъ, довольны своимъ состояніемъ, и потому собственно богаты». Разлагая этотъ соритъ на умозаключенія, въ первомъ изъ нихъ мы пріобрѣтаемъ второе среднее понятіе (доволенъ своимъ состояніемъ), чтобы сдѣлать его сказуемымъ подлежащаго (бѣднякъ), потомъ полученное такимъ образомъ заключеніе, поставляемъ во второмъ силлогизмѣ на мѣсто меньшей посылки съ тѣмъ, чтобы получить, — непосредственно, или чрезъ дальнѣйшее третіе, четвертое и т. д. среднее понятіе, сказуемое заключенія. Духъ человѣческій весьма легко можетъ усматривать такое двойное посредство крайнихъ понятій. При этомъ, естественно, возьметъ онъ именно означенный, *поступательный* ходъ, отъ подлежащаго пойдетъ чрезъ первое среднее понятіе ко второму, а чрезъ него къ сказуемому заключенія. Но едва ли пойдетъ онъ путемъ *возвратнымъ*, отступательнымъ, какой указывалъ ему нѣкогда Марбургскій Профессоръ Гокленій, именно отъ сказуемаго заключенія чрезъ среднее понятіе къ подлежащему: причемъ заключеніе перваго силлогизма должно сдѣлаться большею посылкою втораго и т. д. Образцемъ послѣдняго сорита можетъ служить слѣдующій примѣръ: «кто доволенъ своимъ состояніемъ, тотъ богатъ; кто спокоенъ, тотъ доволенъ своимъ состояніемъ; слѣд. спокойный — богатъ. — Кто спокоенъ, тотъ богатъ; нѣкоторые бѣдняки спокойны; слѣд. они богаты.»

Эпихерема происходитъ тогда, когда мы находимъ нужнымъ въ частности доказывать одну,

или обѣ посылки, слѣд. она состоитъ изъ посредственныхъ умозаключеній, которыя не слѣдуютъ одно за другимъ, а какъ бы вставляются одно въ другое. Примѣръ можетъ быть слѣдующій: «китъ не рыба, потому что млекопитающее не есть рыба; а китъ есть млекопитающее, такъ какъ онъ раждаетъ живыхъ дѣтей.» Послѣдняя причина, которую легко можно развить въ силлогизмъ, относится только къ меньшей посылкѣ, стоящей въ концѣ.

Третій главный видъ умозаключеній.

Соотносительныя умозаключенія.

§ 155. Тогда какъ разсмотрѣнныя доселѣ умозаключенія остаются въ кругѣ одного даннаго сужденія, и мысль получаетъ дальнѣйшее движеніе только чрезъ измѣненіе или доказательство его, умозаключенія соотносительныя поступаютъ отъ одного сужденія къ другимъ, (одному или многимъ) и слѣд. выражаютъ несравненно большее развитіе мышленія. Даже они одни и составляютъ собственно успѣхи, пріобрѣтаемые мышленіемъ въ умозаключеніи, потому что непосредственныя и посредственныя умозаключенія употребляются только тогда, когда мысль какъ бы останавливается для того, чтобы осмотрѣться и ближе изслѣдовать сдѣланный ею шагъ, т. е. произнесенное ею сужденіе, въ его послѣдствіяхъ и основаніяхъ.

Движеніе мысли за предѣлы даннаго сужденія къ другому, новому сужденію, основывается на различныхъ вышеисчисленныхъ отноше-

ніяхъ сужденій между собою (§ 95—100): поэтому столько же должно быть соотносительныхъ умозаключеній, сколько мы исчислили отношеній между сужденіями. Эти отношенія, со стороны содержанія, суть тождество и различіе, согласіе и противорѣчіе, и со стороны объема, подчиненіе и сподчиненіе. Отсюда мы получаемъ слѣдующія соотносительныя умозаключенія: 1) тождества, 2) противорѣчія, 3) подчиненія и 4) сподчиненія. Различіе и согласіе хотя имѣютъ вліяніе на ходъ сужденій, но не даютъ строгихъ выводовъ.

1. УМОЗАКЛЮЧЕНІЯ ТОЖДЕСТВА.

§ 156. Умозаключенія тождества состоятъ въ томъ, что одна и таже мысль разнообразно видоизмѣняется или представляется съ различныхъ сторонъ. Сколь ни маловаженъ, по видимому, успѣхъ, пріобрѣтаемый чрезъ то мышленіемъ, однако эти умозаключенія очень много способствуютъ къ разширенію познаній и развитію разумѣнія, если только не одинъ образъ выраженія измѣняется, но и самая мысль получаетъ новый оборотъ. Измѣненія выраженій суть тождесловія, которыя не обогащаютъ насъ познаніями, впрочемъ иногда бываютъ умѣстны, когда нужно усилить мысль, или обратить на нее вниманіе. Напротивъ того различные извороты одной и той же мысли существенно способствуютъ къ распространенію и развитію познанія, потому что мысль съ каждою новою, отличаемою въ ней стороною, является новымъ познаніемъ, которое мы тайно имѣли въ себѣ, но не сознавали. Умозаключенія тождества упо-

требляются съ тѣмъ, чтобы замѣчательнѣйшія мысли представить съ разныхъ сторонъ, и такимъ образомъ мало по малу изчерпать ихъ содержаніе.

Разныя стороны, отличаемыя въ какой либо мысли, обнимаютъ или всю мысль, или только часть ея. Въ первомъ случаѣ, когда повторяется вся мысль, но только представляется съ новой стороны, происходятъ умозаключенія *равенства* (æquipollentiæ) или *разные извороты* мысли, которыя прежніе логики относили къ непосредственнымъ умозаключеніямъ. Во второмъ же случаѣ, гдѣ главная мысль разлагается на свои разныя части или *отдѣльныя* стороны, происходятъ умозаключенія чрезъ *включеніе*, или *развитіе*.

а) Умозаключенія равенства.

§ 157. Какой успѣхъ познанія пріобрѣтается силлогизмами равенства, или разными изворотами мысли, это всего лучше доказываетъ Математика, а особливо Ариѳметика, потому что всякое исчисленіе состоитъ изъ умозаключеній тождества, т. е. частію изъ развитій, а частію изъ умозаключеній равенства. Къ послѣднимъ принадлежатъ напр. умозаключенія: 3+3=6, слѣд. 3 есть половина 6, а 2 есть третья часть 6 и т. д. И въ другихъ наукахъ умозаключенія равенства встрѣчаются очень часто; но здѣсь различное изложеніе одной и той же мысли скоро переходитъ въ утомительное тождесловіе, напротивъ ея развитіе съ частныхъ сторонъ и отношеній очень важно и полезно.

Ни у одного сочинителя не находимъ мы умозаключеній равенства такъ часто, какъ у *Спинозы*, который заимствовалъ ихъ отъ математическаго метода, неудачно приложеннаго имъ къ Философіи. Изберемъ для примѣра: prop. XX изъ IV книги Этики: Quo magis unusquisque suum utile quærere, h. e. suum esse conservare conatur et potest, eo magis virtute præditus est; contra quatenus unusquisque suum utile, h. e. suum esse conservare negligit, eatenus est impotens.

Demonstr. Virtus est ipsa humana potentia (главная мысль, которая встрѣчается во всѣхъ прочихъ положеніяхъ, только въ другомъ видѣ) quæ sola hominis essentia definitur, h. e. solo conatu, quo homo in suo esse perseverare conatur. Quo ergo unusquisque etc.

Prop. XXII. Nulla virtus potest prior hac concipi.

Demonstr. Conatus sese conservandi est ipsa rei essentia. Si igitur aliqua virtus posset hac prior concipi, conciperetur ergo ipsa rei essentia se ipsa prior: quod est absurdum. Conatus sese conservandi primum ergo et unicum virtutis est fundamentum. (Здѣсь въ повтореніе основной мысли для утвержденія новаго ея оборота привзошло умозаключеніе чрезъ противорѣчіе).

Вторымъ примѣромъ можетъ послужить намъ предложенное Спинозою понятіе естественнаго права: Tract. pol. p. 1. caput 11. § 4. Per jus naturæ intelligo ipsas naturæ leges seu regulas, secundum quas omnia fiunt, h. e. ipsam naturæ potentiam;—atque adeo totius naturæ et consequenter uniuscujuque individui naturale jus eo usque se exten-

dit, quo ejus potentia; et consequenter, quidquid unusquisque homo ex legibus suæ naturæ agit, id summo naturæ jure agit, tantumque in naturam habet juris, quantum potentia valet.

б) Развитія.

§ 158. Умозаключенія, основывающіяся на включеніи или развитіи содержанія, скрывающагося въ главной мысли, весьма часто встрѣчаются у всякаго писателя, такъ что пная рѣчь и ученое изложеніе, если отдѣлить отъ нихъ эти развитія, сократятся въ немногія мысли.

Впрочемъ развитія должно отличать отъ распространеній, приложеній, выводовъ и объясненій. Первыя, т. е. развитія разлагаютъ главную мысль по ея *содержанію,* а эти послѣднія, напротивъ, раздробляютъ ее по ея *объему*. Послѣднія суть не иное что, какъ умозаключенія подчиненія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Впрочемъ и развитіе и умозаключеніе подчиненія имѣютъ одну и туже цѣль, именно частію *разъяснять* разлагаемую мысль, а частію *открывать въ ней и подъ нею содержащіяся познанія.*

§ 159. По причинѣ показанной двоякой пользы развитій, это умозаключеніе, дающее намъ новыя познанія, иногда уже слишкомъ высоко цѣнили и поставляли не только главнымъ, но и единственнымъ началомъ метода Такъ *Вольфъ* употреблялъ развитія съ тѣмъ, чтобы объяснять разложенныя мысли, а *Фихте,* чтобы извлечь содержаніе, данное скрытно. Оба они надѣялись посредствомъ этого ограниченнаго пріема

мышленія произвесть изъ данныхъ предъопытныхъ элементовъ и началъ Философію во всѣхъ ея вѣтвяхъ. Причемъ Вольфъ имѣлъ то преимущество предъ Фихте, что онъ предположилъ неопредѣленное число предъопытныхъ понятій и началъ, которыя дали ему достаточный матеріалъ для раздробленія, тогда какъ Фихте хотѣлъ выжать все содержаніе Философіи изъ одного высочайшаго начала, уже по самой его всеобщности, малосодержательнаго.

Примѣч. Какъ далеко хотѣлъ *Вольфъ* простереть развитіе понятій, видно изъ слѣдующихъ изъясненій въ его: «*Здравыхъ мыслятъ о силахъ человѣческаго разума.*» 9. изд. Галле, 1738. гл. 1. § 13. и д. Для раздѣльнаго понятія онъ требуетъ, чтобы все, что только можно сколько нибудь отличить одно отъ другаго, сперва разсматривали порознь, потомъ сличали одно съ другимъ, и обращали вниманіе на порядокъ и соединеніе этихъ разностей. Но онъ не довольствуется раздѣльными понятіями, а требуетъ еще понятій *совершенныхъ*, которыя и о признакахъ, различенныхъ въ раздѣльномъ понятіи, предполагаютъ снова раздѣльныя понятія. Чтобы узнать,—говоритъ онъ въ § 16, что такое совершенное понятіе, лучше всего вникнуть въ его же изъясненія, въ его *началахъ Математики*, гдѣ будто бы въ послѣдующія изъясненія не принимается ни одного слова, которое не было бы уже объяснено впереди. Для той же цѣли могутъ служить его же изъясненія въ Метафизикѣ, Морали, Политикѣ и Физикѣ. Напр. въ своей Морали, въ § 64, онъ опредѣляетъ добродѣтель навыкомъ располагать свои дѣйствія по закону природы, и тотчасъ показываетъ, что значитъ навыкъ, что такое дѣйствія людей и что законы природы. Что встрѣтится въ этихъ изъясненіяхъ, то опять изъясняется: такъ при изъясненіи *закона природы* приходитъ на мысль обязательство и свободныя дѣйствія, и потому изъясняется далѣе, что значитъ обязательство, свободный поступокъ, свобода, природа. Кому угодно

прибавляетъ онъ, тотъ можетъ продолжать дробленіе и далѣе, п. тогда только увидитъ, какого познанія требуетъ отъ него Философія

Наука, по мнѣнію Вольфа (ibid. cap. VII.), зиждится посредствомъ доводовъ, которые опираются частію на показанныхъ изъясненіяхъ и заимствованныхъ оттуда началахъ, а частію на очевидныхъ опытахъ.

Какъ Вольфъ хотѣлъ развивать содержаніе науки посредствомъ изъясненій, такъ *Фихте*—посредствомъ *выводовъ*. Если бы предположенное имъ построеніе науки было удачно, то всѣ положенія его Философіи, по закону тождества, должны бы были вытекать изъ одного верховнаго начала. Однакожъ основное начало Фихтево: «я есмь я,» было такъ бѣдно, что его развитіе не могло доставить и мнимаго содержанія наукѣ. При такомъ тщетномъ предпріятіи, неизбѣжно было Фихте, вмѣсто обѣщанныхъ развитій своего главнаго начала, сдѣлать приложеніе его къ эмпирическимъ случаямъ; вмѣсто обѣщанныхъ выводовъ представить умозаключенія подчиненія: потому что верховное начало, чѣмъ болѣе содержитъ подъ собою, тѣмъ менѣе въ себѣ; оттого его бѣдное содержаніе съ дальнѣйшимъ развитіемъ скоро истощилось, между тѣмъ какъ его богатый объемъ допускаетъ необыкновенное разнообразіе приложеній, выводовъ, изъясненій.

Такъ какъ по свойству самой вещи, всеобщее можно развивать только посредствомъ частнаго, то у эмпириковъ мы обыкновенно находимъ удачнѣйшія развитія. У нихъ развитія играютъ важную роль частію въ составленіи общихъ понятій и началъ, а частію въ дальнѣйшемъ раскрытіи и разъясненіи найденнаго общаго содержанія. Примѣромъ эмпирическаго вывода можетъ служить слѣдующее, вольно приведенное мѣсто изъ «*Автенритовыхъ* взглядовъ на жизнь природы и души.» Штутг. 1829. стр. 160: « И каплуны высиживаютъ, если у нихъ ощиплено будетъ брюхо, и обнаженное мѣсто высѣчено жгучею крапивою; каплунъ даже и кормитъ высиженныхъ имъ цыплятъ.» Изъ этого наблюденія Автенритъ раз-

вываетъ слѣдующія любопытныя сужденія, содержащіяся въ этомъ фактѣ: «Инстинктуальныя дѣйствія, конечно, могутъ быть вызваны ощущеніями, но только тогда, когда эти послѣднія пробуждаютъ дремлющее побужденіе (Triel).» Далѣе: «инстинкты, развивающіеся только въ одномъ полѣ, находятся въ цѣломъ родѣ, но въ другомъ полѣ остаются только усыпленными, пока не будутъ пробуждены необыкновеннымъ образомъ.»

2. УМОЗАКЛЮЧЕНІЯ ПРОТИВОРѢЧІЯ.

§ 160. Основаніемъ умозаключеній противорѣчія бываетъ несовмѣстность противорѣчащихъ сужденій, и потому въ нихъ заключаютъ или отъ истинности одного къ ложности другаго, или, обратно, отъ ложности одного къ истинѣ другаго.

Умозаключенія по *непосредственному* противорѣчію сужденій мы изложили уже выше, въ непосредственныхъ умозаключеніяхъ на основаніи измѣненнаго качества (§ 113), которое можно было принимать за отрицательную противоположность. По этому намъ остается здѣсь представить болѣе сложныя умозаключенія противорѣчія, которыя основываются на *посредственной* противоположности сужденій.

§ 161. Посредственно, и притомъ отрицательнымъ (противорѣчащимъ) образомъ сужденія могутъ быть противоположны частію по *тождественнымъ* (логическимъ) и *причиннымъ* слѣдствіямъ, а частію по ихъ *тождественнымъ* и *причиннымъ* основаніямъ. По этому посредственныя умозаключенія противорѣчія состоятъ въ томъ, что въ нихъ оспаривается не тезисъ

или антитезисъ, а ихъ тождественныя и причинныя основанія или слѣдствія.

Уже изъ этого открывается, какъ разнообразно можетъ быть приложеніе этихъ умозаключеній противорѣчія. Они имѣютъ главное мѣсто при всѣхъ возраженіяхъ и опроверженіяхъ, также въ непрямыхъ или апогогическихъ доказательствахъ.

Опроверженіе имѣетъ цѣлію доказать ложность какого-нибудь положенія, а *непрямое доказательство*—его истину. Опроверженіе доказываетъ ложность оспариваемаго тезиса, ссылаясь на непосредственно или посредственно противоположныя ему истины; а въ непрямомъ доказательствѣ, наоборотъ, истина доказываемаго положенія подтверждается ложностію всѣхъ непосредственно или посредственно ему противоположныхъ случаевъ.

Эти два направленія посреднственнаго умозаключенія по противорѣчію, соотвѣтствуютъ двумъ формамъ непосредственнаго умозаключенія чрезъ противорѣчіе, которыя находятся въ двухъ способахъ раздѣлительнаго умозаключенія. Возраженія и опроверженія суть умозаключенія способомъ положительно-отрицательнымъ (ponendo tollente), непрямыя доказательства, напротивъ,—способомъ отрицательно-положительнымъ (tollendo ponente).

а) Возраженія и Опроверженія.

§ 162. Если данъ тезисъ, напримѣръ, «опро-

вергнуть годность суда присяжныхъ», то опровергающій прежде всего долженъ ясно и опредѣлительно сознать и представить въ мысляхъ свой *антитезъ,* потому что иначе нападеніе будетъ безъ цѣли и плана. Опровергающій можетъ и высказать свой антитезъ, т. е. въ нашемъ примѣрѣ сказать, что одни судьи постоянные соотвѣтствуютъ своему назначенію, или по крайней мѣрѣ они болѣе другихъ. Но споръ не окончится этимъ *непосредственнымъ* противорѣчіемъ, если спорящія стороны должны противопоставить не одни увѣренія, а основанія.

Прежде всего надобно точно опредѣлить и установить противоположность; слѣдовательно въ нашемъ примѣрѣ должно обозначить отличительныя свойства съ одной стороны присяжныхъ, а съ другой постоянныхъ судей. За тѣмъ опровергатель начинаетъ то *ослаблять*, то *оспаривать* основанія и слѣдствія, приводимыя въ пользу тезиса.

§ 163. *Ослабленіе* основанія или слѣдствія состоитъ въ томъ, что у тезиса оспаривается исключительное право ссылаться на нихъ; а *оспариваніе*—въ томъ, что утверждается противоположность тезиса положительная или отрицательная, и притомъ совершенно или относительно.

Важнѣйшія *основанія,* которыми утверждается годность суда присяжныхъ, состоятъ въ томъ, что ихъ судопроизводство во первыхъ *публично,* а во вторыхъ *изустно.* Публичности приписывается важность частію потому, что ею

охраняется право, а частію потому, что она уясняетъ въ народѣ сознаніе права; изустность заслуживаетъ уваженіе какъ по той причинѣ, что она сокращаетъ и упрощаетъ судопроизводство, такъ и по той, что непосредственное слово и видъ имѣютъ для всѣхъ очевидную ясность. Оба основанія можно и ослаблять, и оспаривать.

Эти основанія *ослабляются,* когда мы покажемъ, что публичность и изустность судопроизводства не суть исключительныя и неотъемлемыя преимущества суда присяжныхъ, по равнымъ образомъ, и въ такой же мѣрѣ, могутъ принадлежать и судопроизводству постоянныхъ судей.—Ослабленіе основанія есть *отрицаніе заключенія, когда оно выводитъ изъ него слишкомъ много.*

Основанія могутъ быть также *оспариваемы.* Такъ въ нашемъ примѣрѣ можно подвергнуть сомнѣнію мысль, что *публичность* судопроизводства раскрываетъ въ народѣ сознаніе права, и поставить на видъ, что соблазнительные процессы могутъ имѣть вредное вліяніе. Что касается до охраненія права открытымъ судопроизводствомъ, то можно напомнить, что присяжные могутъ иногда страшиться господствующей партіи, или приспособляться къ расположенію публики, не всегда справедливому.—Противъ этихъ возраженій защитники публичнаго судопроизводства опять могутъ утверждать, что въ немъ *болѣе* благотворныхъ, нежели вредныхъ дѣйствій.—Противъ *изустности* судопроизводства, можно выставлять его неосновательность, устраненіе апелляцій и т. д. А эти при-

чины опять можно оспаривать, напр. первую тѣмъ, что и при изустномъ судопроизводствѣ можно дѣлать предварительные розыски письменно.—Но это защищеніе можетъ быть снова опровергаемо.

Впрочемъ споръ можно начать и съ новыхъ точекъ зрѣнія, можно напр. обратить вниманіе на *слѣдствія* тезиса; такъ въ нашемъ примѣрѣ можно указать на всегдашнія перемѣны въ составѣ суда присяжныхъ, причемъ не можетъ быть судебной опытности; на преимущество, которое дается въ немъ убѣжденію чисто-нравственному предъ юридическимъ; на случающееся несогласіе между приговоромъ надъ фактомъ, и закономъ; на слишкомъ ограниченное раздѣленіе между: *виновенъ* и *невиновенъ* и т. д.

§ 164. Опроверженія на основаніи посредственнаго противорѣчія можно приводить въ форму условно-раздѣлительнаго положенія, присоединяя къ оспариваемому тезису его тождественныя и причинныя основанія или слѣдствія, какъ его *условія, или выводы,* для того, чтобы отрицая эти послѣдніе, отвергнуть самый тезисъ. Отсюда происходитъ знаменитый *рогатый силлогизмъ,* или *дилемма, трилемма, полилемма.*

Впрочемъ раздѣлительная форма исчисленія условій или выводовъ въ силлогизмахъ посредственнаго противорѣчія не такъ существенна, какъ предполагается названіемъ дилеммы, трилеммы и пр; она большею частію замѣняется, по обстоятельствамъ, то раздробительною формою, то другими союзами.

§ 165. Если силлогизмъ посредственнаго противорѣчія направленъ противъ *тождественныхъ основаній* какого либо тезиса, то вообще,—а особенно когда среднія понятія суть виды сказуемаго заключенія, онъ принимаетъ раздѣлительную форму въ исчисленіи условій, т. е. дѣлается рогатымъ силлогизмомъ. Напримѣръ, «если бы душа была смертна, то она должна бы или уничтожаться или разрѣшаться на части; но ни того, ни другаго она не можетъ испытать; слѣд. и проч.»

Если же силлогизмъ посредственнаго противорѣчія направленъ противъ *тождественныхъ слѣдствій подчиненія,* какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ:—«если бы начало политическаго равенства всѣхъ людей было здраво, то намъ надлежало бы не только Іудеевъ допущать къ участію въ гражданскихъ правахъ, но и Негровъ къ отправленію должностей; но мы несогласны ни на то, ни на другое, слѣд. и проч.»,—въ такомъ случаѣ, по свойству самой вещи, исчисленіе бываетъ не раздѣлительное, а раздробительное, послѣдовательное или же просто соединительное.

Такая же форма имѣетъ мѣсто и тогда, когда силлогизмъ посредственнаго противорѣчія бываетъ обращенъ противъ *тождественныхъ слѣдствій включенія,* напримѣръ: «если бы душа была смертна, то и воскресенія не было бы; умственный и нравственный трудъ оставался бы не только безъ воздаянія, но и безъ цѣли; зло, напротивъ, было бы свободно отъ заслуженнаго наказанія внутренняго и внѣшняго;

побужденіе къ безконечной усовершимости обманчиво и проч: но ничего этого принять нельзя; слѣд. и проч.»

При опроверженіи *причинныхъ основаній и слѣдствій* употребленіе раздѣленія болѣе бываетъ произвольно, потому что при возможности различныхъ то отдѣльныхъ, то соединенныхъ причинъ, дѣйствій и цѣлей, противнику можетъ быть предоставленъ выборъ относительно ихъ. Напримѣръ: «если бы пытка въ уголовныхъ процессахъ была умѣстна, то признаніе было бы безусловно необходимо, вынужденное сознаніе достовѣрнымъ, даже Государство имѣло бы право вынуждать признаніе. Въ иныхъ случаяхъ позволительно было бы, даже требовалось бы вынуждать свидѣтельство или доносъ; знающій о преступленіи, не только нравственно, но и законно былъ бы обязанъ доносить и т. д. Но и пр.»

§ 166. Такимъ образомъ *рогатый силлогизмъ* представляется частною формою выраженія для силлогизмовъ посредственнаго противорѣчія и особенно для опроверженій, только несправедливо усвояли ему дилеммати́ческій или раздѣлительный характеръ. Впрочемъ, какъ въ рогатомъ силлогизмѣ, не смотря на его случайную форму, мы съ удовольствіемъ узнаемъ слѣдъ посредственныхъ умозаключеній противорѣчія, неизвѣстныхъ доселѣ въ Логикахъ, такъ находимъ мы по мѣстамъ слѣды тѣхъ же умозаключеній и въ разныхъ примѣрахъ отрицательнаго способа *условнаго* силлогизма, куда они могли попасть только въ слѣдствіе зыбкаго понятія о

формѣ условнаго сужденія и умозаключенія; именно, тогда какъ по настоящему понятію объ условномъ сужденіи между примѣрами его надлежало приводить только причинныя связи, часто вмѣшиваютъ въ нихъ и тождественныя связи основаній и слѣдствій; а эти-то связи въ условныхъ умозаключеніяхъ отрицательнаго способа и суть посредственные силлогизмы противорѣчія.

Примѣч. Примѣры тождественныхъ связей между основаніями и слѣдствіями узнаются всегда потому, что они по свойству своему всегда безусловно вѣрны, между тѣмъ какъ почти каждый истинно причинный примѣръ подвергается сомнѣнію и допущаетъ исключенія. У Бахмана находимъ слѣдующій примѣръ условнаго умозаключенія по отрицательному способу: «Если это тѣло или другимъ увлекается, или третьимъ какимъ либо сдвигается съ своего мѣста, или само собою движется; то оно перемѣняетъ свое положеніе въ пространствѣ; но оно не перемѣняетъ своего положенія въ пространствѣ; слѣдовательно не существуетъ ни одно изъ трехъ означенныхъ условій.» Въ этомъ примѣрѣ можно видѣть и причинную связь, но тогда онъ не будетъ строго вѣренъ, потому что тѣло можетъ быть прикрѣплено. Впрочемъ въ выраженіяхъ: *увлекаться, быть сдвигаему*; *двигаться самому*, уже заключается перемѣна положенія въ пространствѣ; и потому она выводится здѣсь, какъ тождественное и необходимое слѣдствіе. Несомнѣнно-тождественное и потому необходимое слѣдствіе содержитъ еще и другой примѣръ: «Если этотъ камень магнитъ, то онъ притягиваетъ къ себѣ желѣзо; но онъ не притягиваетъ желѣза, слѣдовательно онъ не магнитъ.» А этотъ примѣръ есть вмѣстѣ и безпрекословно вѣренъ.

б) Непрямое или апагогическое доказательство.

§ 167. Непрямое доказательство довольствуется или опроверженіемъ возраженій, кото-

рыя противъ даннаго тезиса сдѣланы, или могутъ быть сдѣланы, или же обращается къ опроверженію одного мнѣнія противоположнаго тезису, или многихъ противныхъ ему случаевъ. Опроверженіе возраженій есть *защищеніе*, которымъ прежде всего просто доказывается, что нѣтъ никакого основанія защищаемое положеніе считать за ложное; но потомъ оно должно быть дополнено положительнымъ подтвержденіемъ его истины. Опроверженіе же противнаго мнѣнія есть *настоящее непрямое доказательство*, если только и двучленное дѣленіе противоположностей вѣрно и полно, и ложность противной стороны доказана.

Непрямое доказательство отличается отъ простаго защищенія *во первыхъ* тѣмъ, что оно представляетъ взаимную противоположность между извѣстными случаями, которую едва ли сознаютъ въ простыхъ защищеніяхъ. Эта взаимная противоположность можетъ быть выражена и представлена въ формѣ раздѣлительнаго положенія, къ которой мы въ концѣ непрямаго доказательства снова возвращаемся, потому что по способу отрицательному или отрицательно-положительному, опровергнувши всѣ возможные антитезы, мы признаемъ истину тезиса.

Во вторыхъ, въ самомъ раскрытіи своемъ непрямое доказательство отличается отъ простаго защищенія тѣмъ, что первое силится показать ложность антитезовъ, или опровергая *всѣ* ихъ основанія, или приводя къ нелѣпости ихъ слѣдствія; между тѣмъ какъ послѣднее довольствуется опроверженіемъ противныхъ основаній, кото-

рыя едва ли можно и считать основаніями антитеза, или же опровергаетъ нелѣпость слѣдствій, выводимыхъ изъ защищаемаго тезиса.

§ 168. Положимъ, *защищается* законность смертной казни. Въ такомъ случаѣ прежде всего спрашивается: что можно возразить противъ нея, или какія возраженія уже сдѣланы.

Обыкновенныя возраженія суть: что жизнь человѣка священна; что Государство не можетъ у преступника отнимать того, чего оно ему не дало; что гражданинъ, свободно вступая въ союзъ общежитія, не могъ дать Государству права на свою жизнь, потому что и самъ его не имѣетъ; что смертная казнь не есть единственное средство обезоружить злодѣя; что она не достигаетъ цѣли—страхомъ отвращать преступника отъ злодѣянія, и исправить его.

Легко замѣтить, что всѣ эти возраженія противъ защищаемаго тезиса, суть или основанія антитеза, который впрочемъ и не выражается прямо и не сознается раздѣльно, или мнимонелѣпыя слѣдствія тезиса. Если и удастся отразить всѣ эти возраженія, то истина тезиса тѣмъ еще не докажется, по слѣдующимъ двумъ причинамъ: 1) не довольно ясно опредѣлено, есть ли антитезъ, т. е. незаконность смертной казни, одинъ изъ двухъ, взаимно исключающихъ себя членовъ противоположности; и потому, даже отвергнувши его, мы еще не можемъ принять тезисъ, т. е. смертную казнь признать законною, такъ какъ можно еще представить нѣчто третіе, напр. безразличіе и позволительность

смертной казни; 2) по опроверженіи *нѣкоторыхъ* основаній антитеза можно только условно отрицать его истину, потому что можетъ быть есть еще другія, лучшія основанія,—равно какъ устраненіемъ нѣкоторыхъ мнимо-нелѣпыхъ слѣдствій тезиса не исключаются еще другія подобныя нападенія.

Въ частности, на вышеприведенныя возраженія противъ законности смертной казни, *защитникъ* ея, съ своей стороны, можетъ отвѣчать напр. слѣдующее: хотя правда, что жизнь человѣка священна, однако, по крайней мѣрѣ убійца не имѣетъ права ссылаться на это, потому что онъ самъ не уважаетъ неприкосновенности ея въ другихъ. Далѣе, жизнь недѣлимаго не безусловно-священна; во всякомъ случаѣ существованіе общества гораздо священнѣе. Основанія, взятыя отъ общественныхъ договоровъ, падаютъ сами собою вмѣстѣ съ этимъ вымысломъ; равно и возраженія, заимствуемыя изъ теоріи предупрежденія, устрашенія и исправленія,—если и допустить эти теоріи,—теряютъ силу потому, что здѣсь вообще идетъ дѣло не о пользѣ, а о законности смертной казни.

§ 169. *Въ непрямое доказательство обращается* это защищеніе, когда антитезъ, т. е. незаконность смертной казни, опровергается во *всѣхъ* его основаніяхъ, или, что еще сильнѣе, когда онъ будетъ приведенъ къ *нелѣпости*, именно когда напр. будетъ показано, что съ уничтоженіемъ смертной казни надлежало бы запретить и защищеніе собственной жизни, и что жизнь негодяя цѣнилась бы болѣе, чѣмъ

угрожаемая отъ него жизнь невинныхъ гражданъ, и даже болѣе, нежели возмущаемое имъ существованіе и безопасность человѣческихъ обществъ.

Сколько бы ни были полезны и необходимы защищеніе и непрямое доказательство, и сколь ни обширно было бы ихъ употребленіе въ утвержденіи тезисовъ, особенно въ полемикѣ; однако убѣжденіе довершается только *прямымъ доказательствомъ;* опроверженіе сторонніихъ взглядовъ, защищеніе и непрямыя доказательства только наводятъ мысль на тезисъ и утверждаютъ его отвнѣ, между тѣмъ какъ извнутрь онъ долженъ утверждаться на доказательствѣ прямомъ. Такъ въ нашемъ примѣрѣ убѣжденіе въ законности смертной казни основывается на доказательствѣ: что оказывать правосудіе или обезпечивать равновѣсіе правъ есть не только право, но и обязанность Государства, такъ какъ оно, въ своемъ высшемъ значеніи, само есть именно учрежденіе для сохраненія равновѣсія правъ, и отсюда, въ случаѣ нарушенія этого равновѣсія, оно имѣетъ право и обязанность возстановлять его возмездіемъ.

3. силлогизмы подчиненія.

§ 170. Отношеніе подчиненія сужденій состоитъ въ отношеніи родоваго сужденія къ содержащимся подъ нимъ видовымъ: по этому самому оно представляетъ двоякій ходъ умозаключенія: *возвратный* отъ видовыхъ сужденій къ высшему, родовому, и *поступательный* отъ родоваго къ содержащимся подъ нимъ видовымъ. Въ первомъ случаѣ общее развивается

изъ частнаго, въ послѣднемъ—частное выводится изъ общаго.

И эти оба пріема умозаключеній уже извѣстны были прежней Логикѣ, только несправедливо принимали ихъ за ученые методы, и даже разсматривали ихъ въ методологіи, какъ два единственно возможные ученые метода, подъ именемъ *аналитическаго и синтетическаго*, между тѣмъ какъ они суть простые элементы каждаго ученаго изложенія и встрѣчаются во всякомъ ученомъ методѣ, только въ одной наукѣ и методѣ ея болѣе, а въ другихъ менѣе.

§ 171. Общее и частное, смотря потому, въ аналитическомъ ли, или въ синтетическомъ ходѣ мыслей они встрѣчаются, получаютъ различныя названія, такъ какъ по свойству того и другаго, они представляются намъ въ различномъ видѣ. Въ аналитическомъ ходѣ частное и почерпаемое изъ него общее разсматриваются какъ дѣйствительность, и называются реальнымъ, потому что здѣсь выходятъ отъ частнаго, какъ дѣйствительнаго, въ опытѣ даннаго содержанія, и показываютъ, что общее заключается въ дѣйствительномъ, и потому само есть дѣйствительность. Частное, отъ котораго начинаетъ анализъ, называется, по этому, *явленіемъ, видовымъ характеромъ, случаемъ, фактомъ;* а общее, къ которому идетъ анализъ, называется *сущностію, родовымъ характеромъ, правиломъ, закономъ*. Напротивъ того, въ синтетическомъ ходѣ мыслей, частное и общее разсматриваются и означаются, какъ идеальное, какъ предметъ только мышленія, потому что здѣсь начина-

ютъ мыслію о всеобщемъ, а въ частномъ указываютъ его проявленіе и оправданіе. Въ такомъ случаѣ общее называется *основоположеніемъ* и *началомъ*, а его частное—*приложеніемъ* и *слѣдствіемъ*.

Поэтому, а) аналитическій ходъ мыслей, или возвратное умозаключеніе подчиненія, состоитъ въ обратномъ движеніи отъ явленія вещи къ ея сущности, отъ свойства видовъ къ характеру рода, отъ частныхъ случаевъ къ правилу, отъ особенныхъ фактовъ къ закону. Цѣль этого хода есть *достигнуть* общаго, *какъ совокупности* частнаго.

Наоборотъ, б) синтетическое или поступательное умозаключеніе подчиненія нисходитъ отъ родоваго сужденія къ содержащимся подъ нимъ видовымъ, отъ основоположеній и началъ къ приложеніямъ и слѣдствіямъ. Его цѣль—*получить* частное, какъ *слѣдствіе* общаго.

в) Соединеніе обоихъ образовъ умозаключенія находимъ мы въ *доказательствѣ* какъ частнаго посредствомъ общаго, т. е. *синтетическомъ* (Beweis), такъ и общаго посредствомъ частнаго, т. е. *аналитическомъ* (Erweis). Это два дѣйствія мышленія, которыя тоже здѣсь, а не въ методологіи имѣютъ свое мѣсто, потому что они употребляются во всѣхъ ученыхъ методахъ, только въ различной мѣрѣ, и потому предполагаются, какъ всеобщіе элементы мышленія.

Доказательства аналитическія и синтетическія *не производятъ*, а только *оправдываютъ* родовыя

и выдовыя сужденія; эти сужденія уже предполагаются готовыми, но остаются простыми взглядами и положеніями, пока не будутъ, каждое своимъ образомъ, доказаны.

§ 172. *Аналитическое доказательство* имѣетъ общую *цѣль* съ анализомъ, именно извлечь и представить общую истину, но оно не выводитъ ее само изъ частнаго, а только оправдываетъ ее частнымъ. Это дѣлаютъ *посредствомъ* синтеза, указывая во всеобщей истинѣ изъяснительное начало относящихся къ нему частныхъ явленій или фактовъ, и отъ ихъ дѣйствительности и достовѣрности обратно заключая къ фактической истинѣ изъясняющаго ихъ начала. Слѣдовательно аналитическое доказательство есть довершеніе цѣли анализа посредствомъ синтеза, испытаніе перваго посредствомъ послѣдняго. Аналитическое доказательство даетъ всеобщему,—принятому за предварительный результатъ или предположеніе,—истину дѣйствительности, *достовѣрность*.

Синтетическое доказательство имѣетъ одну *цѣль* съ синтезомъ,—достигнуть частныхъ познаній, но въ немъ не выводится частное изъ общаго ихъ начала, а только оправдывается общимъ, лежащимъ въ его основаніи. Этой цѣли достигаютъ *посредствомъ* анализа, указывая общія начала, положенныя въ основаніи частныхъ познаній, утверждая необходимость первыхъ и низводя потомъ ихъ высшую истинну на послѣднія, какъ ихъ слѣдствія. Итакъ синтетическое доказательство довершаетъ задачу синтеза пріемомъ анализа, оправдываетъ первый послѣд-

нимъ. Оно даетъ частнымъ положеніямъ,—будутъ ли то предварительныя слѣдствія, или свидѣтельства опыта,—*необходимость* всеобщихъ началъ и основоположеній.

а) Анализъ родоваго сужденія.

§ 173. Возвратное умозаключеніе подчиненія, или аналитическій ходъ мышленія отъ видовыхъ сужденій къ содержащемуся въ нихъ родовому, соотвѣтствуетъ вообще развитію включеннаго сужденія (§ 158), такъ какъ подчиненіе находится въ обратномъ отношеніи съ включеніемъ (§ 100). Однако оба эти умозаключенія существенно и различаются между собою,—частію своими цѣлями, частію своими дѣйствіями. Анализъ роднаго сужденія извлекаетъ общее содержаніе различныхъ сужденій, между тѣмъ какъ развитіе раскрываетъ только содержаніе какого либо одного сужденія; слѣдовательно первый имѣетъ въ виду родовыя сужденія, а это послѣднее—слѣдствія.

Примѣч. Развитіе включеннаго сужденія есть простой анализъ какого либо *одного* даннаго сужденія, и только извлекаетъ положенія, находящіяся въ этомъ одномъ сужденіи; оттого оно и ограничивается развитіемъ включенныхъ *сказуемыхъ*, такъ какъ частное сужденіе выражаетъ въ себѣ только подчиненіе видоваго подлежащаго родовому сказуемому, а не наоборотъ. Напротивъ того, анализъ родоваго сужденія изъ видовыхъ утверждается на сравненіи многихъ видовыхъ сужденій, и извлекаетъ положенія, лежащія въ основаніи всѣхъ ихъ; онъ простирается, по этому, на *всѣ отношенія въ подчиненіи* сужденій (§ 100): не извлекаетъ только ро-

довыя сказуемыя, включающіяся въ частныхъ, подчиненныхъ сказуемыхъ подлежащаго, но и родъ, какъ подлежащее, подчиняетъ общимъ сказуемымъ видовъ, и разныя видовыя сужденія совмѣщаетъ подъ однимъ общимъ родовымъ сужденіемъ.

§ 174. Приложеніе аналитическаго хода мыслей столько же имѣетъ видовъ, сколько есть различныхъ отношеній подчиненія въ двухъ главныхъ родахъ сужденія, *сказательномъ* и *причинномъ*. Подчиненіе же сужденій бываетъ или цѣлое, или частное подчиненіе предъидущаго, либо послѣдующаго члена, а въ причинномъ—и средняго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ умозаключеніе, конечно, остается одинаковымъ и существенно состоитъ въ сравнительномъ извлеченіи общаго родоваго сужденія, заключающагося въ различныхъ сужденіяхъ видовыхъ; но не смотря на то, показаніе этихъ различныхъ случаевъ уже потому полезно, что даетъ намъ видѣть богатое и обширное приложеніе умозаключеній.

§ 175. а) Въ *сказательномъ* сужденіи возвратное умозаключеніе подчиненія имѣетъ *три* главныхъ приложенія: 1) отъ разнообразныхъ проявленій вещи заключаютъ къ ея всеобщимъ основнымъ свойствамъ, ея сущности; 2) признаки, равно замѣчаемые въ различныхъ видахъ, по наведенію приписываются роду; 3) наконецъ, изъ описанія дѣйствительныхъ видовъ отвлекается характеристика рода. Умозаключеніе отъ явленій вещи къ ея сущности есть умозаключеніе по подчиненію послѣдующихъ членовъ; наведеніе, напротивъ, есть умозаключеніе по подчиненію предъидущихъ членовъ; наконецъ

отвлеченіе родоваго характера отъ видовыхъ явленій есть умозаключеніе по всецѣлому подчиненію многихъ сужденій. Послѣднее умозаключеніе основывается на двухъ первыхъ, какъ своихъ существенныхъ элементахъ, потому что характеристика рода составляется такимъ образомъ: сначала основныя свойства разныхъ видовъ отвлекаются изъ ихъ дѣйствительнаго явленія, а потомъ различные виды сравниваются въ отношеніи къ ихъ общимъ основнымъ свойствамъ и сводятся въ роды.

Примѣры такого рода умозаключеній,—которыхъ впрочемъ въ каждой наукѣ встрѣчается множество,—представляетъ намъ Физика въ изысканіи общихъ свойствъ тѣлъ. Возьмемъ ихъ непроницаемость. Что она есть основное свойство одного какого либо тѣла, напримѣръ твердаго, выводится изъ того, что это тѣло осязаемо, что оно не допускаетъ другихъ тѣлъ въ занимаемое имъ пространство, что при давленіи оно оказываетъ сопротивленіе, или, если оно и сжимается, а слѣдовательно уменьшаетъ свой объемъ, то въ такой же мѣрѣ увеличиваетъ свою плотность и т. д. Что непроницаемость есть родовая черта тѣлъ вообще, къ тому доходятъ по наведенію, потому что она замѣчается въ упругихъ, равно какъ въ твердыхъ и капельныхъ тѣлахъ. Наконецъ, общая характеристика непроницаемости отвлекается отъ проявленія видовъ въ дѣйствительности, именно заимствуется изъ различнаго состоянія тѣлъ твердыхъ, капельныхъ и упругихъ при сжатіи и т. п.

§ 176. б) При *причинныхъ* отношеніяхъ все-

общее называютъ *правиломъ*, если эти отношенія принадлежатъ болѣе къ области свободы; когда же они принадлежатъ къ области естественной необходимости, тогда называютъ ихъ *закономъ*. Законъ отвлекается отъ *фактовъ*, правило отъ *случаевъ*.

Правило имѣетъ въ виду такую или другую цѣль, и показываетъ болѣе или менѣе приличныя къ достиженію ея средства, и вмѣстѣ приличнѣйшій образъ ихъ приложенія. Отвлеченіе при образованіи правилъ состоитъ въ сравненіи не сроднаго, но цѣлесообразнаго и простирается не къ роду различныхъ видовъ, а къ maximum различныхъ *степеней*. Это происходитъ отъ того, что правило всегда обращено къ опредѣленной цѣли, которой содѣйствуютъ не различные виды средствъ различнымъ образомъ, а только различныя частныя средства въ различной степени.

Законъ относится къ дѣйствительнымъ причиннымъ связямъ и есть отвлеченіе *существеннаго* въ различныхъ однородныхъ причинныхъ явленіяхъ. Существенное въ причинныхъ явленіяхъ есть причинная связь, разоблаченная отъ всѣхъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя не содѣйствуютъ ей, а праздно сопровождаютъ ее; слѣдовательно оно есть дѣйствующее въ разныхъ причинахъ, основная форма въ различныхъ способахъ дѣйствованія и собственно производимое въ разныхъ дѣйствіяхъ. Эти существенныя черты соединяютъ различныя причинныя явленія въ однородныя группы, которыя относятся между собою какъ виды и роды, причемъ однакожъ разные виды составляютъ не противо-

положности, а только различные случаи.

§ 177. Подчиненіе причинныхъ сужденій бываетъ *четвероякое*: полное и частное предъидущаго, средняго и послѣдующаго члена; и потому въ причинномъ сужденіи бываетъ четвероякій анализъ родоваго сужденія; именно здѣсь выводится или существенная причинная связь различныхъ причинныхъ явленій вообще, или только общее дѣйствующее начало въ различныхъ причинахъ одного дѣйствія, или только главное произведеніе въ различныхъ дѣйствіяхъ одной причины, или только основная форма различныхъ способовъ, какими одна причина производитъ одно и тоже дѣйствіе. Извлеченное такимъ образомъ родовое сужденіе, во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ—называютъ закономъ.

§ 178. Пусть будетъ предложено отыскать законы соприкосновенія понятій, т. е. существенныя причины того психологическаго явленія, что одно представленіе въ памяти вызываетъ другое. Для этой цѣли наблюдаютъ различныя явленія соприкосновенія понятій,—т. е. какъ представленія связываются одно съ другимъ въ разговорѣ, во внутреннемъ обращеніи мыслей, въ ученомъ размышленіи, въ правильной рѣчи Оратора, постоянно имѣя въ виду аналитически разрѣшаемый вопросъ о существенномъ основаніи явленія. У дѣтей и необразованныхъ, или даже и образованныхъ,—когда они предаются естественному теченію мыслей,—какъ во внутреннемъ обращеніи представленій, такъ и въ разговорѣ оказывается, что у нихъ связываются между собою преимущественно

представленія явленій современныхъ и послѣдовательныхъ, равно какъ сходныхъ и противныхъ; напротивъ того въ ученомъ размышленіи, или въ правильной рѣчи преимущественно сцѣпляются между собою части одного цѣлаго, свойства одного предмета, члены одной причинной связи, виды одного рода и противоположности. По этому современность, послѣдовательность, сходство и контрастъ называютъ низшими законами, а цѣлость, предметное единство, причинную связь и родовую одинакость — высшими законами, или существенными причинами соприкосновенія понятій.

Напротивъ, когда обращаютъ вниманіе болѣе на свободное употребленіе этихъ законовъ соприкосновенія для запамятованія, то принимаютъ ихъ за правила: низшіе законы соприкосновенія представленій за правила для дѣтей при заучиваніи; напротивъ того, высшіе законы соприкосновенія понятій, именно логическую связь представленій, признаютъ правиломъ или средствомъ для разумнаго запамятованія.

Можно сдѣлать опытъ свести такой рядъ законовъ къ высшему закону; и въ самомъ дѣлѣ, законы соприкосновенія представленій удалось свести къ одному, къ закону единства: «что представленія, которыя когда либо образовали въ нашемъ сознаніи единство, или связное цѣльное представленіе, опять взаимно вызываютъ другъ друга.» Этотъ законъ, какъ главное правило запамятованія, можетъ быть выраженъ такъ: «представленія, которыя мы хочемъ связать между собою, должны быть соединены въ какое

либо одно цѣльное представленіе.»

§ 179. Законъ соприкосновенія представленій выражаетъ только существенную основу причинныхъ явленій, ему подчиняющихся; а законъ, напр. тяжести, обнимаетъ не только существенную основу, но и существенный образъ дѣйствованія, и вмѣстѣ существенное дѣйствіе подчиняющихся ему причинныхъ явленій, и слѣдовательно представляетъ собою примѣръ закона, получаемаго чрезъ всецѣлое подчиненіе. Сила земнаго притяженія производитъ паденіе и вѣсъ земныхъ тѣлъ; взаимное притяженіе частей тѣла—ихъ сцѣпленіе (cohesio); притяженіе тѣлъ—ихъ приставаніе (adhesio); взаимное притяженіе міровыхъ тѣлъ—ихъ тяготѣніе одного къ другому. Въ этомъ заключается законъ: «всѣ тѣла притягиваютъ одно другое.» Если мы въ частности спросимъ, въ чемъ заключается всеобщее и существенное *основаніе* притяженія тѣлъ, то отвѣтъ на то будетъ: въ ихъ массѣ; отсюда притяженіе пропорціонально массѣ. Напротивъ, если спрашиваютъ, какимъ вообще *образомъ* дѣйствуетъ притяженіе, то надобно отвѣчать: въ обратномъ содержаніи квадратовъ разстоянія. Наконецъ, если спросимъ, какое всеобщее или существенное *дѣйствіе* сила притяженія производитъ въ притягиваемыхъ тѣлахъ,—то это есть непрерывное ихъ стремленіе приблизиться къ тѣламъ притягивающимъ, которое обнаруживается различно: въ тяготѣніи—силою центростремительною, въ притяженіи земномъ—паденіемъ и вѣсомъ тѣлъ.

б) Синтезъ видовыхъ сужденій.

§ 180. Поступательное умозаключеніе подчиненія, или синтетическій ходъ мышленія, состоитъ вообще въ движеніи его отъ какого либо даннаго родоваго сужденія къ содержащимся подъ нимъ видовымъ сужденіямъ. Это движеніе происходитъ двоякимъ образомъ: а) или частное *выводится* и *изъясняется* изъ общаго, или же б) частное *обсуживается* по общему, и это послѣднее *прилагается къ нему*, какъ масштабъ и критерій. По этому синтетическое поступаніе отъ всеобщаго къ частному состоитъ или въ *приложеніи* перваго, или въ *выводахъ* послѣдняго. Какъ масштабъ и критерій сужденія о частномъ, родовое сужденіе называется *основоположеніемъ*, а какъ элементъ вывода и изъясненія называется *началомъ*.

§ 181. Такъ какъ видовыя сужденія содержатся не *въ* родовыхъ сужденіяхъ, но *подъ* ними, и даже, какъ всеобщее и частное по содержанію находятся въ обратномъ отношеніи, то видовыхъ сужденій нельзя *развивать* изъ родовыхъ, а только можно заимствовать ихъ изъ опыта и *подводить* подъ эти послѣднія.

Если синтезъ остается при *одномъ подведеніи* видовыхъ, изъ опыта взятыхъ познаній, подъ родовое сужденіе, то онъ дѣлается *исчисленіемъ* и *наборомъ* частныхъ случаевъ и фактовъ: при этомъ хотя они отыскиваются въ опытѣ по руководству родоваго сужденія и по немъ распредѣляются, однако не выводятся изъ него

дѣйствительно. А чтобы синтезъ видовыхъ сужденій былъ дѣйствительнымъ извлеченіемъ изъ родоваго сужденія, для этого надобно, чтобы они не подчинялись только ему въ томъ видѣ, въ какомъ они взяты изъ опыта, но или производились бы и изъяснялись изъ него, или обсуживались по немъ: родовое сужденіе должно служить не заглавіемъ только, но изъяснительнымъ началомъ, или критеріемъ видовыхъ.

Опытное происхожденіе видовыхъ познаній вовсе не исключаетъ вывода ихъ изъ ихъ родоваго сужденія *для высшаго уразумѣнія* вещей. Какъ познанія, они конечно почерпаются не иначе, какъ изъ опыта, потому что частнаго нельзя открыть *въ* общемъ ни чрезъ какое его разложеніе или измѣненіе; оттого и выводъ ихъ имѣетъ не ту цѣль, чтобы только еще пріобрѣсть ихъ какъ познанія и по ихъ содержанію, но ту, чтобы пріобрѣсть ихъ высшимъ образомъ, какъ слѣдствія родоваго сужденія,— чтобы ихъ понять, а не просто знать опытно. По этому выводъ есть извлеченіе изъ родоваго сужденія видовыхъ познаній, уже подчиненныхъ ему опытно, которое имѣетъ цѣлію, не только указать ихъ какъ опытные факты подъ титуломъ какого нибудь общаго положенія, но и раскрыть ихъ, какъ его слѣдствія.

§ 182. а) *Выводъ* и *изъясненіе* состоитъ въ *построеніи* частнаго изъ общаго, въ которомъ общая мысль, при особенныхъ, изъ опыта заимствованныхъ условіяхъ, образуется въ частныя понятія, какъ ея слѣдствія. Выводъ предполагаетъ аналитическое разложеніе частнаго на его ро-

довой и видовой характеръ, и потому есть только *перестройка* частнаго изъ его всеобщихъ и частныхъ элементовъ, разложенныхъ анализомъ. Это есть *синтезъ анализированнаго*.

Выводъ и изъясненіе, по существу своему, суть одно и тоже дѣйствіе и различаются только ходомъ умозаключенія: въ выводѣ онъ бываетъ чисто поступательный и извлекаетъ чисто идеальныя слѣдствія, напротивъ въ изъясненіи бываетъ возвратный, потому что изъясняемое частное сначала принимается во вниманіе, какъ дѣйствительность, съ тою цѣлію, чтобы потомъ эту дѣйствительность опять произвесть, какъ идеальное слѣдствіе. Всеобщее въ изъясненіи называется изъяснительнымъ основаніемъ или началомъ.

Хотя частное, выведенное посредствомъ синтеза, возстановляется въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно служило исходнымъ пунктомъ анализа, однакожъ въ сущности своей оно становится совсѣмъ инымъ.

1. Оно разсматривается теперь какъ *идеальное слѣдствіе* всеобщаго, между тѣмъ какъ частное, съ котораго начинался анализъ, принималось за *дѣйствительность*. Первое есть выведенная мысль.

2. Оно понято, постигнуто и изъяснено, потому что теперь въ частномъ сознается всеобщее, которое до извлеченія его анализомъ безсознательно и слитно содержалось въ частномъ. Оттого синтетическое уразумѣніе частнаго по-

ложенія столько же возвышается надъ непосредственнымъ его знаніемъ, сколько пониманіе и сужденіе, или знаніе понятія въ предметѣ, возвышается надъ простымъ взглядомъ или безмысленнымъ замѣчаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ выводомъ частнаго положенія изъ всеобщаго разливается совершенно такой же свѣтъ уразумѣнія. Положеніе вдругъ становится для насъ яснымъ; мы понимаемъ и разумѣемъ его, такъ какъ мы видимъ въ немъ высшую, всеобщую истину, изъ которой оно проистекаетъ. Съ уразумѣніемъ всеобщей истины сознаніе какъ бы проникаетъ въ темный до сихъ поръ внутренній смыслъ такого положенія; мы *провидимъ его*.

3. Къ этому присоединяется *генетическое* познаніе, преобразованіе всеобщей истины въ частную, происхожденіе послѣдней изъ первой. Положеніе происходитъ какъ слѣдствіе,—вытекаетъ. Чрезъ то всеобщія положенія, равно какъ и производныя изъ него, дѣлаются изъ покоющагося знанія текучими и движущимися мыслями, которыя по этому самому бываютъ несравненно плодоноснѣе.

§ 183. б) *Приложеніе* основоположенія къ частному съ тѣмъ, чтобы *обсудить* его, имѣетъ мѣсто тогда, когда предполагается, что частное, въ данномъ видѣ, не есть чистое и совершенное, а въ особенности не есть естественное выраженіе и слѣдствіе всеобщаго, но можетъ быть заключаетъ въ себѣ ошибку и искаженіе. Слѣдовательно обсуживанію подлежатъ въ особенности: теоріи, взгляды и мнѣнія другихъ,

если только возможно подвести ихъ подъ общепринятое начало; далѣе, свободныя выполненія правилъ и законовъ, слѣдственно эстетики, нравственности, права, техники; наконецъ въ природѣ—уроды.

Впрочемъ обсуживаніе частнаго есть не иное что, какъ ограниченнѣйшій только *выводъ* его изъ прилагаемаго къ нему основоположенія. Пусть будетъ дано намъ или обсудить какое либо положеніе со стороны его истины, или оцѣнить какой либо предметъ эстетики, нравственности, права по его достоинству; въ такомъ случаѣ эту истину, или это достоинство мы не иначе можемъ опредѣлить, какъ чрезъ выводъ. Въ одномъ истина, въ другомъ достоинство признаются въ такой мѣрѣ, какъ они вытекаютъ изъ всеобщаго, взятаго за масштабъ. Слѣдовательно обсуживаніе есть покушеніе вновь построить обсуживаемое изъ основоположеній, которыя уже приняты и признаны за начала.

§ 184. Явленія міра свободы, т. е. предметы эстетики, нравственности, права, конечно, отличаются отъ необходимыхъ произведеній природы и именно тѣмъ, что эти послѣднія надобно только понимать и выводить, а первыя, напротивъ, обсуживать: однакожъ и основоположенія, которыя должны быть правилами или законами свободныхъ произведеній духа, также допускаютъ необходимыя послѣдствія и выводы, по которымъ именно и обсуживаются эти дѣйствія свободы. Примѣромъ тому могутъ служить слѣдствія, которыя *Спиноза* выводитъ изъ основнаго положенія своего естественнаго права: uniuscujusque naturale jus eo usque se exten-

dit, quo ejus potentia. Tract. pol. cap. 2. § 4. sq. Sequitur, unumquemque tam diu alterius esse juris, quam diu sub alterius potestate est. § 2. Is alterum sub potestate habet, quem legatum tenet, cui arma et media sese defendendi aut evadendi ademit, vel cui metum injecit, vel quem sibi beneficio devinxit. § 10. Judicandi facultas eatenus etiam alterius juris esse potest, quatenus mens potest ab altero decipi. § 11. Fides alicui data § 12. tam diu rata manet, quamdiu ejus, qui fidem dedit, non mutatur voluntas. Nam qui potestatem habet solvendi fidem, suo jure non cessit, sed verba tantum dedit.

Умозрительно обсуживать эти чудовищныя положенія, со стороны ихъ истины, равно какъ практически оцѣнивать изложенныя въ нихъ дѣйствія, со стороны ихъ нравственнаго достоинства, должно, безъ сомнѣнія, совершенно по другому началу права; только напрасно мы требовали бы согласія въ томъ отъ Спинозиста, который не признаетъ этого начала: nam contra principia negantem non est disputandum.

§ 185. Переходъ анализа въ синтезъ составляетъ *поясненіе*. Оно имѣетъ цѣлію—всеобщее объяснить выводомъ частнаго въ какомъ нибудь примѣрѣ, какъ въ слѣдующемъ случаѣ: «свѣтъ распространяется по прямой линіи, оттого мы не видимъ напримѣръ за угломъ.» Въ поясненіи цѣль таже, какъ и въ анализѣ, т. е. *поставить* на видъ всеобщее; но это же всеобщее служитъ здѣсь, какъ и въ синтезѣ, исходнымъ пунктомъ для произведенія изъ него частнаго. Но какъ главный предметъ составляетъ здѣсь всеобщее, а не частное, то поясненіе довольствуется отрывочнымъ исчисленіемъ частнаго въ однихъ примѣрахъ.

в) Соединеніе синтеза и анализа.

аа) Аналитическое доказательство.

§ 186. Аналитическое доказательство есть подтвержденіе всеобщаго посредствомъ частнаго; оно ссылается на *факты* съ тѣмъ, чтобы *предположенію* или гипотезѣ сообщить достовѣрность. Напротивъ синтетическое доказательство есть утвержденіе частнаго посредствомъ всеобщаго и ссылается на несомнѣнныя основанія, чтобъ извѣстному положенію сообщить необходимость. Такъ напр. виновность обвиняемаго доказываютъ аналитически, ссылаясь на факты, а что онъ заслуживаетъ наказаніе, это доказываютъ синтетически изъ общепризнанныхъ основаній.

Въ изложеніи науки, анализъ употребляютъ для развитія всеобщаго изъ частнаго,—что авторъ обыкновенно предоставляетъ себѣ самому, не вводя слушателя и читателя въ это занятіе, болѣе предварительное и гадательное. Но анализъ еще употребляютъ болѣе или менѣе съ тѣмъ, чтобы доказать всеобщее посредствомъ частнаго. Переходъ между анализомъ и аналитическимъ доказательствомъ, нѣчто среднее между ними, составляетъ *показаніе* всеобщаго въ частномъ.

§ 187. *Показаніе* всеобщаго въ частномъ имѣетъ дальнѣйшую цѣль, чѣмъ анализъ; оно не пріобрѣтаетъ только родовое сужденіе, но старается *оправдать* его, и для того всеобщее

принимаетъ за предварительное *предположеніе*, а частное приводитъ, какъ его *подтвержденіе*. Поэтому и въ ходѣ мыслей оно слѣдуетъ обратному направленію съ анализомъ, выходитъ не изъ частнаго, но отъ предварительно найденнаго всеобщаго, и присоединяетъ частное, какъ *опытныя подтвержденія*, или *очевидные факты*. Такъ физики показываютъ во всѣхъ тѣлахъ непроницаемость, какъ родовой ихъ характеръ, заключая такимъ образомъ: всѣ тѣла непроницаемы, потому что и твердыя и жидкія и упругія тѣла взаимно исключаютъ другъ друга изъ занимаемаго ими пространства; твердыя хотя и сжимаются, однакожъ соразмѣрно тому получаютъ большій удѣльный вѣсъ, жидкія только уклоняются, упругія напротивъ противополагаютъ сжатію соразмѣрно возрастающее сопротивленіе.

При показаніи всеобщее только аналитически указывается въ частномъ; но не выводится частное изъ общаго синтетически, что составляетъ предметъ аналитическаго доказательства. Оно именно есть только показаніе всеобщаго *въ* частномъ, а не доказательство его *посредствомъ* частнаго. Между тѣмъ истина, достигаемая показаніемъ, есть таже самая, какая имѣется въ виду при аналитическомъ доказательствѣ, т. е. *достовѣрность* всеобщаго, какъ совокупности частныхъ дѣйствительностей. Привходящій въ аналитическомъ доказательствѣ выводъ послѣднихъ изъ всеобщаго только довершаетъ посредствомъ синтеза убѣжденіе въ правильности анализа.

§ 188. *Аналитическое доказательство* бы-

ваетъ тогда, когда всеобщее положеніе, принятое какъ *гипотеза*, оправдывается изъясненіемъ изъ него, какъ начала, содержащихся подъ нимъ частныхъ дѣйствительностей. Истина, получаемая отсюда всеобщимъ положеніемъ, есть истина дѣйствительности, *достовѣрность;* но чрезъ воспроизведеніе дѣйствительнаго изъ всеобщаго она возвышается на степень необходимости, или, какъ называютъ ее въ аналитическомъ доказательствѣ, *очевидности*. Аналитическое доказательство, по своему процессу, есть синтетическій выводъ частнаго изъ всеобщаго, но этотъ выводъ служитъ ему не цѣлію, (какъ въ синтетическомъ), а средствомъ для указанія, что во всеобщемъ дѣйствительно содержится частное; притомъ всеобщее является здѣсь не простымъ началомъ какого нибудь идеальнаго, а изъяснительнымъ началомъ реальнаго слѣдствія. Аналитическое доказательство, по этому, есть сложное умозаключеніе подчиненія, а именно анализъ всеобщаго посредствомъ синтеза.

Когда всеобщее очевидно представляется въ частномъ (какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ въ § 187), то обыкновенно довольствуются однимъ показаніемъ; аналитическое же доказательство употребляютъ большею частію только тамъ, гдѣ всеобщее не такъ легко и ясно представляется, гдѣ не довольно только привести частное, чтобы обнаружить въ немъ всеобщее и убѣдить другихъ въ его достовѣрности. Слѣдовательно синтетическій пріемъ въ аналитическомъ доказательствѣ вообще только восполняетъ недостатки показанія.

§ 189. Такъ какъ аналитическое доказательство имѣетъ предметомъ—сообщить всеобщему, какъ предположенію, достовѣрность, то и показаніе, какъ указаніе всеобщаго въ частныхъ дѣйствительностяхъ, совершенно соотвѣтствуетъ той же цѣли, и даже показаніе пользуется большею довѣренностію, нежели аналитическое доказательство, потому что послѣднее не рѣдко тѣмъ настоятельнѣе употребляютъ, когда всеобщее есть чистая гипотеза, которой никакъ нельзя *показать*. По этому, показанное имѣетъ болѣе достовѣрности, нежели аналитически доказанное, за то послѣднее имѣетъ болѣе мысленнаго достоинства и часто весьма остроумно и искусно закрываетъ собою отсутствіе возможнаго показанія. Примѣромъ изъяснительнаго начала, только доказаннаго аналитически, а не показаннаго, можетъ служить приписываемая матеріи притягательная сила.

бб) Доказательство синтетическое.

§ 190. *Предметъ* синтетическаго доказательства составляютъ *положенія и увѣренія*, которыя требуется представить необходимыми слѣдствіями. Это дѣлаютъ, сводя ихъ къ началамъ и основоположеніямъ, лежащимъ въ ихъ основаніи, причемъ эти послѣднія должны быть не идеальныммм и субъективными основаніями, изъ которыхъ бы эти положенія и увѣренія вытекали синтетически, а общегодными, т. е. предметными и дѣйствительными основаніями, которыя бы можно было оправдать аналитически. Такъ какъ синтетическое доказательство предполагаетъ произвесть необходимыя послѣдствія,

то оно имѣетъ одну цѣль съ синтезомъ, только въ высшей формѣ, и достигаетъ этой цѣли чрезъ посредство анализа.

Когда общая истина, на которой опирается доказательство, бываетъ только идеальнымъ началомъ или общею мыслію, изъ которой производятся частныя положенія и увѣренія, тогда послѣднія хотя перестаютъ быть безотчетными положеніями и увѣреніями, хотя *подтверждаются,* однако они собственно еще не доказаны. Тогда все еще спрашивается: эти основоположенія и начала суть ли сами общегодныя, именно объективно-истинныя,—что можетъ быть утверждено только аналитическимъ показаніемъ или доводомъ. Всеобщія истины, отъ которыхъ зависитъ основательность положеній и увѣреній, могутъ быть и обще-признаваемы и несомнѣнны, такъ что излишне было бы доказывать ихъ болѣе: въ такомъ случаѣ довольно только сослаться на нихъ, какъ на синтетическія начала положенія, чтобы сообщить послѣднему требуемую необходимость,—довольно т. е. одного *подтвержденія* (Begründung). Но если мы сколько нибудь сомнѣваемся въ истинѣ основаній, то должны привесть полное синтетическое доказательство, и синтетическій выводъ извѣстной мысли изъ ея основаній дополнить аналитическимъ показаніемъ, или доказательствомъ послѣднихъ.

§ 191. *Подтвержденіе* какой либо мысли есть, по своему процессу, только синтетическій выводъ частнаго положенія изъ его началъ, или основоположеній, но съ тою высшею цѣлію,

чтобы частное положеніе не только объяснить изъ нихъ, какъ ихъ слѣдствіе, но и оправдать его выводомъ изъ нихъ. Всеобщія истины въ этомъ случаѣ называются основаніями, потому что онѣ служатъ не для вывода только и объясненія, а для оправданія частностей И ходъ умозаключенія бываетъ здѣсь обратный въ сравненіи съ чисто-синтетическимъ выводомъ: отъ частныхъ положеній и увѣреній здѣсь восходятъ къ ихъ основаніямъ, причемъ первыя выводятъ изъ послѣднихъ, или, когда этотъ выводъ легокъ и открывается самъ собою, то предоставляютъ его догадкѣ другихъ.

Приведеніемъ оснований на какое либо положеніе и увѣреніе во всякомъ случаѣ сообщаютъ ему высшее достоинство, хотя бы эти основанія имѣли только идеальное и субъективное значеніе. Въ такомъ случаѣ положеніе получаетъ по крайней мѣрѣ логическую и подлежательную необходимость. Не смотря на то, что она и сама въ себѣ не есть истина и нимало не служитъ доказательствомъ истины подтверждаемаго положенія,—не рѣдко она имѣетъ столько силы, что ею и сами обольщаются и обольщаютъ другихъ. Отсюда то завидное спокойствіе, съ какимъ послѣдователи какой либо школы, системы, или приверженцы наслѣдственныхъ общихъ истинъ, выводятъ слѣдствія и подтверждаютъ ихъ, не заботясь объ аналитическомъ изслѣдованіи этихъ школьныхъ основоположеній или преданій.

§ 192. Но всякое подтвержденіе безполезно, пока мы не увѣрены въ предлежательной и ре-

альной истинѣ основаній, потому что только изъ нея вытекаетъ реальная и предметная необходимость, требуемая настоящимъ *синтетическимъ доказательствомъ*. А нѣтъ инаго средства увѣриться въ этой предметной и реальной истинѣ основаній, какъ произведши ихъ аналитически и показавши въ нихъ совокупность тѣхъ дѣйствительностей, о которыхъ идетъ рѣчь. Поэтому, если мы не увѣрены въ реальной и предметной истинѣ основаній, должны довершать синтетическое доказательство аналитическимъ ихъ изслѣдываніемъ.

Такъ какъ синтетическое доказательство утверждаетъ необходимость выводовъ на предметной и реальной истинѣ ихъ основаній, то и самыя эти основанія оно признаетъ предметными и реальными. Оно ссылается не на основоположенія и начала, какъ это бываетъ въ подтвержденіи, а на всеобщія дѣйствительности: оно полагаетъ въ основаніе сущность вещи, чтобы показать необходимость какого либо частнаго проявленія ея; оно восходитъ къ характеру рода, чтобы представить необходимыми качества видовъ; оно ссылается на всеобщія правила, чтобы показать необходимость какого либо частнаго предписанія; оно выводитъ частные случаи и факты, какъ необходимыя слѣдствія всеобщихъ законовъ.

§ 193. *Необходимость,* получаемая чрезъ синтетическое доказательство, заключаетъ въ себѣ нѣчто особенное, возвышающее человѣческій духъ. Говоря: *такъ должно быть,* мы чувствуемъ себя какъ бы властелинами дѣйстви-

тельности. Мы покорили ее себѣ понятіемъ и мыслію. Это самочувствіе разумѣнія, возвышающагося надъ дѣйствительностію, есть прямая противоположность тому тягостному чувству удивленія и изумленія, которое подавляетъ нашъ духъ, когда дѣйствительность превышаетъ нашъ умъ. Но чтобы это чувство необходимости было истиннымъ владычествомъ надъ дѣйствительностію, а не мнимымъ, школьнымъ возвышеніемъ надъ нею, для того дѣйствительность должна быть покорена сама собою, т. е. частная дѣйствительность всеобщею, а не одними только взглядами и мнѣніями.

4. Силлогизмы сподчиненія.

§ 194. И отношеніе сподчиненія сужденій даетъ основаніе для логическаго перехода отъ одного сужденія къ другому: потому что сужденія сподчиненныя, или видовыя, содержащіяся подъ однимъ и тѣмъ же родовымъ, составляютъ между собою противоположности, которыя, какъ противоположности вообще, по сродству своему ведутъ одно къ другому, по своему видовому различію другъ друга точнѣе опредѣляютъ, наконецъ, какъ члены объема въ общемъ родовомъ сужденіи, существенно принадлежатъ одно другому и другъ друга восполняютъ.

Примѣч. Переходъ отъ одного сужденія къ другому *посредствомъ противоположности* составляетъ сущность Гегелева метода. Въ этомъ Гегель воспользовался величественнымъ взглядомъ Шеллинга, что все въ мірѣ есть противоположность и имѣетъ себѣ противоположность частію въ видѣ одного и того же рода, частію въ видоизмѣненіи одного и того же существа. Именно, мі-

ровыя вещи какъ раздѣляются на виды по противоположностямъ, такъ и измѣняются по противоположностямъ же, потому что измѣненія, подобно видамъ, суть разности въ одной и той же основѣ, только они раскрываются послѣдовательно, тогда какъ виды существуютъ современно.

Между тѣмъ Гегель предпринялъ себѣ—міръ, *реально* развивающійся въ противоположностяхъ, *идеально* перестроить посредствомъ одного противоположенія, или посредствомъ *отрицательной противоположности*: предпріятіе несбыточное.

§ 195. Хотя всеобщее предубѣжденіе даетъ намъ право во всякомъ познаніи предполагать и изыскивать противоположности какъ для каждаго его члена порознь, такъ и для всей ихъ совокупности: однако оно не даетъ намъ еще положительнаго понятія объ искомыхъ противоположностяхъ, а указываетъ только пустое мѣсто въ родѣ, которое должно быть наполнено посредствомъ опыта. Конечно, предполагая искомое сподчиненное познаніе, какъ противоположность другаго, (намъ уже извѣстнаго,) мы уже знаемъ одинъ его элементъ,—его родовое тождество, т. е. мы имѣемъ родовое сужденіе, къ которому сознательно или безсознательно мы обращаемся и при опытномъ изслѣдованіи сподчиненныхъ частей, употребляя его вмѣсто руководительнаго начала; но въ такомъ случаѣ не достаетъ еще главнаго, именно видовой разности, которую можно найти только путемъ опыта. Все что объ этой разности мы знаемъ изъ общаго понятія о противоположности, состоитъ въ томъ, что искомый видъ не есть намъ извѣстный, что онъ есть отрицаніе, отрицательная противоположность извѣстнаго. Но

отрицательная противоположность есть просто логическій замѣнъ, который означаетъ только пустое мѣсто положительной, а познанія объ ней не даетъ и самъ собою не ведетъ къ ней. Положительная или противная противоположность, именно видовая разность рода, познается и прилагается только опытно.

§ 196. Какъ скоро видовыя сужденія изъ опыта даны и одно къ другому приложены, то ихъ можно, какъ виды, *вновь построевать* одно изъ другаго, подобно тому, какъ виды построеваются изъ своего рода. Это дѣлаемъ мы, представляя и понимая ихъ именно какъ противоположности, т. е. какъ разности въ одной основѣ. Чрезъ это они сколько объясняютъ другъ друга, столько служатъ къ точнѣйшему взаимному опредѣленію и ограниченію. Отсюда давно извѣстное положеніе: opposita juxta se posita, se invicem illustrant. Тогда какъ видовыя сужденія противопоставляются одно другому, какъ противоположности,—ихъ родовое тождество, отражаясь во всѣхъ ихъ общею основою, и съ одного открывая прозрѣніе въ другой, служитъ ко взаимному ихъ объясненію, а ихъ видовая разность служитъ къ точнѣйшему разграниченію и вѣрнѣйшему опредѣленію понятій,—такъ какъ въ этомъ случаѣ, къ положительному познанію о томъ, что̀ есть разсматриваемый предметъ самъ въ себѣ, привходитъ еще и отрицательное познаніе о томъ, что̀ онъ не есть въ сравненіи съ тѣми предметами и качествами, съ которыми, по причинѣ ихъ сродства, весьма легко было бы смѣшать его.

Сподчиненныя сужденія дополняются одно другимъ, какъ существенно связанные между собою члены объема въ родовомъ сужденіи, которое сознательно или безсознательно находится въ умѣ, и само собою движетъ мысль отъ представленія одного вида къ представленію прочихъ, а въ противномъ случаѣ представленіе предмета показываетъ недостаточнымъ.

§ 197. Сподчиненность простирается на всѣ противоположности сужденій, и потому раздѣляется на сподчиненіе сужденій какъ всецѣло противоположныхъ себѣ предъидущими и послѣдующими членами, такъ и противоположныхъ себѣ только отчасти, т. е. одними предъидущими или одними послѣдующими членами.

Чтобы составить *умозаключеніе сподчиненія со стороны предъидущаго члена,* нужно только исчислить и противопоставить различные виды, содержащіеся подъ родовымъ понятіемъ предъидущаго члена. Положимъ, что мы хочемъ образовать такого рода умозаключенія изъ темы: «всякій человѣкъ тщеславенъ;» въ такомъ случаѣ намъ сами собою представляются въ ней слѣдующія измѣненія: «тщеславны столько же мущины, какъ и женщины, юноши, какъ и дѣвицы (руководительное родовое понятіе есть здѣсь: полъ). И старики имѣютъ своего рода суетность, какъ дѣти и юноши, пожилыя женщины, какъ и молодыя дѣвицы (возрасты). И нищій имѣетъ нѣкоторое тщеславіе, какъ и богатый, крестьянинъ, какъ и гражданинъ, мѣщанинъ и благородный, ученый и солдатъ (различныя состоянія).»

§ 198. Если на туже тему захочемъ составить *всецѣло сподчиненныя сужденія*, то мы должны исчислить различные образы или предметы человѣческаго тщеславія и каждому виду субъектовъ приписать свойственный ему видъ тщеславія.—Всецѣлое сподчиненіе, по этому, есть изложеніе различныхъ видовъ одного рода по ихъ противоположному между собою отношенію. Причемъ должно брать во вниманіе, съ одной стороны, различныя начала для раздѣленія рода на виды, съ другой—различныя точки зрѣнія, съ которыхъ виды противополагаются одинъ другому. Понятно, какое богатство мыслей должно образоваться, когда общій характеръ рода будемъ преслѣдовать и разлагать по различному между собою отношенію его видовъ, особенно если мы умѣемъ уловить различныя возможныя начала дѣленія и точки зрѣнія и раскрыть безконечное множество указываемыхъ ими разностей.

Но кромѣ того, противоположности допускаютъ еще множество среднихъ членовъ и переходовъ, которыми они въ разнообразнѣйшихъ отношеніяхъ сочетаваются между собою. Кто и эти переходы и средніе члены умѣетъ замѣтить и расположить, тотъ свои богатыя познанія видовъ пріумножитъ еще новыми посредствующими понятіями.

Послѣ этого обзора всѣхъ формъ, въ какихъ является всецѣлое сподчиненіе сужденій, никто не станетъ отрицать, что умозаключеніе по всецѣлому сподчиненію есть самое плодовитое и поучительное изъ всѣхъ дѣйствій мышленія.

§ 199. Наконецъ, чтобы *образовать сужденія сподчиненныя по противоположности послѣдующихъ членовъ*, для этого, естественно, надобно уничтожить то противорѣчіе, какое эти противоположности образовали бы, соединяясь въ одномъ предъидущемъ членѣ, уничтожить—отрицаніемъ одной изъ нихъ, и слѣд. надобно одинъ членъ противоположности положить, а другой отвергнуть. Эти умозаключенія употребляются для того, чтобы сказавши, что̀ предметъ есть, или что̀ причина производитъ, итти далѣе и сказать еще, что̀ предметъ не есть, т. е. что онъ не есть противоположность его сказуемаго, и чего причина не производитъ, именно противоположнаго своему дѣйствію. Они отличаются отъ сродныхъ съ ними умозаключеній противорѣчія *modo ponendo tollente*, уже по самому обороту мыслей, потому что противоположность не просто отрицается, какъ тамъ, а полагается отрицаніе противоположности. Притомъ и цѣль ихъ совершенно другая, именно пріобрѣсть новое, хотя только отрицательное познаніе, тогда какъ умозаключеніе противорѣчія имѣетъ въ виду только устранить противоположность. Наконецъ, эта противоположность въ умозаключеніи противорѣчія можетъ быть отрицательною или положительною, тогда какъ въ умозаключеніи сподчиненія, потому самому что оно ищетъ новаго познанія, противоположность, которой надобно поставить отрицаніе, должна быть противная или положительная; потому что отрицаніе отрицательной противоположности не привело бы ни къ чему новому, а возвратило бы къ первоначальному положенію.

§ 200. Тогда какъ умозаключенія по всецѣлому сподчиненію сужденій и частному подчиненію предъидущихъ членовъ бываютъ особенно плодовиты и поучительны потому, что умножаютъ и озаряютъ данное познаніе извѣстнаго вида сравнительнымъ познаніемъ прочихъ видовъ и ихъ противоположныхъ отношеній: умозаключеніе по сподчиненію послѣдующихъ членовъ служитъ къ точнѣйшему опредѣленію и вѣрнѣйшему разграниченію данныхъ познаній, такъ какъ оно, сказывая, что́ вещи не суть и чего не производятъ, тѣмъ точнѣе опредѣляетъ, что́ онѣ суть и что производятъ. Эти сподчиненныя раскрытія мыслей чрезъ отрицаніе противоположностей весьма часто встрѣчаются въ рѣчи: мы столь же часто говоримъ, что́ вещь не есть, какъ и то, что́ она есть.

Умозаключенія сподчиненія довершаютъ синтетическій выводъ видовыхъ сужденій, такъ какъ они восполняютъ ихъ исчисленіе и приводятъ ихъ въ систематическое подчиненіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ проливаютъ новый свѣтъ на построеніе частнаго изъ общаго, потому что они въ разныхъ видовыхъ сужденіяхъ, съ разныхъ сторонъ, представляютъ познаніе общаго въ частномъ и выводъ послѣдняго изъ перваго.

ЛОГИКА ПРИКЛАДНАЯ

ИЛИ

МЕТОДОЛОГІЯ.

§ 201. Методологія (какъ замѣчено уже во введеніи § 7.) весьма много отличается отъ Логики въ собственномъ смыслѣ, какъ по своему содержанію и образу изложенія, такъ и по своей важности и своему отношенію къ прочимъ наукамъ.

Что касается до *содержанія*, то Методологія, конечно, въ сущности занимается тѣмъ же самимъ предметомъ, какимъ и чистая Логика, именно мышленіемъ, потому что ученая работа, въ которой Методологія должна руководствовать, большею частію состоитъ въ мысленной разработкѣ даннаго матеріала и въ приложеніи пріобрѣтенныхъ чрезъ то понятій и началъ къ предметамъ. Однакожъ, во первыхъ, ученая работа не ограничивается однимъ только мышленіемъ, а имѣетъ въ виду и познаніе, потому что не менѣе важною для себя задачею она поставляетъ также собираніе матеріала, наблюденіе и употребленіе въ дѣло чужихъ свѣдѣній,—въ чемъ чистая Логика ни мало насъ не руководствуетъ. Во вторыхъ, ученое мышленіе, которымъ собственно занимается Методологія, есть произвольная

и искуственная дѣятельность, которой, поэтому, посвящаютъ себя только немногіе; между тѣмъ какъ естественное мышленіе, излагаемое въ чистой Логикѣ, развивается у всѣхъ людей, хотя и въ различныхъ степеняхъ совершенства. Естественное мышленіе слѣдуетъ необходимымъ, и потому всеобщимъ и одинаковымъ законамъ, тогда какъ методъ искуственнаго мышленія болѣе или менѣе подчиненъ модѣ, и отъ времени до времени перемѣняется смотря потому, какой образецъ оставляютъ самостоятельные мыслители своимъ послѣдователямъ. Извѣстно, что отличительный характеръ ученыхъ школъ выражается сколько въ догмахъ, или положеніяхъ, столько же въ методѣ, или пріемахъ изложенія. Въ третьихъ, наконецъ, методъ весьма много зависитъ отъ обработываемаго предмета и потому бываетъ не одинаковъ для всѣхъ наукъ, такъ что напр. Исторію должно излагать совсѣмъ иначе, нежели Математику и Метафизику. Покушеніе — найти независимо отъ опыта (a priori) одинъ необходимый методъ и всѣ науки отливать по его формѣ, есть одно изъ заблужденій новѣйшаго умозрѣнія.

По такому различію ученой работы и ея метода отъ естественнаго мышленія и его законовъ, и *ученое изложеніе* собственно такъ называемой Логики отлично отъ изложенія Методологіи. Логика наблюдаетъ и развиваетъ естественные законы мышленія, которые она не даетъ сама, а только открываетъ, наблюдаетъ и развиваетъ; Методологія же предлагаетъ правила, техническія предписанія, совѣты. Первая есть теоретическая наука; разсматриваетъ и объ-

ясняетъ дѣйствительность и имѣетъ такое же отношеніе къ своему предмету, какъ естествоиспытаніе—къ природѣ; а послѣдняя—есть практическая наука, есть руководство въ извѣстномъ занятіи, технологія искуства. Словомъ,—чистая Логика есть наука естественная, а Методологія—искуственное руководство.

Отъ различныхъ задачъ и различнаго изложенія обѣихъ наукъ происходитъ и различная ихъ *важность*. Методологія,—если искуство можно не только усвоять себѣ навыкомъ, но изучать и теоретически,—имѣетъ болѣе практическую важность, обѣщаетъ своими правилами дать ученому мышленію оборотливость; напротивъ чистая Логика имѣетъ чисто теоретическую цѣну знанія. Но каково бы ни было достоинство Методологіи, желательно, чтобы вступающіе въ область искуственнаго мышленія не столько рабски слѣдовали ея предписаніямъ, сколько, пользуясь ея наставленіями, самодѣятельно раскрывали бы въ себѣ оборотливость мышленія, которая пріобрѣтается обыкновенно практически.

Наконецъ, отличіе Методологіи отъ чистой Логики рѣшительно выражается въ ихъ *различномъ отношеніи къ прочимъ наукамъ*. Логика есть часть Психологіи, но по своей важности сдѣлана особенною наукою, и вмѣстѣ съ Психологіею принадлежитъ къ теоретическимъ наукамъ Философіи. А Методологія, какъ предуготовительная наука ко всѣмъ наукамъ, не принадлежитъ къ какой либо особенной ихъ области, а находится въ одинаковомъ отношеніи ко всѣмъ имъ,—въ отношеніи руководительницы

и наставницы. Такъ какъ она предполагаетъ глубокое прозрѣніе въ природу познанія и познавательныхъ способностей, то скорѣе всего надлежало бы предоставить ее философу, именно психологу; но какъ для удовлетворительнаго рѣшенія ея задачи не менѣе потребно практическое знаніе различныхъ методовъ науки, то и каждый занимавшійся какою либо наукою имѣетъ право подавать въ этомъ дѣлѣ свой голосъ.

§ 202. Обработанная въ видѣ *руководства* къ мышленію, Методологія, по видимому, слишкомъ рѣзко должна отдѣляться отъ строго-теоретическаго, естествознательнаго содержанія Логики. Поэтому, кажется, было бы гораздо приличнѣе освободить Логику отъ Методологіи, какъ предмета инороднаго; и это тѣмъ болѣе, что включивши въ чистую Логику силлогизмы соотношенія, мы отняли у Методологіи истинно логическое содержаніе, по которому она главнымъ образомъ и относима была къ Логикѣ и изложеніемъ котораго почти исключительно ограничивалась

Однакожъ ученые методы имѣютъ въ себѣ и такую сторону, по которой они могутъ быть внесены въ область Логики. Естественная законность мышленія входитъ и въ научное мышленіе, только въ свободнѣйшихъ и обширнѣйшихъ формахъ; основные законы и отправленія естественнаго мышленія проходятъ по всѣмъ дѣйствіямъ мышленія ученаго, какъ существенныя ихъ опоры, и въ нихъ отражаются. Ученые методы суть только свободнѣйшія и дальнѣйшія приложенія начальныхъ формъ мышленія. Но

для Логики, и въ строгомъ смыслѣ понимаемой, интересно свои первоначальныя формы мышленія преслѣдовать и въ этихъ дальнѣйшихъ и обширнѣйшихъ сферахъ дѣйствованія и простые законы мысли угадывать въ произвольномъ и искуственномъ приложеніи. Съ этой точки зрѣнія ученые методы можно почитать приложеніями естественнаго мышленія и Методологію должно присоединить къ Логикѣ, но только какъ *прибавленіе,* подъ знаменательнымъ наименованіемъ *прикладной Логики.*

§ 203. Что касается до того, сколько главныхъ методовъ науки мы должны признать, то судя по логическому ихъ достоинству, мы принимаетъ ихъ только три, которые уже не могутъ быть сведены одинъ къ другому: *математическій, систематическій* и *историческій.* Чистая Математика, по свойству своего содержанія, имѣетъ свой особенный методъ, которому тщетно стараются подражать другія, и именно философскія науки. Прочія науки принимаютъ систематическую, либо историческую форму, смотря потому, какимъ занимаются онѣ предметомъ: разнообразіемъ ли постояннаго бытія, или послѣдовательныхъ явленій. Большая часть наукъ слѣдуетъ систематическому методу, отчего система и научная форма обыкновенно, хотя и несправедливо, употребляются одна вмѣсто другой.

I. МАТЕМАТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ.

§ 204. Мы начинаемъ съ метода математическаго потому, что онъ имѣетъ на своей сто-

ронѣ самыя рѣшительныя преимущества предъ прочими; таковы суть: твердый и непремѣнный ходъ мышленія, непрерѣкаемая очевидность выводовъ и доказательствъ, и неопровержимая истина всѣхъ положеній. По такому методу Математика есть единственная наука, которая не подлежитъ разнообразію взглядовъ, а напротивъ, во всѣхъ умахъ, ее понимающихъ, представляется совершенно одинаково; единственная наука, которая въ своемъ движеніи не идетъ назадъ, но вѣчно поступаетъ впередъ; единственная наука, которая въ непрерывномъ ходѣ развитія образовалась въ непоколебимую систему истинъ, уже неподвергаемыхъ сомнѣнію.

По этимъ преимуществамъ математическій методъ заслуживаетъ первое мѣсто между прочими, тѣмъ болѣе, что другія науки, особенно Философія, давно уже завидуютъ Математикѣ въ исчисленныхъ достоинствахъ. Въ сравненіи съ непрерывнымъ и вѣрнымъ развитіемъ этой послѣдней науки, Философія представляется безплоднымъ занятіемъ, потому что она безпрестанно возвращается къ своимъ прежнимъ вопросамъ и началамъ; одинъ философъ опровергаетъ другаго; каждый по своему строитъ зданіе науки, и не рѣдко еще при жизни видитъ, какъ оно разрушается его преемникомъ. Правда, эта движимость Философіи, съ одной стороны, больше кажется безплодною, нежели какъ она есть на самомъ дѣлѣ, потому что лучшія и истиннѣйшія произведенія Философіи тотчасъ переходятъ въ общее достояніе; и съ другой стороны, она имѣетъ свое основаніе отчасти въ природѣ духовной жизни, открывающейся

въ Философіи: во всякомъ случаѣ, однакожъ, твердые и очевидные результаты Математики всегда были предметомъ зависти для философовъ. Оттого уже *Картезій* пришелъ къ мысли—приложить математическій методъ къ Философіи; эту мысль дѣйствительно осуществилъ потомъ *Спиноза* въ своемъ главномъ сочиненіи, Этикѣ, хотя его философскія мысли не получили чрезъ то особенной очевидности и основательности, потому что онѣ величіемъ своимъ далеко превышали педантическія формы его изложенія, и по сознанію самаго Спинозы имѣли свой корень не въ математическихъ его доказательствахъ, а въ другомъ мѣстѣ. *Лейбницъ* также, хотя безуспѣшно, замышлялъ изобрѣсти математическую символику и письмо для философскихъ понятій, чтобы сдѣлать ихъ удобосообщимѣе для всѣхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ извлечь новыя истины. *Вольфъ* излагалъ всѣ философскія науки въ строго-математической формѣ. И новѣйшія покушенія построевать Философію независимо отъ опыта (a priori), выводить и діалектически развивать ея положенія, все еще обязаны своимъ происхожденіемъ соревнованію, пробужденному Математикою.

§ 205. Математическій методъ существенно состоитъ въ томъ, что онъ исходитъ отъ всеобщаго и *изъ него развиваетъ частное,* построевая все богатство своего содержанія изъ немногихъ очевидныхъ предположеній.

Правда, нѣкоторые (какъ напр. Шульцъ въ Энезидемѣ) покушались опровергнуть это преимущество математическаго метода,—утвержда-

ли, что Математика, подобно эмпирическимъ наукамъ, почерпаетъ свое познаніе изъ опыта, что она отвлекаетъ свои понятія о величинѣ изъ предлежащей дѣйствительности, сводитъ ихъ къ простымъ понятіямъ и воззрѣніямъ, лежащимъ въ ихъ основаніи, и пріобрѣтенныя такимъ образомъ общія понятія и истины только прилагаетъ обратно къ частнѣйшимъ понятіямъ и воззрѣніямъ, представляющимся въ опытѣ.

Но такое эмпирическое образованіе Математики едва ли возможно. Математическія понятія таковы, что едва ли могутъ быть даны въ опытѣ; стоитъ только вспомнить о математической точкѣ, которая не имѣетъ никакого измѣренія, о математической линіи, которая имѣетъ только одно, о математической поверхности, которая имѣетъ только два измѣренія; эти предметы, въ строго-математическомъ смыслѣ, и не встрѣчаются въ опытѣ и не могутъ быть изображены съ точностію, такъ что, по справедливому замѣчанію Лихтемберга, наприм. черта, проведенная на бумагѣ, почти столько же есть математическая линія, сколько и городской окопъ. Конечно, эту невозможность — видѣть и изображать математическіе предметы, иной станетъ изъяснять также ихъ отвлеченностію отъ данныхъ величинъ: но напр. безконечная дѣлимость математическихъ величинъ и т. п., безъ сомнѣнія, заимствована не изъ опыта.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, математическое построеніе есть фактъ, потому что поступаніе Математики отъ всеобщаго къ част-

ному состоитъ не въ приложеніи всеобщаго къ частному, только изъ опыта взятому, а въ дѣйствительномъ построеніи частнаго изъ всеобщаго. Притомъ, понятіе о величинѣ не построенное, а только взятое изъ опыта, нельзя было бы опредѣлить и анализировать съ математическою точностію и строгостію; едвали напр. удастся геометру по эмпирическому треугольнику составить математически строгое и необходимое доказательство, что его углы вмѣстѣ взятые равны двумъ прямымъ. Конечно, и анализъ величинъ играетъ въ математикѣ важную роль, но онъ всегда предполагаетъ уже предшествовавшее построеніе.

§ 206. Математика раздѣляется на *Геометрію* и *Ариѳметику*. Первая есть ученіе о пространственныхъ величинахъ и ихъ отношеніяхъ, а послѣдняя—объ отношеніяхъ чиселъ между собою.

§ 207. *Геометрія,* какъ она изложена напр. Эвклидомъ, выходитъ отъ простѣйшихъ воззрѣній и отношеній и поступая къ сложнѣйшему, построеваетъ изъ нихъ систему возможныхъ пространственныхъ основныхъ формъ. Это бываетъ въ такъ называемыхъ *задачахъ* и ихъ *рѣшеніяхъ*. Напротивъ въ *теоремахъ* и *доказательствахъ,* величины, получаемыя чрезъ построеніе, Геометрія разлагаетъ на ихъ признаки и части, развиваетъ взаимныя отношенія ихъ и сравниваетъ между собою различныя величины. Если мы Геометрію возведемъ къ ея основному воззрѣнію,—пространству, то ея *постуляты* можно произвести изъ него чрезъ по-

строеніе, а *аксіомы* и *опредѣленія*, чрезъ анализъ.

Геометрическое построеніе состоитъ въ мысленномъ протяженіи линій, которому начертаніе служитъ весьма неточнымъ изображеніемъ. А мысленное протяженіе линій есть ограниченіе всеобщаго и чистаго пространственнаго воззрѣнія, чрезъ что это послѣднее разлагается на формы. Чистое, пространственное воззрѣніе есть не иное что, какъ общее представленіе протяженія по тремъ измѣреніямъ. Ограниченіе его по одному измѣренію даетъ длину, которая можетъ быть представлена подъ формою прямой линіи; ограниченіе по двумъ измѣреніямъ даетъ плоскость, которая представляется въ видѣ поверхности; наконецъ, ограниченіе по всѣмъ тремъ измѣреніямъ даетъ объемъ, который представляется въ видѣ фигуры.

Чрезъ построеніе пропзводится все содержаніе Геометріи; построеніе тоже для Геометріи, что наблюденіе для эмпирическихъ наукъ,— именно источникъ познаній, изъ котораго она почерпаетъ все свое содержаніе, весь свой матеріалъ. Построеніе, какъ матеріальное познавательное отправленіе, не имѣетъ, по этому, ничего соотвѣтствующаго себѣ въ формальномъ мышленіи. Напротивъ въ геометрическихъ анализахъ, теоремахъ и доказательствахъ повторяются только различные логическіе анализы, непосредственныя и посредственныя сказательныя умозаключенія, умозаключенія тождества, какъ различные извороты и развитія мысли, наконецъ иногда встрѣчаются умозаключенія противорѣчія.

§ 208. *Ариѳметика* основана на *счисленіи;* а счисленіе состоитъ въ многократномъ ограниченіи одного измѣренія, чрезъ что это измѣреніе распадается на отдѣльныя величины. Другими словами: счисленіе есть разложеніе непрерывнаго ряда на дробныя части. Матеріаломъ такого разложенія служитъ въ счисленіи всякое пространственное измѣреніе. Но какъ счисленіе и пространственнаго измѣренія совершается послѣдовательно, то всякое счисленіе происходитъ собственно во времени, которое въ своей непрерывной послѣдовательности составляетъ также первоначальное воззрѣніе духа, равно какъ и пространственное протяженіе по тремъ измѣреніямъ. Итакъ счисленіе есть разложеніе или раздробленіе времени, какъ непрерывной послѣдовательности, находящейся въ основномъ воззрѣніи духа.

Основаніемъ *всякому счисленію* служатъ четыре главныя его дѣйствія, или *четыре его вида.* Въ нихъ совершенно выражается сущность и методъ счисленія. Но эти четыре вида, подобно задачамъ и теоремамъ геометріи, раздѣляются на построительныя и аналитическія, и притомъ такъ, что каждому образу построенія соотвѣтствуетъ анализъ: тогда какъ *сложеніе* составляетъ суммы, *вычитаніе* опять разрѣшаетъ ихъ на части; *умноженіе* составляетъ произведенія, а *дѣленіе* опять разлагаетъ ихъ на ихъ факторы.

§ 209. Основаніе того, почему Математика вообще можетъ *построевать,* т. е. выводить и развивать свое частное содержаніе *изъ* своихъ

общихъ началъ, заключается въ особенномъ характерѣ ея основныхъ понятій или воззрѣній, о которыхъ еще *Кантъ* замѣтилъ въ своей Критикѣ чистаго разума, что они содержатъ свои частности не только, какъ другія понятія, *подъ* собою, но и *въ себѣ*. Основныя воззрѣнія, въ развитіи которыхъ состоитъ вся чистая Математика, суть пространство и время; первое заключаетъ въ себѣ всѣ возможныя геометрическія фигуры, которыя не иначе могутъ составляться, какъ въ пространствѣ, послѣднее — всѣ возможныя числа, которыя также необходимо находятся въ безконечномъ ряду послѣдовательности.

Здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшія изъясненія этого замѣчательнаго различія между основными понятіями Математики и понятіями всѣхъ прочихъ наукъ: довольно для насъ замѣтить, что первыя заключаютъ свои частности и въ себѣ, а послѣднія — только подъ собою; почему тѣ могутъ быть и разложены на свои частности, между тѣмъ какъ изъ всякаго другаго понятія, напр. изъ понятія животнаго млекопитающаго, чрезъ простое разложеніе его никакимъ образомъ не можемъ развить его видовъ и недѣлимыхъ, каковы напр. собаки, кошки, киты. Довольно фактической подлинности этого различія, чтобы у каждой другой науки отнять надежду достигнуть какихъ нибудь опредѣленныхъ понятій посредствомъ построенія, подобнаго математическому.

§ 210. Что Математика построеваетъ съ *необходимостію* и *общеподностію*, — въ чемъ

ей такъ много завидуютъ,— это зависитъ отъ того, что оба основныя ея воззрѣнія *прирождены* намъ. Эта прирожденность частію обнаруживается въ той необходимости и общегодности, съ какими основныя математическія воззрѣнія въ каждой головѣ развиваются въ одинаковую систему мысленныхъ величинъ и отношеній, а частію она является намъ въ томъ психологическомъ фактѣ, что воззрѣнія пространства и времени составляютъ общую мѣру для всѣхъ. Прирожденная мѣра пространства, развиваясь въ естественную и безсознательную геометрію, открывается частію въ измѣреніи по осязанію, а частію въ глазомѣрѣ и чувствѣ симметріи. Напротивъ того, прирожденная мѣра времени, развиваясь въ форму естественной и безсознательной ариѳметики, обнаруживается особенно въ ухѣ—чувствомъ такта, чувствомъ высоты и низости тона.

2. Систематическій методъ.

§ 211. Систематическій методъ состоитъ въ томъ, что частное содержаніе науки, со всѣми его видами и подвидами, подчиняется всеобщему родовому понятію, и около него, какъ средоточія, распредѣляется, подобно радіусамъ круга.

Этотъ методъ можетъ имѣть приложеніе ко всѣмъ тѣмъ наукамъ, которыя занимаются *эмпирическимъ разнообразіемъ бытія,* а не событій, будутъ ли онѣ изслѣдывать его со стороны истины, или оцѣнивать его со стороны достоинства. Онъ простирается, по этому, какъ на

практическія, такъ и на теоретическія науки, потому что тѣ и другія подчиняютъ свое разнообразное содержаніе высшему понятію, съ тѣмъ только различіемъ, что въ первыхъ это понятіе служитъ высшимъ образцемъ для обсуживанія, а въ послѣднихъ—наивысшимъ родомъ для расположенія и вывода частностей. Онъ обнимаетъ науки философскія. естественныя, равно какъ техническія и положительныя, и исключаетъ только съ одной стороны Исторію, а съ другой—Математику.

§ 212. Математическій и систематическій методы слѣдуютъ въ расположеніи и выводѣ своихъ положеній *отношеніямъ тождества,* съ тѣмъ только различіемъ, что первый слѣдитъ тождественныя отношенія *содержанія,* послѣдній—тождественныя отношенія *объема.* Историческій методъ изыскиваетъ *причинныя связи.*

Систематическія науки, подобно *положеніямъ* и *сужденіямъ,* изъ которыхъ онѣ состоятъ, основываются частію на низшей дѣятельности духа, на простой *переработкѣ* эмпирическихъ познаній, а частію на высшей дѣятельности,—на *приложеніи* понятій и началъ, получаемыхъ чрезъ мысленную переработку. Онѣ раздѣляются, по этому, на науки *описательныя,* соотвѣтствующія простой переработкѣ, и *теоретическія,* соотвѣтствующія мыслительному приложенію понятій: тѣ состоятъ большею частію только изъ положеній, а эти изъ сужденій.

§ 213. *Описаніе* есть простой *анализъ* эмпи-

рическаго матеріала, причемъ онъ разлагается по своему содержанію, и слѣд. на свои различныя стороны и части, отношенія и связи.— Правда, описаніе не можетъ обойтись безъ систематическаго расположенія, если оно хочетъ имѣть притязаніе на достоинство науки. Но всеобщее, которому въ описаніи подчиняется частное, служитъ только рамою для размѣщенія, а не основаніемъ изъясненія. Описаніе обращаетъ преимущественное вниманіе на исчисленіе, разложеніе и разъясненіе частнаго, именно *вида, видоваго характера,* что составляетъ главный предметъ описательныхъ наукъ: такъ бываетъ въ Минералогіи, Ботаникѣ и Зоологіи. Въ значеніи изъяснительнаго основанія всеобщее встрѣчается въ описательныхъ наукахъ развѣ какъ *результатъ,* когда изъ наблюдаемыхъ подробностей отвлекаются всеобщія формулы, законы, правила, основоположенія. Впрочемъэти теоретическіе *результаты* составляютъ уже переходъ описанія въ теорію; отчего они въ изложеніи обыкновенно и предшествуютъ собственно такъ называемому описанію, какъ общая часть—особенной.

§ 214. *Теорія* есть *выводъ* частнаго изъ общаго, причемъ всеобщее разсматривается не какъ простая рама, а какъ *основаніе* къ *изъясненію* частнаго. Это изъясненіе частнаго изъ всеобщаго есть не простое подчиненіе, но въ извѣстномъ смыслѣ выводъ и построеніе частнаго изъ общаго, и потому весьма походитъ на математическое построеніе. Впрочемъ оно различается отъ послѣдняго уже тѣмъ, что теорія почерпаетъ и отвлекаетъ свое общее изъ част-

наго; между тѣмъ какъ Математика имѣетъ свое всеобщее въ предопытномъ воззрѣніи Но главное отличіе состоитъ въ томъ, что математика и теорія совершенно разными способами развиваютъ свое частное изъ всеобщаго. Въ Математикѣ частное пріобрѣтается чрезъ разложеніе всеобщаго, а въ теоріи—чрезъ соединеніе его съ частнымъ, взятымъ изъ опыта. Математикъ, не обращая вниманія на дѣйствительность и не выходя за предѣлы своихъ чистыхъ воззрѣній, можетъ разлагать ихъ на фигуры и числа чрезъ дѣленіе и ограниченіе. Теоретикъ, напротивъ, не можетъ и не долженъ независимо отъ опыта выдумывать, или производить видовъ изъ рода, частныхъ случаевъ изъ правила. Его выводъ частнаго изъ всеобщаго состоитъ только въ томъ, что онъ показываетъ, какъ всеобщій характеръ обособляется привходящими опытными условіями, какъ родовой и видовой характеръ въ совокупности составляютъ видъ. Слѣд. теоретическій выводъ есть, если угодно, построеніе частнаго изъ всеобщаго, но только съ помощію частностей, привходящихъ къ общему изъ опыта; слѣд., правильнѣе, *перестройка* частнаго изъ двухъ факторовъ,—общаго и частнаго, найденныхъ опытно.

Примѣч. Систематическія науки, которыя могутъ имѣть притязаніе на достоинство теоріи, исключительно должны бы называться: *логіями* (напр. Психо*логія*), а простыя описанія: *гносіями* напр. Орикто-*гносія*). Но эта разность удерживается только въ наименованіяхъ двухъ наукъ: *Геогносіи* и *Геологіи*.

а) Методъ описательныхъ наукъ.

§ 215. Главныя средства, помощію кото-

рыхъ описаніе получаетъ свое содержаніе и свою форму, суть: а) *наблюденіе*, доставляющее матеріалъ, б) *развитіе* и в) *раздѣленіе*. Вспомогательныя средства суть: г) *сравненіе*, д) *генетическое изложеніе* и наконецъ е) *практическая оцѣнка*. Наблюденіе есть матеріальное отправленіе познанія, соотвѣтствующее замѣчанію силы воспріятія; а прочія дѣйствія состоятъ въ мыслительной переработкѣ наблюдаемаго, и сходятся къ двойственному отправленію остроумія,—сличенію и различенію.

Но эти матеріальныя и формальныя дѣйствія познаванія на самомъ дѣлѣ встрѣчаются не раздѣльно и преемственно, а входятъ другъ въ друга,—взаимно поддерживаютъ себя и пополняютъ: наблюдать можно только мысля, т. е. постоянно употребляя сличеніе и различеніе, и съ другой стороны, мыслительное развитіе и дѣленіе,—чтобы не теряться въ пустыхъ мечтахъ,—постоянно должны обращать наблюдательный взоръ на дѣйствительность.

§ 216. а) *Наблюденіе* есть опытъ, производимый по извѣстному плану. Тогда какъ простой опытъ состоитъ вообще въ усмотрѣніи и замѣчаніи, и поэтому можетъ быть случайнымъ, безъ цѣли и понятія, бѣглымъ и неполнымъ,—наблюденіе обращается къ опредѣленнымъ предметамъ, предпринимается съ намѣреніемъ, руководствуется предварительными понятіями и старается осмотрѣть свои предметы сколько возможно основательнѣе и полнѣе, во всѣхъ частяхъ и со всѣхъ сторонъ, по всѣмъ отношеніямъ и связямъ. Но главное между ними раз-

личіе то, что обыкновенный опытъ ограничивается *индивидуальнымъ*, а наблюденіе имѣетъ въ виду *всеобщее*.

Наблюденіе не возможно безъ предварительныхъ понятій о наблюдаемомъ всеобщемъ; кто приступаетъ къ наблюденію безъ приготовленія, тотъ видитъ или замѣчаетъ только очевиднѣйшія, грубѣйшія и поверхностнѣйшія черты, какъ бы ни очевиденъ былъ предметъ. Руководительными понятіями и представленіями служатъ наблюдателю частію естественныя наши понятія, частію переданныя намъ познанія, а частію, и главнымъ образомъ, предварительныя догадки и предположенія. Естественныя понятія мыслящій наблюдатель долженъ уяснить и обратить въ искуственныя; переданныя намъ познанія перевести въ собственный взглядъ, собственнымъ опытомъ оживить ихъ, изслѣдовать и оправдать; наконецъ, предварительныя догадки и предложенія испытать съ возможнымъ безпристрастіемъ и осмотрительностію.—Предварительное понятіе, руководствующее наблюденіемъ, не должно быть предразсудочнымъ, и потому хотя оно должно давать намъ предварительныя представленія о наблюдаемомъ предметѣ, однако оно опять должно повѣряться и пополняться дѣйствительностію, какъ безусловною цѣлію и образцемъ истины.

§ 217. Собственное наше наблюденіе обыкновенно ограничивается тѣснымъ кругомъ опыта, да и въ этомъ тѣсномъ кругу не можетъ найти нужнаго себѣ безъ предварительнаго познанія; поэтому, какъ недостаточное само въ

себѣ по объему и содержанію, оно должно восполняться чужимъ наблюденіемъ. Достоинство послѣдняго оцѣниваютъ частію по немъ самомъ, соображая, удовлетворяетъ ли оно ученымъ требованіямъ наблюденія, а частію по наблюдателю, принимая во вниманіе,—извѣстенъ ли онъ, какъ человѣкъ прилежный, основательный, свѣдущій и любящій истину. Впрочемъ, чужое наблюденіе становится истинно убѣдительнымъ и настоящимъ знаніемъ тогда, когда оно или повторено будетъ нами самими, или подтверждается по крайней мѣрѣ нашими прежними подобными наблюденіями.

§ 218. Для наблюденія, производимаго съ опытностію и размышленіемъ, самый ограниченный кругъ опыта составляетъ неистощимый рудникъ, потому что богатство дѣйствительности безконечно и непзучимо. Съ каждымъ новымъ шагомъ познанія изощряется глазъ наблюдателя, чтобы видѣть новыя загадки, съ каждымъ удачнымъ отвѣтомъ раскрывается въ немъ искуство и интересъ предлагать природѣ новые вопросы.— Между тѣмъ наблюденіе имѣетъ еще въ своей власти многія средства—естественный кругъ опыта искуственно разширить въ безконечность; таковы: телескопъ, микроскопъ, анатомическій ножъ, кабинеты, опыты. Однакожъ, кто и въ естественномъ кругу опыта не умѣетъ видѣть новаго и интереснаго, тотъ напрасно будетъ искать его внѣ этого круга.

§ 219. б) Богатство наблюденія раскрывается *развитіемъ*, и можно сказать, имъ только и пріобрѣтается, потому что неразвитое какъ бы

и не существуетъ для познанія. Мыслительное развитіе наблюденія есть главное дѣйствіе въ описаніи. Оно основывается на *образованіи положеній* одного за другимъ и сводится къ главному дѣйствію остроумія—*различенію*. Это есть переводъ наблюденія въ положенія, разложеніе предметовъ на ихъ свойства и части, связей — на ихъ составные члены.

Задача развитія состоитъ въ слѣдующемъ: аа) съ одной стороны *отграничить* предметъ, отдѣлить его и какъ бы извлечь его изъ круга прочей дѣйствительности; но и съ другой стороны, и главнымъ образомъ, бб) *разложить* самый предметъ на его части и свойства, и вв) изыскать и изслѣдовать опять его *соотношенія* и *соединенія*, его *средство* и *связи* съ прочею дѣйствительностію.

Для рѣшенія этихъ задачъ, при каждомъ предметѣ видоизмѣняющихся, можно дать только немногія общія правила и руководительныя наставленія.

§ 220. аа) Если предметомъ ученаго описанія служитъ индивидумъ,—которымъ впрочемъ наука занимается только въ рѣдкихъ случаяхъ,—то *отграниченіе* здѣсь уже есть, или по крайней мѣрѣ оно очень легко. Но оно бываетъ не безъ трудностей, когда описывается цѣлый классъ вещей, напр. видъ или родъ. Для отграниченія такихъ общихъ сферъ обыкновенно употребляютъ *естественное* поцятіе, которое дается въ самомъ ихъ названіи, и предоставляютъ только себѣ—это естественное понятіе,

гдѣ нужно, дополнительно исправить и строже опредѣлить *искуственнымъ* понятіемъ, образуемымъ чрезъ описаніе. Если видъ не имѣетъ подъ собою частнѣйшихъ видовъ и обманчивыхъ сходствъ, то по большей части онъ весьма вѣрно и точно опредѣляется уже готовымъ естественнымъ понятіемъ, или по крайней мѣрѣ это понятіе весьма легко составить: потому что видовой характеръ въ каждомъ индивидумѣ одинаково повторяется, и слѣд. наблюденіе ближайшаго лучшаго индивидума можетъ итти за наблюденіе цѣлаго вида. Трудности отграниченія встрѣчаются при такихъ видахъ, которые распадаются на различные подвиды и имѣютъ обманчивыя сходства съ другими, сторонними, и въ такихъ родахъ, которые содержатъ подъ собою различные виды. Въ такомъ случаѣ, естественное понятіе,—которое вполнѣ не находится въ каждомъ индивидумѣ, а только еще должно быть составлено, какъ общій образъ сходнаго,—уже не бываетъ довольно вѣрно и рѣзко; оно можетъ быть столь зыбкимъ и неопредѣленнымъ, что не ластъ твердаго разграниченія, или же столь неполнымъ и одностороннимъ, что не укажетъ правильной границы. Здѣсь-то надобно брать въ пособіе понятіе искуственное, пріобрѣтаемое описаніемъ.

Особенныя трудности при отграниченіи общихъ понятій представляютъ намъ въ себѣ *переходы* однихъ видовъ или родовъ въ другіе. Кто хочетъ избѣжать совершеннаго смѣшенія понятій, тотъ въ отграниченіи, равно какъ въ характеристикѣ описываемаго вида или рода прежде всего долженъ совершенно отвлечь мысль

отъ этихъ переходовъ; но съ другой стороны, чрезвычайно важно для науки внести въ кругъ понятій и эти переходы, чтобы установить связь между сродными видами и родами.

§ 221. бб) *Развитіе самаго предмета, или разложеніе его* на его части и свойства подчиняется слѣдующему всеобщему закону: «отвлекать вниманіе отъ несущественнаго и случайнаго и наблюдать только существенное и необходимое.» Но здѣсь предлежитъ важный и доселѣ впрочемъ спорный вопросъ: что такое существенное и несущественное, что необходимое, или случайное, и какъ узнать то и другое?—Излишне было бы перечислять и обсуживать мнѣнія и взгляды философовъ касательно существеннаго и необходимаго, какъ собственнаго содержанія науки, равно и ихъ совѣты и предписанія, какъ находить это содержаніе. Они расходятся между собою, ничего не рѣшая; между тѣмъ какъ въ частныхъ случаяхъ наука, водясь естественнымъ чувствомъ, весьма легко и вѣрно находитъ истину, такъ, что и здѣсь инстинктъ и естественные законы мышленія, даже въ свободнѣйшемъ и обширнѣйшемъ ученомъ приложеніи, гораздо правильнѣе и вѣрнѣе руководствуютъ, нежели какъ умствованія и правила.

§ 222. Обращая вниманіе на то, какъ существенное понимается въ наукахъ, мы находимъ, что оно въ двоякомъ смыслѣ бываетъ предметомъ ученаго изслѣдованія, судя потому, какимъ при этомъ руководствуются началомъ— субъективнымъ или объективнымъ, практиче-

скимъ или теоретическимъ. Въ субъективномъ, или практическомъ смыслѣ различіе между существеннымъ и несущественнымъ зависитъ отъ *частной цѣли* разсмотрѣнія. Цѣль эта можетъ быть столько частною, что случайное можетъ возвыситься на степень существеннаго, и необходимое можетъ представиться несущественнымъ. Напротивъ, при чисто-объективномъ и теоретическомъ разсматриваніи, когда обращаютъ вниманіе на природу вещей, а не на случайное ихъ употребленіе, существенное и необходимое совпадаютъ между собою. Въ послѣднемъ отношеніи существенное и необходимое есть *всеобщее*, т. е. *видовой или родовой характеръ*, а несущественнымъ и случайнымъ бываетъ индивидуальное. Наука не говоритъ объ индивидуальномъ, и предоставляетъ его общественному разговору. Если она и удостоиваетъ недѣлимое особеннаго разсмотрѣнія и описанія, то разсматриваетъ его только какъ образецъ, или представителя его вида, или рода. Наука имѣетъ дѣло собственно съ видами и родами міра дѣйствительнаго. А здѣсь, въ этой всеобщей области родовъ и видовъ все существенно и необходимо, и ничего нельзя считать маловажнымъ, что составляетъ какой либо членъ въ великой системѣ родовъ и видовъ, во что видоизмѣнилась сила природы и чѣмъ является она въ индивидуальномъ.

§ 223. Родъ и видъ суть существенное, а индивидуальное — несущественно, потому что первымъ принадлежитъ *истинно-дѣйствительное* бытіе; они составляютъ субстанцію и естество индивидума, а послѣднее есть только частное

проявленіе всеобщей дѣйствительности, отъ которой оно заимствуетъ всю свою силу и свои законы. Такъ существо и природу каждаго порознь человѣка составляетъ человѣчность, повторяющаяся въ милліонахъ всѣхъ прочихъ людей. Существенное въ немъ для Антропологіи, Анатоміи, Физіологіи и Психологіи есть только то, что онъ заключаетъ въ себѣ какъ человѣкъ, или и частнѣе, какъ мущина и женщина, дитя или старецъ, житель Кавказа или Германіи. А все прочее, чѣмъ онъ бываетъ по своему политическому, общественному, мѣстному положенію, и т. п., или чѣмъ онъ можетъ сдѣлать себя силою свободы,—все это для науки безразлично и несущественно, если оно не отражаетъ въ себѣ обще—человѣческаго характера.

Такъ какъ недѣлимое есть несущественное, то оно вмѣстѣ есть и случайное, т. е. преходящее; только родъ и видъ вѣчны и повсюду одинаковы, а индивидуальное всегда и вездѣ различно.

§ 224. Если вообще родъ и видъ поставляются исключительнымъ предметомъ ученаго изслѣдованія, то въ частности надобно еще замѣтить, что описательныя науки занимаются собственно *видами*,—общимъ, которое непосредственно проявляется въ недѣлимыхъ, а родъ, или высшее общее опѣ обыкновенно предоставляютъ теоріи. Теорія должна объяснять виды изъ родовъ, а описаніе должно изображать характеръ видовъ и тѣмъ доставлять теоріи матеріалъ для обработки и изъясненія. Родъ входитъ въ описаніе только заглавіемъ, для того,

чтобы разсматриваемые виды соединить въ породы, семейства, порядки и классы. Родовыя понятія въ описательныхъ наукахъ служатъ только къ раздѣленію и классификаціи, а не къ изъясненію; къ этому они обыкновенно и неспособны; оттого теорія, пріобрѣтающая свои собственныя родовыя понятія другимъ путемъ, едва пользуется ими, какъ предуготовительнымъ средствомъ.

§ 225. Для изысканія видовыхъ или родовыхъ понятій описаніе имѣетъ въ своихъ рукахъ только одно средство—*сравненіе*; и ихъ критеріемъ служитъ то, когда мы одни и тѣже признаки вездѣ и всегда находимъ, однимъ словомъ,—ихъ *постоянство*. Этихъ средствъ достаточно къ тому, чтобы отыскать понятіе вида, видовой характеръ, такъ какъ послѣдній является во всякомъ недѣлимомъ, котораго природу и субстанцію онъ составляетъ: но ихъ недостаточно для того, чтобъ изслѣдовать истинный и существенный родовой характеръ. Существенныя черты рода не всегда совпадаютъ съ постоянными чертами видовъ: потому что, хотя и всѣ существенныя черты постоянны, однако, наоборотъ, не всѣ постоянныя черты существенны; весьма несущественныя черты съ случайнымъ постоянствомъ могутъ проходить чрезъ весь классъ видовъ. И часто такія случайно постоянныя черты рода, при простомъ сравненіи, болѣе бросаются въ глаза, чѣмъ существенныя, которыя лежатъ глубже и такъ скрываются въ видовыхъ отмѣнахъ и измѣненіяхъ, что ихъ можно открыть не иначе, какъ съ помощію особенныхъ теоретическихъ средствъ. Такъ мо-

жно согласиться, что характеристика человѣка, представляемая Океномъ въ его естественной исторіи, именно: что «онъ впереди имѣетъ руки, сзади ноги, и говоритъ,» есть родовое понятіе сравнительнаго естествоописанія, такъ какъ она обозначаетъ самые очевидные и постоянные признаки человѣческаго рода: но кто не чувствуетъ, что эта характеристика не обозначаетъ существенныхъ признаковъ человѣческой природы, какіе употребляетъ Антропологія для изъясненія такого явленія, каковъ человѣкъ.

Изъ означенной потребности высшихъ теоретическихъ средствъ для образованія существенныхъ, изъяснительныхъ родовыхъ понятій открывается та разность, о которой мы упомянули выше (§ 224): что хотя видовыя понятія описательныхъ наукъ доставляютъ теоріи годный матеріалъ для дальнѣйшей обработки; однакожъ ихъ высшія понятія родовъ и классовъ только для нихъ самихъ имѣютъ достоинство заглавій, а для теоріи едва могутъ служить и предуготовительными пособіями.

§ 226. вв) Что касается, наконецъ, *до развитія соотношеній* и *соединеній, сродства* и *связей,* то они бываютъ двухъ родовъ: внутреннія и внѣшнія. Послѣднія суть *отношенія пространства и времени,* именно мѣсто и число, которыя замѣчать часто бываетъ немаловажно для науки. Первыя подраздѣляются на *отношенія тождества и причинности.* Причинныя отношенія имѣютъ мѣсто между причинами и дѣйствіями, основаніями и слѣдствіями, средствами и цѣлями и наконецъ между вещами,

взаимно дѣйствующими между собою. Къ этимъ причиннымъ связямъ присоединяются еще, сверхъ того, поводы, препятствія, сторонніе вліянія, второстепенныя и посредственныя и даже случайныя причины и дѣйствія, а гдѣ нужно, тамъ упоминаются даже сопутствующія обстоятельства и явленія. Тождественныя отношенія подраздѣляются опять *на отношенія объема и содержанія*. Отношенія объема состоятъ въ подчиненномъ положеніи описываемаго предмета къ его роду и сподчиненномъ къ прочимъ видамъ, и наконецъ въ различныхъ его пересѣченіяхъ съ другими, когда или самъ этотъ предметъ составляетъ переходъ между различными видами, или подобными переходами соединяется съ видами, къ нему соприкосновенными. Эти отношенія объема сходятся къ соотвѣтствующимъ имъ отношеніямъ содержанія, и отыскиваются также, какъ и послѣднія, т. е. чрезъ сравненіе понятій и ихъ признаковъ. Отношеніе подчиненія мы узнаемъ во включеніи роднаго понятія въ видовомъ; сподчиненіе видовъ—въ противоположности; пересѣченіе переходовъ, наконецъ,—въ относительномъ тождествѣ противоположностей. Посредствомъ такихъ отношеній содержанія вообще сродное отдѣляется отъ различнаго.

§ 227. в) Третіе главное средство описанія и вообще всякаго ученаго метода есть *раздѣленіе*. Собственно оно даетъ наукѣ ученую форму; между тѣмъ оно много обогащаетъ и содержаніе науки, помогая развивать завитое и освѣщая понятія надлежащимъ ихъ размѣщеніемъ.

Во всѣхъ трехъ главныхъ методахъ наукъ раздѣленіе бываетъ различно. Всего болѣе сходства между математическимъ и систематическимъ дѣленіями; а историческое отлично отъ обоихъ первыхъ. Оба первыя выходятъ изъ высшаго понятія, какъ средоточія, и около его располагаютъ частное; напротивъ, историческое раздѣленіе не имѣетъ средоточія и преслѣдуетъ параллельные ряды, останавливаясь только тамъ, гдѣ они сходятся какъ бы въ узлы, въ такъ называемыя эпохи. Математическое же и систематическое раздѣленіе различаются между собою только тѣмъ, что въ системѣ частное, какъ кругъ сподчиненныхъ родовъ съ ихъ видами и подвидами, располагается около своего всеобщаго понятія, какъ средоточія; между тѣмъ въ Математикѣ частное составляетъ рядъ видовъ и подвидовъ, который подобно дереву болѣе и болѣе развѣтвляется и разширяется, въ безконечной постепенности подчиняясь одному верховному понятію. Кратко: систематическое раздѣленіе состоитъ болѣе въ сподчиненномъ, а математическое—болѣе въ подчиненномъ положеніи частнаго подъ однимъ верховнымъ понятіемъ цѣлаго.

§ 228. Систематическое раздѣленіе бываетъ частію *качественное* дѣленіе *содержанія*, а частію *количественное* дѣленіе *объема*. Качественное раздѣленіе разлагаетъ или свойства предмета, когда дѣлимое есть единичный предметъ, или признаки понятія, когда дѣлимое есть цѣлый классъ предметовъ. Соотвѣтственно тому, количественное раздѣленіе единичный предметъ разлагаетъ на составныя его части, а

классъ предметовъ на его виды и подвиды. Количественное раздѣленіе единичнаго предмета называютъ частнѣе *раздробленіемъ* (partitio), а раздѣленіе класса—собственно *дѣленіемъ* (divisio).

Количественное и качественное дѣленіе сочетаваются между собою самымъ многоразличнымъ образомъ:

Если дѣлимый предметъ есть единичный, то дѣленіе бываетъ количественное, но переходитъ въ качественное: потому что этотъ предметъ сначала разсматривается какъ цѣлое, потомъ по частямъ, а за тѣмъ развиваются свойства цѣлаго и свойства частей въ количественномъ порядкѣ, какъ порознь, такъ и въ ихъ связи.

Дѣленіе же класса предметовъ бываетъ сначала качественное, но потомъ переходитъ въ количественное. Прежде всего ищутся начала дѣленія, что происходитъ посредствомъ перваго; къ нему привходитъ потомъ количественное дѣленіе и исчисляетъ главные виды; между тѣмъ въ описаніи этихъ видовъ и въ развитіи ихъ свойствъ оно опять переходитъ въ качественное, съ тѣмъ, чтобы въ различеніи подвидовъ опять обратиться въ количественное и т. д.; почему, при дѣленіи класса предметовъ то и другое дѣленіе постоянно смѣняются одно другимъ.

§ 229. *Качественное раздѣленіе* различаетъ такое различное, которое вмѣстѣ составляетъ *одно*, т. е. не только принадлежитъ одному и

тому же предмету, но и *одно въ другое входитъ;* оно представляетъ одно множественнымъ и множественное однимъ. Напротивъ *раздробленіе* разлагаетъ такое различное, которое только *совокуплено,* т. е. хотя принадлежитъ одному и тому же предмету, но существуетъ *одно подлѣ другаго;* оно представляетъ совокупное множественнымъ и вмѣстѣ однимъ. Наконецъ *дѣленіе* разбираетъ *различное въ одинаковомъ,* т. е. различныя видовыя проявленія рода; оно представляетъ одинакое различнымъ и различное одинакимъ.

Вотъ руководительныя начала трехъ возможныхъ дѣленій. Руководительное начало количественнаго дѣленія, котораго должно держаться въ различеніи и исчисленіи свойствъ, есть *единство предмета;* руководительное начало раздробленія въ расположеніи частей есть *планъ цѣлаго;* наконецъ руководительное начало дѣленія есть *противоположность.*

§ 230. 1) Основный законъ *качественнаго раздѣленія* есть слѣдующій: «при различеніи свойствъ предмета, или признаковъ понятія, должно строго держаться ихъ *единства*; должно различать ихъ, не нарушая ихъ единства.» Этотъ законъ предписываетъ сводить многоразличныя свойства предмета къ *основнымъ свойствамъ,* и такимъ образомъ дѣлить свойства на *коренныя* и *производныя.* А сводится множественность производныхъ свойствъ къ коренному единству основныхъ различнымъ способомъ, потому что и въ дѣйствительности, въ самыхъ предметахъ, она происходитъ отъ различныхъ причинъ.

Главный источникъ, т. е. внутреннее основаніе дѣйствительнаго разнообразія свойствъ, которое въ недѣлимомъ переходитъ даже въ безконечную множественность, есть *самообразованіе* рода въ видахъ, видовъ въ недѣлимыхъ; причемъ всеобщія основныя свойства рода по степенямъ своего ограниченія принимаютъ все частнѣйшія и индивидуальнѣйшія качества, въ которыхъ они хотя постоянно отражаются, однакожъ въ каждомъ изъ нихъ являются съ новыми чертами и различнымъ образомъ. Такого видообразованія и обособленія основныхъ свойствъ нельзя ни произвесть, ни изъяснить чѣмъ либо, но должно принять его просто, какъ данное, какъ неизъяснимое творческое самообразованіе силы природы. Оно служитъ главнымъ началомъ дѣленія коренныхъ и производныхъ свойствъ, причемъ ихъ исходящая постепенность представляется отношеніемъ *всеобщаго и частнаго, включеннаго и включающаго*.

Второй источникъ безконечной множественности и разнообразія сторонъ и свойствъ въ предметахъ, перешедшій изъ внѣшняго во внутренній, есть *сложность* ихъ,—когда дѣятели, ихъ составляющіе, или только *внѣшнимъ образомъ связаны* и производятъ *смѣшанныя* свойства, или *внутренно соединены* между собою и производятъ новыя, *третестепенныя* свойства. Такія *сложныя* свойства должно сводить къ *простымъ* свойствамъ составныхъ началъ и понимать, какъ ихъ произведеніе.

Третій, наконецъ, чисто внѣшній источникъ многосторонности предметовъ заключается во

внѣшнихъ ихъ *отношеніяхъ и приложеніяхъ*, въ ихъ *связяхъ и взаимнодѣйствіяхъ* съ другими. Происшедшія такимъ образомъ свойства и стороны предметовъ отличаются *отъ внутреннихъ свойствъ самихъ предметовъ*, какъ *внѣшнія ихъ видоизмѣненія*.

2) Въ *раздробленіи* единичнаго предмета руководительнымъ началомъ для исчисленія и расположенія частей служитъ *планъ цѣлаго*, по которому части, какъ средства, должны согласоваться съ цѣлію цѣлаго, будутъ ли это члены организма, или составныя части фигуры, или симметрическіе элементы группы и т. п.

3) Начало для *дѣленія* рода на его виды есть *противоположность*. А противоположность есть частію тождество въ различіи, а частію различіе въ тождествѣ; въ первомъ смыслѣ она даетъ *начало дѣленія*, а въ послѣднемъ—*члены дѣленія*.

§ 231. Первое требованіе правильнаго дѣленія есть—установить *начало дѣленія*, т. е. объяснить себѣ и опредѣлить общую основную черту, по которой мы хотимъ различать противоположности: *divisio ne careat fundamento*. Другими словами: правильное логическое дѣленіе должно выходить отъ одной и той же точки зрѣнія, и въ различаемыхъ противоположностяхъ удерживать одну общую основную черту.— Одна изъ самыхъ грубыхъ погрѣшностей противъ правилъ дѣленія есть смѣшеніе различныхъ точекъ зрѣнія, или отступленіе отъ начала дѣленія. И однакожъ эта погрѣшность встрѣчает-

ся весьма часто, особенно въ естественныхъ наукахъ, напр. въ Минералогіи, гдѣ химическія, кристаллографическія, механическія и даже техническія точки зрѣнія не рѣдко смѣшиваются между собою; между тѣмъ какъ одну только изъ нихъ надлежало бы поставлять главнымъ началомъ дѣленія, а прочія вводить, какъ начала подраздѣленій. Въ Ботаникѣ такъ называемая естественная система поставила себѣ даже за правило не принимать никакого начала дѣленія, и уже Линнеева система, вопреки ей, приняла хотя и искуственное, именно одностороннее начало дѣленія, однако провела его чрезъ всю область своихъ предметовъ.

Впрочемъ, когда дѣлится цѣлый классъ предметовъ, тогда по различію сторонъ и взглядовъ, представляющихся вниманію, много можетъ быть началъ дѣленія. Они заимствуются или отъ существенныхъ признаковъ и свойствъ, или отъ причинъ и основаній, или отъ дѣйствій и цѣлей, или отъ какого либо другаго всеобщаго отношенія. Неправильно заимствуютъ такія начала,—какъ это часто бываетъ въ естественныхъ наукахъ, особенно въ Зоологіи,—отъ свойства отдѣльныхъ частей, напр. зубовъ, когтей,—если въ нихъ не выражается характеръ цѣлаго.

Вообще начала дѣленія бываютъ *существенныя* и *несущественныя, первостепенныя* и *второстепенныя*. Существеннымъ, или первостепеннымъ началомъ дѣленія въ теоріи бываетъ всегда *родовой характеръ* класса, а въ практическомъ изслѣдованіи оно зависитъ отъ *частной цѣли* этого изслѣдованія. По первостепен-

нымъ началамъ различаются другъ отъ друга *главные виды*, а по второстепеннымъ — *подвиды*.

§ 232. *Члены дѣленія*, разсматриваемые съ данной точки, должны относиться между собою какъ противоположности, такъ чтобы, если кто захочетъ мыслить ихъ совмѣстно, они исключали другъ друга и представляли противорѣчіе; они должны быть различными представленіями того же всеобщаго. Formæ sint repugnantes; membra sint opposita.

Члены дѣленія должны быть вполнѣ исчислены, такъ чтобы всѣ они, вмѣстѣ взятые, какъ части, равнялись объему дѣлимаго класса. *Disjuncta debent aequare genus divisum.*

Наконецъ, члены дѣленія должны быть располагаемы подъ началомъ дѣленія на одной опредѣленной и притомъ ближайшей степени своего подчиненія. *Divisio fiat in membra proxima; ne fiat saltus.*

При дѣленіи рода на виды самое большее затрудненіе представляютъ переходы, которые; въ мірѣ дѣйствительномъ встрѣчаются всюду, такъ что можно сказать: «все въ мірѣ есть переходъ,» какъ съ другой стороны справедливо говорятъ, что «все въ мірѣ состоитъ изъ противоположностей.» Эти переходы или имѣютъ мѣсто между различными родами, и въ такомъ случаѣ дѣлаютъ зыбкою границу ихъ, или входятъ посредствующими членами между видами одного рода, и изглаживаютъ строгое раздѣленіе противоположностей. Впрочемъ такими пе-

реходами не должно обманываться при разграниченіи родовъ и видовъ и при установленіи ихъ понятій; сначала надобно вовсе оставлять безъ вниманія эти переходы и уже послѣ вводить ихъ, какъ соединительные члены. Если бы кто ввелъ эти переходы въ кругъ составляемыхъ видовыхъ, или родовыхъ понятій, то этимъ онъ уничтожилъ бы всѣ разности, и наконецъ не могъ бы опредѣлить себѣ ни одного рода, или вида.

§ 233. г) Важный и богатый источникъ содержанія описаніе находитъ себѣ въ *сравненіи*. Сравненіе обращается или на сходное, или на противоположное, или на соотвѣтственное (analoge).

Сравненіе съ сходнымъ, которое имѣетъ не столько ученое достоинство разширенія познаній, сколько реторическое достоинство оживленія и украшенія рѣчи, происходитъ въ *фигурахъ,* или *тропахъ,* въ *подобіяхъ и параллеляхъ.*

Сравненіе съ противоположностію, или прочими видами того же рода, несравненно полезнѣе, и по большей части бываетъ необходимо; почему мы сами собою и какъ бы инстинктуально употребляемъ его для опредѣленія предметовъ,—столь же часто говоримъ, что̀ они не есть, какъ и что̀ они есть, также часто употребляемъ отрицательныя, какъ и положительныя понятія и выраженія, напр. неорганическій, неразумный, безсмертный. Но всѣ эти отрицательныя понятія, явно, относятся къ своимъ положительнымъ противоположностямъ или

сподчиненнымъ видамъ. Сравненіемъ съ противоположностію облегчается и изощряется наблюденіе, видовые характеры точнѣе разграничиваются между собою, другъ друга изъясняютъ и освѣщаютъ, какъ различныя проявленія одного и того же рода.

Сравненіе съ соотвѣтственнымъ сличаетъ явленія и развитія одного *рода* съ явленіями и развитіями другаго и основывается на сознательномъ, или безсознательномъ гаданіи, что какъ въ различныхъ видахъ раскрывается одинъ родъ, такъ въ различныхъ міровыхъ родахъ и ихъ видахъ и подвидахъ одна и таже сила природы развивается существенно одинакимъ образомъ, только въ различныхъ формахъ. Таковое сравненіе открываетъ нашему взору самую глубину природы вещей, но и предполагаетъ глубочайшія понятія объ ней; почему и принадлежитъ болѣе теоріи, нежели описанію, въ которомъ оно является болѣе знаменательнымъ сходствомъ и глубокомысленною параллелью.

§ 234. д) Богатый источникъ содержанія открываетъ въ себѣ также *генетическое представленіе* предмета, т. е. исторія его происхожденія, сведеніе его къ его составнымъ началамъ, изложеніе его причинъ и основаній, его цѣлей и средствъ. Отъ дѣйствительныхъ причинъ и основаній должно отличать опять поводы, вліянія, видоизмѣняющія обстоятельства, препятствія и т. п. Причины и основанія, равно какъ средства и цѣли должно разлагать на ближайшія и отдаленнѣйшія, непосредственныя и посредственныя, на прямыя и непрямыя.

Наконецъ е) *практическое разсмотрѣніе* предмета вникаетъ въ сообразность его съ цѣлію, въ его пользу и употребленіе, его эстетическое, нравственное и юридическое достоинство и наконецъ вообще въ ея дѣйствительныя и вѣроятныя слѣдствія.

б) Методъ теоріи.

§ 235. Теорія основывается существенно на умозаключеніяхъ подчиненія и сподчиненія, потому что главныя ея дѣйствія сходятся къ анализу всеобщаго изъ частнаго, и къ синтезу или перестройкѣ частнаго изъ всеобщаго. Анализъ состоитъ въ показаніи и доказательствѣ всеобщаго (Erweis), а синтезъ — въ подтвержденіи и доказательствѣ частнаго (Beweis). Такъ какъ эти дѣйствія мышленія уже изложены (§ 186 и 190 и проч.), то здѣсь остается только показать способъ ихъ приложенія къ теоріи.

Анализъ и синтезъ, т. е. сведеніе частнаго ко всеобщему и обратный выводъ и изъясненіе частнаго, подкрѣпляемыя по мѣстамъ доказательствами всеобщаго и доказательствами частнаго, составляютъ ткань всякой теоретической науки; впрочемъ выводъ и надлежащее расположеніе частнаго всегда остается главною цѣлію, которой теоретическій порядокъ и дѣленіе подчиняются какъ средства. Анализъ всеобщаго теоретикъ обыкновенно дѣлаетъ напередъ самъ для себя, или по крайней мѣрѣ представляетъ его не просто какъ анализъ, а какъ доказательство и показаніе всеобщаго. Доказательство частнаго,

слѣдуетъ за ходомъ синтеза и подкрѣпляетъ его, гдѣ нужно.

§ 236. а) *Теоретическій анализъ* поступаетъ отъ частнаго, даннаго въ опытѣ, и развиваетъ изъ него всеобщее точно такъ, какъ образуются обыкновенно понятія, т. е. посредствомъ сравненія и отвлеченія. Всеобщее, къ которому идетъ теорія, суть: существенныя и основныя свойства вещей, родовыя понятія, законы и правила; первыхъ ищетъ она для изъясненія явленій, вторыхъ—для уразумѣнія видовъ, третьихъ—для вывода событій, а послѣднихъ—для приложенія къ частнымъ случаямъ. Впрочемъ анализъ самъ по себѣ недостаточенъ для того, чтобы родовыя понятія и законы обнять во всей ихъ глубинѣ и удостовѣрить въ ихъ существенной истинности, всеобщей значимости и необходимости; почему онъ восполняется доказательствомъ и показаніемъ всеобщаго, и повѣряется синтезомъ и доказательствомъ частнаго.

§ 237. Способъ—открывать всеобщее чрезъ сравненіе и отвлеченіе многіе находятъ недостаточнымъ, *уже на томъ основаніи,* что частнаго вполнѣ мы никогда не обозрѣваемъ, а потому и несомнѣннаго всеобщаго,—путемъ сравненія, которое должно бы простираться на *все* частное,—найти и указать не можемъ. Заключеніе отъ *многихъ* замѣченныхъ случаевъ ко *всѣмъ* случаямъ того же рода, по *Баконову наведенію,* есть, говорятъ, слишкомъ смѣлый скачокъ; еслибъ и сотни и тысячи наблюдаемыхъ и сравниваемыхъ образцевъ вида или рода имѣли нѣкоторые признаки общіе, то это еще не даетъ намъ

права признать ихъ видовымъ или родовымъ понятіемъ. Безконечное число прочихъ недѣлимыхъ можетъ все еще, тѣмъ или другимъ признакомъ, не подходить подъ это общее понятіе, и въ такомъ случаѣ незаконно, только въ слѣдствіе неполнаго наведенія, вносятъ ихъ въ видовыя или родовыя понятія. Но наведеніе, по крайней мѣрѣ точнѣйшее наблюденіе и сравненіе, не простирается даже на сотни и тысячи, а всегда только на немногіе образцы одного вида или рода; а потому всѣ общія понятія и положенія, составленныя чрезъ наведеніе, въ высшей степени натянуты.

§ 238. Совершенно справедливо, что всѣхъ недѣлимыхъ какого либо вида, котораго ищется понятіе, нельзя имѣть подъ рукою, а тѣмъ больше нельзя ихъ всѣхъ точно обозрѣть и слячить,—что всегда только весьма немногіе образцы подвергаютъ внимательному наблюденію, для извлеченія изъ нихъ видоваго понятія. А въ такомъ случаѣ,—если мы примемъ взглядъ *номиналистовъ*, что видовой характеръ есть только случайное сходство извѣстнаго числа недѣлимыхъ,—безъ предварительнаго сравненія *всѣхъ* недѣлимыхъ нельзя съ увѣренностію составить общаго понятія. Тогда наведеніе будетъ единственнымъ, но весьма несовершеннымъ средствомъ составлять всеобщія понятія; объ истинѣ такихъ понятій и говорить нечего; самая вѣроятность ихъ, судя по содержанію сравненныхъ образцевъ къ несравненнымъ, относится въ большей части случаевъ, только какъ одинъ къ милліону. Сверхъ того, въ концѣ все мы не будемъ имѣть опредѣленныхъ и закон-

ченныхъ видовыхъ понятій, потому что въ волѣ всякаго состояло бы разширять или стѣснять объемъ видовъ, такъ или иначе ихъ отграничивать, то болѣе, то менѣе брать недѣлимыхъ для сравненія ихъ случайнаго сходства. Такъ, номиналисмъ, который истинною дѣйствительностію почитаетъ недѣлимыя, а виды и роды принимаетъ за одни понятія и имена для означенія случайныхъ сходствъ, долженъ отказаться отъ всѣхъ родовыхъ и видовыхъ понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всякой науки Онъ можетъ говорить только объ индивидуальномъ, о томъ или другомъ предметѣ въ частности, что наука предоставляетъ житейскому разговору.

§ 239. Номиналистическая мысль, будто «для составленія совершенно вѣрнаго понятія о видѣ собственно должно сравнить *всѣ* образцы его,» заключаетъ въ себѣ невозможность, которая приводила въ отчаяніе донынѣшній эмпиризмъ, на этой мысли основавшійся. Не смотря на это, онъ въ счастливой простотѣ своей, не только не дошелъ до самоотрицанія, а напротивъ изъ той же самой основной мысли о наведеніи извлекъ великую пользу. Ложное предположеніе, что должно сравнивать непремѣнно всѣ образцы вида, поощрило къ обширнѣйшему и тщательнѣйшему сравненію всѣхъ возможныхъ образцевъ, что для основательнаго и правильнаго образованія видовыхъ понятій крайне важно. Между тѣмъ эмпирики никогда серіезно не принимали того требованія, что наведеніе должно быть полно, и потому невозможность послѣдняго никогда ихъ не озабочивала, какъ часто имъ ни напоминали объ

ней раціоналисты. Эмпирики, при всемъ номиналистическомъ образѣ мыслей, питали тайное, на безсознательной вѣрѣ въ дѣйствительность родовъ и видовъ основанное убѣжденіе, что и неполнаго сравненія недѣлимыхъ достаточно для составленія видоваго понятія. Такъ психологъ, которому для наблюденія открыта только его собственная душевная жизнь, наблюденія надъ самимъ собою, безъ всякаго сомнѣнія, прилагаетъ къ душѣ человѣческой вообще. Зоологъ по малому числу львовъ и носороговъ и пр., которыхъ онъ наблюдалъ, изображаетъ вообще льва и носорога. Ботаникъ замѣчанія, сдѣланныя надъ однимъ образцемъ, переноситъ на цѣлый видъ. Но это бываетъ по опредѣленному, хотя безсознательному предположенію, что видовой характеръ не есть случайное сходство извѣстнаго числа недѣлимыхъ, а неизмѣнный типъ, повторяемый природою въ безразличномъ числѣ недѣлимыхъ.

§ 240. Въ самомъ дѣлѣ, видовой характеръ не есть что либо случайное, вообще не есть только сходство недѣлимыхъ, а есть общее существо ихъ, ихъ природа и субстанція. Видъ есть истинно-существующее и вѣчное, а недѣлимыя суть только преходящія его обособленія и проявленія. Видовой характеръ въ каждомъ недѣлимомъ повторяется однообразно, въ каждомъ заключается всецѣло, и потому нетрудно извлечь его изъ различныхъ недѣлимыхъ. И не такъ глубоко таится онъ внутри недѣлимаго, какъ напримѣръ зерно въ скорлупѣ; все недѣлимое, по своей природѣ и сущности, есть видовой характеръ, принявшій только совершенно внѣшнее, индивидуальное видоизмѣненіе. Онъ

выражается даже въ самыхъ наружныхъ признакахъ недѣлимаго, такъ что опытный взоръ можетъ узнать его напр. въ частяхъ остова какого нибудь допотопнаго животнаго. Отсюда видно, что для опредѣленія видоваго характера не нужно слишкомъ обширнаго сравненія или наведенія, если этотъ характеръ можно снять даже съ какой либо одной части одного совершенно неизвѣстнаго животнаго. Впрочемъ, съ другой стороны, все надобно согласиться, что сравненіе, разширяемое до возможныхъ предѣловъ, имѣетъ въ ученомъ отношеніи весьма высокую цѣну, и никогда не можетъ быть довольно тщательно и обширно.

§ 241. *Видовое понятіе,* изъ котораго выходитъ теорія, образуется чрезъ отдѣленіе индивидуальнаго. Такъ какъ первое составляетъ всю субстанцію недѣлимаго, а послѣднее, напротивъ, состоитъ только во внѣшнихъ и преходящихъ видоизмѣненіяхъ, то чтобы отыскать видовое понятіе, достаточно сравнить немногія недѣлимыя, даже довольно съ размышленіемъ обозрѣть одно какое либо. Замѣтимъ въ вещи постоянное, отдѣлимъ внѣшнія, преходящія, случайныя и свободныя видоизмѣненія, составимъ изъ того цѣльное представленіе о природѣ недѣлимаго,—и мы получимъ видовое его понятіе. Какъ легко и вѣрно образуются видовыя понятія, всего лучше можно видѣть изъ того, что даже естественное мышленіе и обыкновенная рѣчь въ основаніи состоятъ не изъ индивидуальныхъ представленій, а изъ однихъ видовыхъ и родовыхъ понятій; то, о чемъ мы мыслимъ и говоримъ, до малѣйшихъ подробностей, есть видовое понятіе.

§ 242. Видовыя понятія доставляютъ твердое и сколько обширное, столько и удобообозримое поле для развитія высшаго всеобщаго, т. е. *родовыхъ понятій*. Видовыя понятія и суть то частное, которымъ исключительно занимается теорія, оставляя безъ вниманія индивидуальное. Притомъ, она не сама собственно образуетъ ихъ, а предполагаетъ ихъ уже какъ данный матеріалъ для дальнѣйшей обработки, заимствуя ихъ частію изъ описательныхъ наукъ, частію изъ обыкновеннаго мышленія. Вся задача теоріи состоитъ въ переработкѣ видовыхъ понятій въ родовыя, и въ обратномъ приложеніи послѣднихъ къ выводу и изъясненію первыхъ,—подобно какъ задача описанія преимущественно состоитъ въ образованіи и развитіи видовыхъ понятій. Между тѣмъ и здѣсь есть переходы: какъ описаніе въ своихъ результатахъ видовыя понятія развиваетъ въ высшія родовыя; такъ и теорія имѣетъ еще много дѣла съ видовыми понятіями, взятыми изъ описательныхъ наукъ; она ихъ повѣряетъ, точнѣе опредѣляетъ, основательнѣе и глубже изслѣдываетъ.

Чтобы пріобрѣсть родовое понятіе, для того понятія видовыя, которыя всѣ легко обнять и обозрѣть, сопоставляютъ совмѣстно и сравниваютъ ихъ между собою, а потомъ ихъ общія основныя черты возводятъ въ родовой характеръ. Здѣсь-то обнаруживается и рѣшаетъ дѣло счастливый взоръ теоретика, потому что задача—усмотрѣть общее въ разнообразіи видовъ, можетъ быть рѣшена или поверхностнѣе, или глубже и проницательнѣе, или невѣрно и

невпопадъ, или мѣтко и удачно. Правда, что всеобщее скрывается въ частномъ вовсе недалеко; родъ уже данъ въ видахъ; и однакожъ, только счастливый взглядъ генія изъ поверхностнаго явленія видовъ извлекаетъ какую либо существенную, изъяснительную черту рода,— будетъ ли то понятіе, правило, или основоположеніе.

§ 243. б) *Синтезъ* или перестройка частнаго изъ всеобщаго только возстановляетъ то, изъ чего вышелъ анализъ, но съ тѣмъ важнымъ выигрышемъ, что мы послѣ того глубже *прозрѣваемъ* въ данное частное; такимъ образомъ съ одной стороны мы пріобрѣтаемъ богатѣйшее и глубочайшее познаніе, а съ другой—простую достовѣрность опыта возводимъ до необходимости понятія, слѣпое усвоеніе дѣйствительности обращаемъ въ господствующее надъ нею разумѣніе. Настоящее, *матеріальное сокровище* познанія не пріумножается и теоріею, но за то *умственное* сокровище или знаніе не только обогащается болѣе общими и глубочайшими мыслями, но и возводится на высшую степень вѣденія. Эти болѣе общія и глубокія мысли, которыя заключались уже скрытно въ матеріалѣ, пріобрѣтенномъ нами чрезъ наблюденіе, но еще не были сознаваемы, раскрываются и такимъ образомъ знаніе обогащается драгоцѣннѣйшими понятіями; въ тоже время оно возводится на высшую степень разумѣнія потому, что когда всеобщее сознается въ частномъ, тогда послѣднее мы понимаемъ, проникаемъ и изъясняемъ.

§ 244. *Первоначальная* форма теоретическаго синтеза есть *опредѣленіе*, какъ обратное построеніе опредѣляемаго понятія изъ его всеобщихъ и частныхъ элементовъ. Опредѣленія образуются чрезъ показаніе съ одной стороны ближайшаго родоваго понятія, а съ другой видоваго характера. Опредѣленіе есть перестройка видоваго понятія изъ его родовыхъ элементовъ и видовыхъ условій. Definitio fit per genus proximum et differentiam specificam. Повѣркою опредѣленія служитъ то, когда подлежащее и сказуемое суть взаимозамѣнимыя понятія; иначе оно или слишкомъ обширно или слишкомъ тѣсно.

§ 245. *Дальнѣйшія* и обширнѣйшія формы теоретическаго синтеза суть: *поясненіе* и *проведеніе, выводъ* и *изъясненіе, оцѣнка* и *обсуживаніе*. Эти поступательныя подчиненныя умозаключенія подробно уже изложены выше (§ 180—185). Здѣсь достаточно припомнить только главные пункты. *Поясненіе* имѣетъ еще аналитическую цѣль—разъяснить всеобщее, для чего оно исчисляетъ въ видѣ примѣровъ нѣкоторые, вытекающіе изъ него, частные случаи. Таже цѣль и *проведенія* мысли; только оно бываетъ обстоятельнѣе и обширнѣе въ исчисленіи выводовъ; притомъ оно не ограничивается однимъ уясненіемъ, а вмѣстѣ имѣетъ въ виду—оправдать проводимую мысль. Оно есть переходъ поясненія въ аналитическое доказательство.—*Выводъ* и *изъясненіе* суть перестройка частнаго изъ его всеобщихъ и опредѣленныхъ элементовъ, съ тѣмъ различіемъ, что первый имѣетъ цѣлію—*получить* частное, какъ слѣдствіе, послѣд-

нее—*понять* его, какъ слѣдствіе; выводъ оставляетъ безъ вниманія, дано ли въ дѣйствительности и несомнѣнно частное, и принимаетъ его за *идеальное* только слѣдствіе всеобщаго, а изъясненіе полагаетъ въ основаніе дѣйствительность и достовѣрность частнаго, но *въ тоже время* хочетъ имѣть его высшимъ образомъ, какъ идеальное слѣдствіе всеобщаго.—Приложеніе всеобщаго къ частному для *обсуживанія* и *оцѣнки* послѣдняго бываетъ тогда, когда частное есть не какое либо необходимое, а свободное и случайное осуществленіе всеобщаго, которое, по этому самому, можетъ быть и недостаточнымъ или превратнымъ его выраженіемъ. Оно впрочемъ совпадаетъ съ выводомъ, потому что истина и цѣнность частнаго измѣряется тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли оно необходимымъ слѣдствіямъ всеобщаго, или нѣтъ.

§ 246. Эти синтетическія перестройки частнаго, въ исчисленіи, сочетаніи и противопоставленіи частностей, слѣдуютъ соотношеніямъ понятій, представленнымъ подъ именемъ *умозаключеній сподчиненныхъ*. Слѣдствія выводятся, какъ виды одного и того же рода и выставляются, какъ различныя проявленія одного и того же всеобщаго; они восполняются другъ другомъ, какъ составныя части его объема; наконецъ, они противопоставляются другъ другу, какъ противоположности, частію для того, чтобы они одно другимъ точнѣе опредѣлялись, частію для того, чтобы они одно другое освѣщали.

§ 247. Какъ выше упомянутые пріемы синтеза, такъ и эти способы сподчиненія соста-

вляютъ главныя нити синтетической ткани теоретическаго разсужденія. Всеобщее служитъ началомъ дѣленія, а выведенныя синтезомъ слѣдствія въ сподчиненномъ положеніи присоединяются къ нему, какъ члены дѣленія. Въ эти основныя нити вплетаются потомъ доказательство и показаніе всеобщаго, равно какъ подтвержденіе и доказательство частнаго, многоразличнѣйшими способами, смотря потому, какъ этого требуетъ ходъ изслѣдованія и потребность убѣжденія.

§ 248. Всеобщее, изъ котораго выходитъ теоретическій синтезъ частнаго, принимается за идеальную истину и называется идеальнымъ началомъ или основоположеніемъ. Такой *образъ разсмотрѣнія* заключается въ природѣ и направленіи самаго этого пріема мышленія; потому что всеобщее, служащее исходнымъ пунктомъ, есть предметъ идеальный, мысль. Впрочемъ весьма понятно, что если всеобщее, въ синтетическомъ его приложеніи является идеальнымъ, то оно, по этому, не есть уже идеальное само въ себѣ и по своему происхожденію; въ этихъ отношеніяхъ оно опять можетъ быть весьма реальнымъ и дѣйствительнымъ предметомъ. Да и очевидно, что если выводы и изъясненія, приложенія и обсуживанія имѣютъ какую нибудь истину, то и ихъ всеобщія начала и основоположенія должны быть дѣйствительностями, а не одними мнѣніями, и потому ихъ должно прежде всего посредствомъ анализа почерпать изъ дѣйствительности и въ ней указывать. *Частныя дѣйствительности должно выводить и изъяснять только изъ всеобщихъ дѣйствительностей, въ нихъ*

дѣйствующихъ и проявляющихся. Всякое другое изъясненіе, котораго начала и основанія нельзя показать изъ дѣйствительности, которое имѣетъ свой источникъ въ одномъ метафизическомъ взглядѣ и умозрительныхъ идеяхъ, есть праздная, ничтожная игра, которая хотя можетъ быть и геніальною, однако нисколько не годится для науки, напротивъ бываетъ весьма пагубною для ней: потому что оно скрываетъ истину въ туманѣ метафизическихъ мнѣній, повреждаетъ чувство истины, и надмѣвая головы школьнымъ туманомъ на перекоръ дѣйствительности, подавляетъ ученую совѣсть, безусловное уваженіе къ единой истинѣ дѣйствительности.

§ 249. Изъ основнаго закона всякаго теоретическаго вывода и изъясненія, что «частную дѣйствительность должно понимать только изъ всеобщей дѣйствительности, въ ней проявляющейся,» открывается необходимость какъ аналитическихъ доказательствъ и показаній всеобщаго, такъ и синтетическихъ доказательствъ частнаго. Оба первыя указываютъ, что всеобщая истина, служащая идеальнымъ началомъ изъясненія и вывода, есть вмѣстѣ реальная истина и дѣйствительность; напротивъ синтетическое доказательство даетъ видѣть, что частная истина, имѣющая первоначально видъ только идеальнаго слѣдствія, есть вмѣстѣ реальная истина и дѣйствительность, потому что и начало ея вывода и изъясненія есть истина реальная и дѣйствительная.

§ 250. Здѣсь кстати было бы противъ философскаго умозрѣнія установить за *правило,* что «дѣй-

ствительность понимается только изъ самой себя,» и настоять, чтобы этотъ основный законъ теоретическаго вывода и изъясненія былъ признанъ и выполняемъ. Но мы не усвояемъ теоретическимъ совѣтамъ Методологіи столько могущества надъ дѣйствительнымъ человѣческимъ мышленіемъ, чтобы они и въ болѣзни заносчиваго раціонализма могли быть дѣйствительнымъ врачевствомъ ума (medicina mentis). Надобно ожидать, пока этотъ пароксизмъ истощится самъ собою.

§ 251. *Побочныя* средства теоріи суть: *предварительное объясненіе, аналогія* и *генетическое изъясненіе.*

Какъ описаніе сравниваетъ свой предметъ съ его противоположностями, такъ теорія, продолжая это сравненіе глубже, формально вводитъ предметъ въ систему понятій и указываетъ ему мѣсто въ области высшаго его рода и подлѣ его сподчиненныхъ видовъ. Для этого предварительнаго и наружнаго обозрѣнія предмета нашъ языкъ не имѣетъ точнаго названія, почему мы называемъ его *предварительнымъ объясненіемъ*. Такое объясненіе (Erörterung), если только оно не замѣняетъ собою теоретическаго разсмотрѣнія, входящаго основательнѣе въ самый предметъ, обыкновенно поставляется напереди изслѣдованія, въ видѣ введенія.

§ 252. *Аналогія,* или сравненіе съ другими родами и ихъ законами и проявленіями, со дня на день становится важнѣйшимъ и поучительнѣйшимъ пособіемъ для теоріи,—такъ какъ съ

каждымъ днемъ мы болѣе и болѣе познаемъ, что во всѣхъ міровыхъ родахъ и видахъ, подъ формами сколько сходными, столько и различными, проявляетъ себя одна и таже природа, и постоянно изощряемъ способность—угадывать сходное въ различныхъ формахъ проявленія. Даже въ естественныхъ наукахъ довѣренность къ аналогіи столько утвердилась, что сравнивающій анатомикъ, изучивши напр. какой либо животный органъ въ одномъ какомъ либо родѣ животныхъ, въ которомъ этотъ органъ особенно развитъ, ищетъ его тотчасъ и во всѣхъ прочихъ родахъ, и увѣренъ, что онъ найдетъ его по крайней мѣрѣ въ зародышѣ; физіологъ, не могши уловить моментовъ какого либо животнаго процесса, напр. рожденія, у одного рода животныхъ, изыскиваетъ ихъ у другихъ родовъ, у которыхъ они открыты для наблюденія, и найденное не сомнѣвается почитать элементомъ наблюдаемаго животнаго процесса.

§ 253. Впрочемъ самое важное вспомогательное средство теоріи есть *генетическій выводъ*, или изъясненіе того, какъ существующее образовалось и произошло изъ его элементовъ и причинъ,—какъ бы исторія его происхожденія.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ, конечно, и *теоретическій* выводъ есть болѣе или менѣе уже генетическій, особенно если онъ сдѣланъ съ убѣжденіемъ въ реализмѣ родовъ и видовъ, по которому они разсматриваются не какъ чисто отвлеченное сходство недѣлимыхъ, а какъ существенная, субстанціальная основа, подъ вліяніемъ частныхъ условій ограничивающаяся въ недѣлимыхъ. Въ

отличіе отъ такого генетическаго элемента въ теоретическомъ выводѣ, мы принимаемъ здѣсь генетическое изъясненіе въ строгомъ смыслѣ за *историческое*, гдѣ дѣло идетъ уже не объ какомъ либо идеальномъ и имманентномъ образованіи предмета, а о реальномъ его переходѣ изъ небытія въ бытіе, о дѣйствительномъ временномъ происхожденіи.

§ 254. Это генетическое или историческое изъясненіе употребляется тогда, когда въ предметѣ теоретическаго вывода разсматривается именно дѣйствительное его происхожденіе и когда ex professo должно обратиться къ исторіи его происхожденія и развитія; или когда исторія происхожденія предмета, какъ то: элементы, изъ которыхъ онъ произошелъ, причины, условливавшія его происхожденіе, обстоятельства, способствовавшія его образованію, доставляютъ существенное изъясненіе его настоящему состоянію и качествамъ. Не нужно объяснять болѣе, какъ употребительно и поучительно въ теоріи это историческое изслѣдованіе.

§ 255. Главныя точки, на которыя должно обращать вниманіе при генетическомъ изслѣдованіи какого либо предмета, суть: *элементы*, изъ которыхъ онъ образовался, *причины*, сопровождавшія и условливавшія его образованіе, и наконецъ самая *исторія* его *происхожденія* и *развитія*, со всѣми видоизмѣняющими ихъ обстоятельствами и вліяніями. Элементы, изъ которыхъ произошелъ предметъ, можно назвать *матеріальными* его причинами, причины, условливавшія его образованіе—*формальными*, на-

конецъ вспомогательныя вліянія въ исторіи его происхожденія и развитія—*случайными* причинами.

§ 256. Съ этимъ генетическимъ или историческимъ изъясненіемъ произшедшаго весьма сродно *практическое* изъясненіе свободныхъ произведеній, каковы произведенія нравственности, искуства, промышленности, математическія построенія, кратко: все произвольное, что только произведено, или производится съ цѣлію. Почему и эти практическія изъясненія также называютъ генетическими или синтетическими. Здѣсь показываютъ видъ произведенія, матеріалъ и его обработку, построеніе, означаютъ цѣли и прилагаемыя средства, описываютъ употребленіе и т. п.

§ 257. Какъ теоретическое, такъ и генетическое и съ нимъ практическое изъясненіе весьма часто являются въ основной формѣ опредѣленія: такъ особенно Геометрія, свои мысленныя величины, произшедшія чрезъ построеніе, опредѣляетъ часто, сколько практически и генетически, показывая видъ и способъ ихъ построенія, столько теоретически, показывая свойства оттуда произшедшія. Примѣръ Геометріи, и при этомъ легкая и очевидная удобопонятность ея опредѣленій, ввели эти практическія и генетическія опредѣленія въ употребленіе и въ другихъ наукахъ. Кому угодно, тотъ можетъ, по этому, раздѣлить опредѣленія на теоретическія и генетическія.

3. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ.

§ 258. Задача историка дѣлится на *историческое изслѣдованіе* и *историческое описаніе*. Первое соотвѣтствуетъ наблюденію; въ послѣднемъ, напротивъ, повторяются аналитическіе и синтетическіе пріемы систематика, только, сообразно свойству историческаго матеріала, въ другой формѣ: аналитическій пріемъ является *собираніемъ* и *обработкою* историческаго матеріала, а синтетическій становится *историческимъ изложеніемъ*.

§ 259. а) *Историческое изслѣдованіе*. Такъ какъ кругъ опыта и наблюденія для историка ограниченъ только настоящимъ и близкимъ, то долгъ *историческаго изслѣдованія* есть *изучать источники*, именно пріобрѣтать документы и употреблять въ пользу автографіи участниковъ и свидѣтельства и сказанія лицъ, не участвовавшихъ въ событіяхъ. Употребленіе документовъ предваряется испытаніемъ ихъ подлинности, а употребленіе автографій, свидѣтельствъ и сказаній — испытаніемъ какъ объективной достовѣрности самаго повѣствованія, такъ и субъективной достовѣрности повѣствователя.

§ 260. *Объективная* (предметная) достовѣрность самаго сказанія основывается частію на внутреннемъ согласіи повѣствуемаго произшествія съ самимъ собою, частію — на его внѣшнемъ согласіи съ временемъ и мѣстомъ и сторонними историческими данными: существовавшими въ то время учрежденіями, извѣстными намъ событіями,

нравами и обычаями времени, характеромъ дѣйствующихъ лицъ и т. п., наконецъ на согласимости повѣствуемаго съ законами физическаго, нравственнаго и умственнаго міра. Другими словами, объективная критика историка-изыскателя изслѣдуетъ логическую, историческую, нравственную и умственную сторону повѣствуемаго. Между тѣмъ явно, что такая критика даетъ одну вѣроятность и по большей части только возможность. Она заключаетъ въ себѣ болѣе отрицательные, нежели положительные критеріи, даетъ распознавать не настоящую истину, а только неистину, которая обличается логическими, историческими, физическими, нравственными и умственными противорѣчіями. Однакожъ, есть нѣкотораго рода естественность, безприкрасіе и простота повѣствованія, есть извѣстная оригинальность, индивидуальность и особенность повѣствуемаго, которыя поставляютъ достовѣрность историческихъ извѣстій почти выше всякаго сомнѣнія. Только распознаніе такихъ чертъ основывается болѣе на простомъ чувствѣ и тактѣ, и потому невозможно дать какого либо руководства въ этомъ дѣлѣ.

§ 261. Испытаніе *субъективной* достовѣрности повѣствователя сходится къ двумъ вопросамъ: могъ ли, и хотѣлъ ли онъ сказать истину, и притомъ всю истину и ничего кромѣ истины. Могъ ли онъ, это дознается частію физически—по его положенію, частію умственно—по его способности замѣчать и судить, частію патологически—по его предубѣжденію или безпристрастію. Хотѣлъ ли, это опредѣляютъ, противопоставляя интересу повѣствователя достоин-

ство нравственнаго его характера. У автографовъ и свидѣтелей-участниковъ должно строже изслѣдовать добрую волю и патологическую способность всегда говорить истину, напротивъ у свидѣтелей неучаствовавшихъ и сторонннхъ повѣствователей строже надобно взвѣшивать ихъ физическое положеніе и умственную способность.

§ 262. б) *Историческое описаніе*, къ которому относится аа) *собираніе* и *обработка* историческаго матеріала. Различныя формы, въ какихъ воспринимается и обработывается историческій матеріалъ, суть: *лѣтопись*, *записка* и *прагматическое изложеніе исторіи*.

§ 263. *Лѣтопись* (хроника) и *записка* (мемуаръ) суть простѣйшія формы исторіи. Первая, шагъ за шагомъ, по годамъ и числамъ записываетъ предлежательный ходъ событій, послѣдняя—представляетъ подлежательную дѣятельность историческихъ лицъ. Первая доставляетъ предметные члены исторіи,—причины и дѣйствія, однакожъ только во внѣшней формѣ простой ихъ послѣдовательности, безъ сознанія внутренней ихъ связи. Послѣдняя, напротивъ, занимается подлежательными элементами исторіи,—побужденіями и цѣлями дѣйствующихъ лицъ, сообщая однако эти психологическіе элементы исторіи также во внѣшней формѣ, т. е. въ дѣйствительномъ проявленіи частной ихъ жизни и въ ближайшихъ личныхъ ихъ отношеніяхъ и связяхъ.

Оба элемента исторіи, предметный и подлежательный, соединяетъ въ себѣ *прагматическое*

изложеніе исторіи и въ болѣе разумной формѣ представляетъ ихъ существенными нитями событій. Оно пользуется лѣтописью и запискою, какъ матеріаломъ, который обработываетъ по понятію, изыскивая во внѣшней хронологической послѣдовательности существенныя нити причинныхъ связей, а въ подлежательномъ дѣйствованіи существенныя нити побужденій и цѣлей и возводя ихъ изъ конкретной формы воззрѣнія въ отвлеченную форму мысли.

§ 264. Прагматическое изложеніе исторіи есть высшій результатъ философскаго изслѣдованія всемірной исторіи, къ какому только могло притти прежнее дѣописаніе. И дѣописаніе почитаетъ прагматисмъ даже своею высочайшею задачею, не смотря на многочисленныя замѣчанія со стороны новыхъ умозрителей, что онъ есть еще весьма поверхностный и недостаточный родъ исторіи. Простой прагматикъ смотритъ съ совершенно внѣшней, номиналистической точки на человѣчество; онъ почитаетъ его исторію произведеніемъ возстающихъ по временамъ великихъ мужей, и случайныхъ, обильныхъ послѣдствіями событій, коротко—дѣйствіемъ лицъ и случая. Кто въ самомъ дѣлѣ вздумалъ бы такъ смотрѣть на исторію, тотъ походилъ бы на зрителя, который теченіе рѣки производитъ отъ несущихся по ней плавателей, и скалъ преломляющихъ ея бѣгъ. Не великіе мужи, и не случай производятъ всемірную исторію; они даютъ ей только форму и обороты. Великіе люди скорѣе суть произведеніе, чѣмъ виновники всемірной исторіи. Они суть только счастливцы, ко-

торые умѣли въ надлежащую пору высказать бродившія въ массахъ и образовавшіяся идеи своего вѣка, и стать въ средоточіе современнаго стремленія. И величайшій мужъ, если не находитъ массъ, которыя бы носили и возвышали его, проходитъ, не оставляя по себѣ слѣда, и если онъ выступилъ прежде или послѣ надлежащей поры, стоитъ уединенно среди вѣка, какъ пророкъ или памятникъ.

§ 265. Всемірная исторія есть постепенное развитіе человѣчества, которое въ народахъ и недѣлимыхъ ведетъ существенно единую жизнь, органически развивается, стремится къ одному неизмѣнному назначенію и совершаетъ процессъ жизни и развитія по неизмѣннымъ законамъ. Лице и случай, конечно, могутъ дѣйствовать на этотъ вѣчный процессъ развитія человѣчества, могутъ видоизмѣнять и даже нарушать его: но таковыя вліянія могутъ задерживать ходъ его или измѣнять образъ его проявленія только на время, хотя бы то было на столѣтія или тысящелѣтія. Однакожъ такія поверхностныя видоизмѣненія,—предметъ прагматической исторіи,—нимало не перемѣняютъ существеннаго основанія и хода вѣчной всемірной исторіи; такъ какъ форма внѣшняго проявленія для ней ничего не значитъ, и тысящелѣтія для ней суть мгновенія, потому что человѣчество само имѣетъ у себя время и беретъ его по произволу.

Въ этомъ процессѣ развитія человѣчества принимаетъ приличное себѣ участіе каждый народъ, смотря по той особенной сторонѣ и задачѣ человѣческой природы, какая въ немъ преиму-

щественно осуществляется; онъ имѣетъ и выполняетъ свое назначеніе—раскрыть человѣческую природу, сообразно общей цѣли, съ одной какой либо стороны и въ какой либо одной задачѣ. На рѣшеніи этой задачи основывается духъ и характеръ народа; какъ скоро она выполнена, народъ теряетъ свое національное бытіе, чтобы смѣшавшись съ другими народами, принять участіе въ ихъ человѣческой задачѣ, или при счастливѣйшихъ обстоятельствахъ возродиться и возстать для новой задачи, съ новымъ національнымъ геніемъ.

§ 266. Исторію этого глубочайшаго, подъ безразличною формою проявленія совершающагося развитія или всего человѣчества, или отдѣльныхъ народовъ, можно бы назвать *философическою всемірною, или народною исторіею.* Доселѣ однакожъ она еще остается и конечно надолго останется предметомъ желаній: по тому что, хотя задача эта и не выходитъ совершенно за предѣлы человѣческой проницательности, во всякомъ случаѣ, однакожъ, рѣшеніе ея требуетъ еще долгаго ряда предварительныхъ изученій, которыми только положено будетъ ей начало. Притомъ и пространство пути, пройденное человѣчествомъ, еще такъ коротко, что не даетъ еще всѣхъ элементовъ къ опредѣленію его теченія. Не смотря впрочемъ на то, пора бы начать хотя предварительныя изученія для этой будущей философической исторіи міра и народовъ, напр. въ такомъ смыслѣ, какъ недавно *Гервинъ* въ своихъ «основныхъ чертахъ исторіи» старался представить «ходъ идей движущихъ человѣчество.»

§ 267. Наконецъ, что касается бб) до втораго момента въ историческомъ описаніи, до *историческаго изложенія,* то собственно историческое искуство можетъ имѣть мѣсто только въ прагматической и философической исторіи; потому что лѣтопись и записка безъ плана слѣдятъ только данную внѣшнюю связь своей матеріи, которую съ возможною очевидностію и вѣрностію изобразить и есть ихъ существенная задача.

Историческое изложеніе имѣетъ два главные закона, матеріальный и формальный, которые весьма легко могутъ входить въ противоположность между собою и которыхъ счастливое соединеніе составляетъ главную задачу историка. Эти законы суть: *историческая истина и сообразное съ планомъ изображеніе.*

§ 268. *Историческая истина,* смотря по различному воспринятію и обработкѣ историческаго матеріала, имѣетъ различныя степени. 1) Соотвѣтственно лѣтописному способу воспринятія она есть *фактическая* истина, т. е. вѣрное и точное изображеніе фактовъ и обстоятельствъ, ихъ сопровождавшихъ; 2) соотвѣтственно записочному образу воспринятія,—истина *характеристическая,* т. е. удачный и вѣрный снимокъ и изображеніе личностей, мѣстностей и временъ, нравовъ, образа мыслей и т. п.; 3) соотвѣтственно прагматической исторіи,—*прагматическая* истина, т. е. вѣрное и полное развитіе причинъ и дѣйствій, основаній и слѣдствій, цѣлей и средствъ, 4) наконецъ, соотвѣтственно философической исторіи міра и

народовъ,—*философическая* истина, т. е. изслѣдованіе глубочайшихъ и общихъ идей и побужденій, движущихъ народами, и тѣхъ моментовъ развитія, которые совершаетъ въ нихъ человѣчество.

§ 269. Эти различныя степени исторической истины исключаютъ одна другую только тогда, когда одна изъ нихъ односторонимъ образомъ, и съ непріличнымъ пристрастіемъ, разширяется на счетъ другихъ. Но этимъ самимъ она измѣняетъ самой себѣ; потому что, кто вездѣ ищетъ только фактическихъ причинъ или только человѣческихъ побужденій и интригъ, тотъ впадаетъ въ ту же погрѣшность односторонняго насилія исторіи, въ какую впадаетъ и философъ, построевающій всемірную исторію по умозрительнымъ идеямъ и вѣчнымъ законамъ саморазвитія міроваго духа. Пока упомянутые элементы исторической истины строго ограничиваются каждый кругомъ своихъ предметовъ, до тѣхъ поръ они находятся въ согласіи между собою и взаимно восполняютъ другъ друга, такъ что всегда высшая степень заключается уже въ низшей и мышленіемъ развивается изъ ней: характеристическая истина заключается въ фактической, прагматическая въ той и другой, наконецъ философическая истина въ прагматически установленномъ, историческомъ очертаніи.

§ 270. Система историческаго повѣствованія есть *планъ*. Теченіе его въ правильномъ историческомъ повѣствованіи опредѣляется *конечнымъ результатомъ*, какой представился историку при предварительномъ обзорѣ извѣстнаго

періода исторіи, и къ которому теперь направляется все повѣствованіе. Конечный результатъ бываетъ началомъ раздѣленія и расположенія исторіи. Такимъ образомъ историческое изложеніе сходится къ одному пункту, тогда какъ математическое выходитъ изъ одного пункта.—Какой результатъ взять конечнымъ пунктомъ историческаго повѣствованія, это зависитъ частію отъ особенной цѣли дѣписателя, частію отъ особеннаго взгляда на исторію,—смотря потому, въ какомъ отношеніи обработываетъ онъ исторію, во всѣхъ ли отношеніяхъ историческихъ, или болѣе въ отношеніи къ политикѣ, просвѣщенію, или въ другомъ какомъ либо частнѣйшемъ,—обращаетъ ли онъ вниманіе только на фактическую, или характеристическую, прагматическую и историческую истину. Между тѣмъ, какова бы ни была цѣль и точка зрѣнія, строгій законъ, чтобы планъ историческаго изложенія сообразенъ былъ съ историческою истиною, никогда не теряетъ своей силы, и потому конечный результатъ, къ которому предполагается свести все повѣствованіе, не должно влагать въ исторію, а изъ ней самой заимствовать и развивать.

§§.

ности сужденій, отсюда происходящія: 84.

Изъятельныя предложенія,

Ограничительныя,

Раздробительныя (по объему и содержанію). . . . . 85.

Изъяснительныя и

Раздѣлительныя сужденія. . . . . 86.

Замѣчаніе о раздѣлительномъ сужденіи: о подведеніи его подъ категорію качества и образности. . . . . —

2. Сужденіе причинное.

Понятіе о немъ и членахъ причиннаго отношенія. 87.

Двоякій образъ происхожденія причиннаго сужденія, и отсюда различіе между транзитивнымъ положеніемъ и причиннымъ сужденіемъ; и различныя формы выраженія причиннаго сужденія вообще. 88.

Отличіе транзитивнаго положенія отъ категорическаго сужденія, и невозможность превращать причинное сужденіе въ сказательное, или наоборотъ. 89.

Отличіе причиннаго сужденія отъ умозаключенія, по формѣ и матеріи. . . . . 90.

Смѣшеніе различныхъ формъ мышленія съ условными сужденіями у прежнихъ Логиковъ. . . —

Раздѣленіе причиннаго сужденія:

Основаніе и объемъ его раздѣленія; разности причинныхъ сужденій отсюда происходящія, и выраженіе ихъ въ языкѣ разными причинными союзами. . . . . 91.

Причинное сужденіе, имѣющее мѣсто въ сочетаніи цѣли и средствъ, и выраженіе такого рода сужденія. . . . . 92.

Приложеніе къ причинному сужденію закона достаточнаго основанія: отсюда разности количе-

§§.

ства, качества и образности въ причинномъ сужденіи; и дѣйствительность въ немъ этихъ разностей. . . . . 93.

Разности причиннаго сужденія—чрезъ сочетаніе въ немъ количества и качества;

Разности причинныхъ сужденій, происходящія отъ простоты ихъ и сложности; и виды сложенія: 94.

ОТНОШЕНІЯ СУЖДЕНІЙ МЕЖДУ СОБОЮ.

Условіе этихъ отношеній. . . . . 95.

А) Отношеніе сужденій со стороны *содержанія*:

а) Тождество и различіе сужденій, и законы имѣющіе къ нимъ приложеніе. . . . . 96.

б) Согласіе и противорѣчіе сужденій. . . . . 97.

Виды противорѣчія ихъ: положительное и отрицательное. . . . . 98.

Б) Отношенія сужденій со стороны *объема*:

а) Закрытіе сужденій,

б) Сподчиненіе и его виды, ... 99.

в) Подчиненіе сужденій:

Виды подчиненія: подчиненіе послѣдующихъ и предыдущихъ членовъ, и подраздѣленіе послѣдняго на формальное и матеріальное. . . . . 100.

Различныя противорѣчія сужденій, происходящія отъ соединенія отрицательной противоположности съ формальнымъ подчиненіемъ подлежащихъ.—

СПОСОБНОСТИ, ЛЕЖАЩІЯ ВЪ ОСНОВАНІИ СУЖДЕНІЯ.

Общая способность какъ сказательнаго, такъ и причиннаго сужденія, и простѣйшая форма того и другаго сужденія: *пониманіе и соображеніе средствъ и цѣлей.* 101.

Пониманіе:

Понятіе о немъ;

Значеніе понятія въ пониманіи и отношеніе послѣд-

§§.
няго къ сужденію. . . . . —
Отличіе пониманія отъ простаго замѣчанія и наблюденія;
Важность пониманія въ приложеніи къ предмету понимаемому. . . . . 102.
Способность пониманія—*смыслъ*, и противоположность смышленности.
Отличіе пониманія отъ сужденія, замѣчаемое въ окружности душевной жизни. . . . . 103.
Причинное сужденіе, или соображеніе средствъ и цѣлей:
Легкость его образованія въ общежитіи;
Способность этого соображенія—*умъ* или *благоразуміе*, и его противоположность.
Отношеніе благоразумія и смысла къ силѣ сужденія. 104.

ГЛАВА V. ОБЪ УМОЗАКЛЮЧЕНІЯХЪ.

Общія понятія объ умозаключеніяхъ:
Опредѣленіе умозаключенія, и понятіе о составныхъ его частяхъ. . . . . 105.
Важность его въ дѣлѣ пріобрѣтенія и утвержденія познаній, сообразно съ двоякою его цѣлію. . . 106.
Двоякій ходъ умозаключенія: поступательный и возвратный, и соотвѣтствіе его двоякому дѣйствію разумѣнія: положенію и сужденію. . . . . 107.
Дѣленіе умозаключеній.
Недостаточность прежняго дѣленія умозаключеній;
Новое дѣленіе ихъ: на *непосредственныя*, *посредственныя* и *соотносительныя*.
Понятіе о непосредственномъ умозаключеніи,
——— о посредственномъ. . . . . 108.
Сходство тѣхъ и другихъ умозаключеній и отношеніе ихъ къ одной способности мышленія. . 109.
Понятіе о соотносительномъ умозаключеніи:

§§.

умозаключеній и отличіе отъ него основанія умозаключеній соотносительныхъ. . . . . —

Основаніе посредственныхъ и непосредственныхъ

Первый главный видъ умозаключеній: умозаключеніе непосредственное.

Понятіе о немъ, и основаніе для его видоизмѣненій. 110.

а) Умозаключенія чрезъ перемѣну *образности*.

Способы и правила такого рода умозаключеній, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. 111.

б) Умозаключенія чрезъ перемѣну *количества*.

Правило этого рода умозаключеній. . . . . 112.

в) Умозаключенія, происходящія чрезъ измѣненіе *качества*, и частнѣе—непосредственныя умозаключенія противорѣчія:

Случаи, въ которыхъ происходятъ непосредственныя умозаключенія противорѣчія. . . 113.

Ближайшее разсмотрѣніе умозаключеній, происходящихъ отъ соединенія разностей количества и качества:

Двоякій образъ заключенія при противорѣчіи двухъ сужденій:

Отъ *истинности* одного члена къ *ложности* другаго; и обратно,

Отъ *ложности* одного—къ истинности другаго.

Шема умозаключеній этого рода. . . . 114.

Приложеніе этихъ же двухъ образовъ заключенія къ *отрицательной* противоположности сказуемыхъ и дѣйствій, и къ двучленной *положительной* противоположности.

Замѣчаніе о способѣ заключенія отъ ложности *всеобщаго* утвержденія къ истин-

§§.

ности *всеобщаго* отрицанія. . . . . 115.

Объ умозаключеніяхъ чрезъ измѣненіе въ *отношеніи* сужденій, и о превращеніи ихъ. . 116.

г) Умозаключенія чрезъ *превращеніе*.

Различные образы превращенія сказательнаго сужденія:

Всеобщаго утвердительнаго,

Частнаго утвердительнаго, ... 117.

Всеобщаго отрицательнаго,

Частнаго отрицательнаго.

Превращеніе простое и случайное. . . . 118.

д) Умозаключенія чрезъ *противопоставленіе*.

Образъ составленія такихъ умозаключеній и сужденія, въ которыхъ они имѣютъ мѣсто. . 119.

Второй главный видъ умозаключеній: Умозаключеніе посредственное.

Общія понятія о немъ:

Сходство его съ сложнымъ сужденіемъ и отличіе отъ него; и побужденіе къ точнѣйшему его разсмотрѣнію. . . . . 120.

Опредѣленіе посредственнаго умозаключенія; форма, въ какой выражается оно въ общежитіи, и польза искуственной его формы. . . . . 121.

Составныя положенія посредственнаго умозаключенія; понятіе о большей и меньшей посылкѣ и ихъ размѣщеніе. . . . . 122.

Раздѣленіе посредственныхъ умозаключеній:

Обыкновенное раздѣленіе ихъ на три вида: *категорическое, условное* и *раздѣлительное*;

Начало такого раздѣленія, и критика его. . . 123.

Критическое разсмотрѣніе умозаключенія *раздѣлительнаго*:

Понятіе о немъ; и двоякая его форма: modus

§§.

ponens и tollens. . . . . 124.

Оно не есть умозаключеніе посредственное. . 125.

А напротивъ, есть посредственное:

Какъ по *modus ponens*, такъ и *tollens*. . 126.

Совмѣстность въ немъ двухъ непосредственныхъ умозаключеній;

Раздѣленіе посредственныхъ силлогизмовъ на два вида: категорическій и условный. . . . . 127.

ПЕРВЫЙ ВИДЪ ПОСРЕДСТВЕННАГО УМОЗАКЛЮЧЕНІЯ:

Категорическое или *сказательное* умозаключеніе.

Понятіе о немъ.

Его опредѣленіе; . . . . . 128.

Его термины и посылки, и ихъ порядокъ. 129.

Общія правила:

О числѣ главныхъ понятій; о качествѣ обѣихъ посылокъ; о ихъ количествѣ, и характерѣ заключенія. . . . . 130.

Способы (modi).

Понятіе объ нихъ, и ихъ число. . . . . 131.

Фигуры сказательнаго умозаключенія.

Понятіе объ нихъ и ихъ виды. . . . . 132.

Соотношеніе между ними и основаніе ихъ разности. . . . . 133.

1. Фигура:

Понятіе о ней; и сила доказательства ея, какъ со стороны объема, такъ и содержанія. . . . . 134.

Частныя условія ея правильности:

Касательно качества меньшей посылки и количества большей, и отсюда—

Правильные способы 1-й фигуры: . . 135.

§§.

Barbara: способъ заключенія въ немъ;
Celarent: способъ заключенія.
Darii: способъ заключенія по двоякому отношенію объема.
Ferio: двоякій способъ заключенія. 136.

2. Фигура:
Понятіе объ умозаключеніи по этой фигурѣ, и отсюда—
1-е Частное правило его, относительно качества посылокъ, и сила доказательства его. . . . . 137.
2-е Частное правило касательно количества посылокъ, и отсюда
Правильные способы 2-й фигуры. . . 138.
Смыслъ буквъ, которыми означаются они; приведеніе умозаключеній 2, 3 и 4 фигуры къ 1.
Средства къ этому приведенію:
Превращеніе посылокъ, и его обозначеніе.
Перестановка посылокъ, и ея обозначеніе;
Приведеніе къ нелѣпости. . . 139.
Cesare и *Festino:* ихъ сходство и различіе; и въ частности, заключеніе въ нихъ и ихъ превращеніе въ Celarent и Ferio. . . . . 140.
Camestres и *Baroco.* способъ заключенія въ нихъ и превращеніе. . 141.

О житейскомъ образѣ выраженія мыслей по 2 фигурѣ. . . . . 142.

3. Фигура:
Понятіе объ ней; частное правило ея, и

§§.
правильные способы ея. . . . . 143.
Darapti, Datisi и *Disamis*:
Способъ умозаключенія по нимъ и превращеніе ихъ въ 1 фиг.
Felapton, Ferison и *Bocardo*: умозаключеніе по нимъ и ихъ превращеніе. 144.
О житейскомъ способѣ мышленія и выраженія по 3 фигурѣ и
Главная основа ея. . . . . 145.
4. Фигура:
Понятіе о ней, и различные случаи, въ которыхъ имѣетъ мѣсто 4 фигура: . . 146.
Правила умозаключ. по 4 фигурѣ, въ слѣд. случаяхъ:
Когда обѣ посылки положительныя;
Когда большая отрицательная; наконецъ,
Когда большая утвердительная, а меньшая отрицательная. . . . . 147.
ВТОРОЙ ВИДЪ ПОСРЕДСТВЕННАГО УМОЗАКЛЮЧЕНІЯ:
Условное, или правильнѣе, *причинное* умозаключеніе.
Критика такъ называемаго у Логиковъ *условнаго* умозаключенія:
Оно не есть посредственное. . . . . 148.
Два способа его заключенія: modus ponens и tollens:
Общія правила того и другаго способа, и отношеніе ихъ къ дѣйствительному мышленію. . . . . 149.
Въ частности:
Формула и критика заключенія по modus ponens. . . . . 150.

§§.

Формула, сила доказательства и критика заключенія по modus tollens. . 151.

Указаніе посредственно-причиннаго умозаключенія:

Его образованіе; отношеніе къ фигурамъ, сила доказательства и правила. . . . 152.

Сложныя умозаключенія:

Пустота и безплодность такъ называемыхъ соритовъ и эпихеремъ. . . . . 152.

Опредѣленіе сорита и эпихеремы;

Образованіе сорита и двоякій его ходъ;

Образованіе эпихеремы. . . . . 154.

Третій главный видъ умозаключеній: соотносительныя умозаключенія.

Понятіе о нихъ, отличіе ихъ отъ прежнихъ; и исчисленіе ихъ. . . . . 155.

1. Умозаключенія тождества.

Понятіе объ нихъ; ихъ важность, и частнѣйшіе виды: 156.

а) *Умозаключенія равенства.*

Ихъ важность и польза, и ихъ примѣры. . 157.

б) *Развитія.*

Ихъ общеупотребительность и отличіе отъ распространеній, приложеній, выводовъ и объясненій. . . . . 158.

Слишкомъ высокое понятіе объ нихъ у Вольфа и Фихте.

Примѣры развитій у Вольфа; о значеніи выводовъ у Фихте, и развитій у эмпириковъ. 159.

2. Умозаключенія противорѣчія.

Основаніе такого рода умозаключеній. . . . . 160.

Понятіе объ нихъ и ихъ приложеніе въ возраженіяхъ и опроверженіяхъ и апогогическихъ доказательствахъ;

§§.

Отличіе опроверженія отъ апогогическаго доказательства и ихъ соотвѣтствіе двумъ формамъ непосредственнаго умозаключенія чрезъ противорѣчіе. . . . . 161.

а) *Возраженія и опроверженія.*

Главныя требованія опроверженія: сознаніе антитеза, а за тѣмъ—ослабленіе и оспариваніе основанія или слѣдствія. . . . . 162.

Понятіе объ ослабленіи и оспариваніи, и примѣръ того и другаго. . . . . 163.

Формы, въ какія можно приводить опроверженія. . . . . 164.

Случаи, въ которыхъ силлогизмъ противорѣчія принимаетъ форму раздѣлительную, т. е. рогатаго силлогизма, раздробительную, послѣдовательную и т. д. 165.

Замѣчаніе о рогатомъ силлогизмѣ, и силлогизмахъ противорѣчія, встрѣчающихся между условными силлогизмами. 166.

б) *Непрямое или апогогическое доказательство.*

Понятіе объ немъ и двѣ его формы: защищеніе и настоящее непрямое доказательство; и ихъ различіе. . . . . 167.

Защищеніе: примѣръ его, и недостаточность одного защищенія для доказательства истины тезиса. . . . . 168.

Настоящее непрямое доказательство:

Его образованіе и необходимость прямаго доказательства. . . . . 169.

3. Силлогизмы подчиненія.

Понятіе объ нихъ и двоякій ходъ ихъ: отъ общаго къ частному и отъ частнаго къ общему; и понятіе о двухъ этихъ пріемахъ у прежнихъ Ло-

§§.

тиковъ. . . . . 170.

Различныя наименованія общаго и частнаго въ аналитич. и синтетическомъ ходѣ мыслей, и три частные вида силлогизмовъ подчиненія: а) возвратное умозаключеніе подчиненія, или анализъ родоваго сужденія; б) поступательное умозак. подчиненія, или синтезъ видовыхъ сужденій; и в) соединеніе синтеза и анализа, или доказательство аа) аналитическое и бб) синтетическое. . . . . 171.

Предварительное понятіе объ аналитическомъ и синтетическомъ доказательствахъ; ихъ цѣль, посредство и результатъ. . . 172.

а) Анализъ родоваго сужденія.

Соотвѣтствіе его съ развитіемъ включеннаго сужденія и ихъ различіе. . . . 173.

Виды аналитическаго хода мыслей въ сказательномъ и причинномъ сужденіяхъ: . 174.

аа) *Въ сказательномъ*:

Три частныхъ приложенія его въ сказат. сужденіи, и примѣры на нихъ. 175.

бб) *Въ причинныхъ* отношеніяхъ:

Наименованіе въ нихъ всеобщаго: *правило и законъ*:

Понятіе о правилѣ и законѣ. . . 176.

Четвероякое подчиненіе причинныхъ сужденій. . . . . 177.

Примѣръ частнаго подчиненія. . . 178.

——всецѣлаго. . . . . 179.

б) Синтезъ видовыхъ сужденій.

Два главные вида его: *выводъ и приложеніе*. 180.

Ближайшее разсмотрѣніе вывода:

Невозможность развитія видовъ изъ рода;

§§§.

Подведеніе, и произведеніе и изъясненіе видовыхъ сужденій изъ родоваго; совмѣстность опытнаго происхожденія первыхъ съ выводомъ ихъ изъ послѣдняго. . . . . 181.

аа) *Выводъ и изъясненіе*:

Понятіе объ нихъ и ихъ различіе; высшее достоинство частнаго, получаемаго чрезъ синтезъ. . . . . 182.

бб) *Приложеніе* общаго къ частному, для обсужденія послѣдняго:

Случаи, гдѣ оно употребляется и отношеніе его къ выводу. . . . . 183.

Возможность—обсуживать по необходимымъ послѣдствіямъ и явленія міра свободы, и примѣръ тому. . . . . 184.

Поясненіе, какъ переходъ анализа въ синтезъ. 185.

в) Соединеніе синтеза и анализа:

аа) *Аналитическое доказательство*:

Понятіе о немъ въ отличіе отъ синтетическаго доказательства; и показаніе, какъ переходъ между анализомъ и аналитическимъ доказательствомъ. . . . 186.

Показаніе: его цѣль и направленіе, и отличіе отъ аналитическаго доказательства. 187.

Аналитич. доказательство: понятіе объ немъ, его результатъ и отношеніе къ синтетическому выводу;

Случаи, гдѣ употребляется показаніе, и гдѣ аналит. доказательство. . . . 188.

Относительное достоинство показанія и аналит. доказательства. . . . . 189.

бб) *Доказательство синтетическое*:

§§.

Его образованіе, и случаи, въ которыхъ достаточно подтвержденія и гдѣ необходимо синтетич. доказательство. . . 190.

Подтвержденіе: понятіе о немъ и его отношеніе къ чисто-синтетическому выводу;—достоинство подтвержденія. 191.

Синтетич. доказательство: недостаточность подтвержденія и средства вознаградить этотъ недостатокъ.

Образованіе синтет. доказательства. 192.

Важность результата, отсюда получаемаго. . . . . 193.

4. **Силлогизмы сподчиненія.**

Причина, почему и сподчиненіе сужденій даетъ основаніе для умозаключеній; употребленіе сподчиненія въ Гегелевомъ методѣ. . . . . 194.

Источникъ, изъ котораго почерпается познаніе о сподчиненныхъ противоположностяхъ. . . . 195.

Перестройки ихъ, какъ видовъ; и важность ея для взаимнаго объясненія, ограниченія и дополненія. 196.

Главные виды сподчиненности и происходящія отсюда умозаключенія:

Умозаключеніе сподчиненія со стороны *предыдущаго члена*: его образованіе. . . . . 197.

Всецѣло сподчиненныя сужденія: различныя формы образованія ихъ и ихъ достоинство. . . 198.

Сужденія сподчиненныя по противоположности *послѣдующихъ членовъ*: ихъ образованіе, употребленіе и отличіе отъ умозаключеній противорѣчія modo ponendo tollente. . . . . 199.

Достоинство умозаключеній по сподчиненію послѣдующихъ членовъ, и

Отношеніе умозаключеній сподчиненія къ синтетическому выводу видовыхъ сужденій. . . . . 200.

§§.

ЛОГИКА ПРИКЛАДНАЯ, ИЛИ МЕТОДОЛОГІЯ.

Отличіе чистой Логики отъ прикладной, или Методологіи, разсматриваемое со стороны содержанія ихъ, образа ихъ изложенія, ихъ важности и отношенія къ прочимъ наукамъ. 201.

Необходимость присоединенія Методологіи къ чистой Логикѣ. 202.

Показаніе главныхъ методовъ: . . . . . 203.

1. Математическій методъ.

Преимущество математическаго метода предъ прочими и самой математики, со стороны метода, предъ прочими науками, особенно философіею. . . . . 204.

Сущность математич. метода: *развитіе частнаго изъ общаго.*

Покушеніе—произвесть частное математики изъ опыта и опроверженіе этого покушенія. . . . . 205.

Раздѣленіе математики, а за тѣмъ и ея метода: . . 206.

Геометрія:

Двоякій ходъ ея: построеніе и анализъ.

Понятіе о геометрическомъ построеніи, и значеніе построенія для Геометріи; и

Понятіе о геометрическихъ анализахъ. . . . 207.

Ариѳметика:

Ея основаніе: *счисленіе.*

Понятіе о счисленіи;

Виды счисленія, и его сущность и методъ. 208.

Основаніе, почему математика *вообще* можетъ построевать, и ея отличіе въ этомъ отношеніи отъ прочихъ наукъ. . . . . 209.

Основаніе, почему математика построеваетъ съ *необходимостію* и *общегодностію*. . . . . 210.

2. Систематическій методъ.

Понятіе о немъ и приложеніе его. . . . . 211.

§§.

Отличіе систематическаго метода отъ прочихъ, — со стороны тѣхъ отношеній, которымъ всѣ они слѣдуютъ;
Раздѣленіе систематическихъ наукъ: *на описательныя* и *теоретическія*. . . . . 212.

Понятіе объ *описаніи* и отношеніи въ немъ всеобщаго и частнаго. . . . . 213.

Понятіе *о теоріи*; ея сходство съ математическимъ построеніемъ и ихъ различіе. . . . . 214.

А) Методъ описательныхъ наукъ.

Средства, помощію которыхъ описаніе получаетъ свое содержаніе и свою форму, и связь этихъ средствъ между собою. . . . . 215.

а) *Наблюденіе.*

Понятіе о немъ и отличіе наблюденія отъ простаго опыта;
Необходимость въ наблюденіи предварительныхъ понятій. . . . . 216.

Необходимость чужаго наблюденія и его оцѣнка. 217.

Безконечность наблюдаемой дѣйствительности. 218.

б) *Развитіе.*

Понятіе о немъ: его достоинство, приложеніе, основаніе и образованіе.

Задачи развитія и правила ихъ рѣшенія: 219.

аа) *Отграниченіе* предмета: индивидуальнаго, вида или рода самихъ по себѣ, видовъ и родовъ съ частнѣйшими видами и подвидами, и наконецъ, переходовъ между ними. . 220.

бб) *Развитіе или разложеніе* самаго предмета: законъ разложенія, и трудность вопроса о томъ, что такое существенное и несущественное, необходимое и случайное. . . 221.

Ближайшее разсмотрѣніе существеннаго и случайнаго:

Существенное и случайное въ субъек-

§§.

тивномъ смыслѣ;

——въ объективномъ, какъ *всеобщее*, т. е. видовой, или родовой характеръ. 222.

Причина, почему родъ и видъ суть существенное, а индивидуальное несущественно. . . . . 223.

Существенное или общее, какъ предметъ описанія, и какъ предметъ теоріи. . 224.

Сравненіе, какъ средство въ описаніи для изысканія видовыхъ или родовыхъ понятій, и потребность высшихъ средствъ для образованія изъяснительныхъ родовыхъ понятій . . . 225.

вв) *Развитіе соотношеній:*

Главные роды ихъ: внутреннія и внѣшнія:

Подраздѣленіе тѣхъ и другихъ, и понятіе о нихъ. . . . . 226.

в) *Раздѣленіе.*

Важность его для науки;

Разности раздѣленія по тремъ главнымъ методамъ: раздѣленіе математическое, систематическое и историческое;

Ихъ сходство и различіе. . . . . 227.

Разности систематическаго раздѣленія:

Качественное и количественное; и подраздѣленіе послѣдняго на раздробленіе и дѣленіе.

Разнообразныя сочетанія ихъ между собою. . . . . 228.

Предметъ качественнаго раздѣленія, раздробленія и дѣленія. . . . . 229.

Руководительныя ихъ начала.

Поясненіе этихъ началъ:

Поясненіе основнаго закона каче-

§§.

ственнаго раздѣленія и требованіе этого закона—сводить многоразличныя свойства предмета къ коренному единству основныхъ. Источники разнообразія предметовъ: самообразованіе рода въ видахъ, ихъ сложность и внѣшнія отношенія; и способы сведенія этого разнообразія къ единству.

Поясненіе руководительнаго начала въ раздробленіи и дѣленіи. . . 230.

Начало дѣленія:

Правила касательно его, и раздѣленіе началъ на сущест. и несущест. 231.

Члены дѣленія:

Правила относительно ихъ; и

Въ частности, правила касательно переходовъ между родами и видами. 232.

г) *Сравненіе:*

Его виды:

Сравненіе съ сходнымъ; съ противоположностію; съ соотвѣтственнымъ. . . . . 233.

д) *Генетическое представленіе* предмета:

Понятіе о немъ.

е) *Практическое разсмотрѣніе:*

Понятіе о немъ. . . . . 234.

Б) Методъ теоріи.

Дѣйствія мышленія, на которыхъ основывается методъ теоріи: анализъ и синтезъ; и приложеніе ихъ къ теоріи. . . . . 235.

а) *Теоретическій анализъ:*

Его способъ открывать всеобщее, именно посредствомъ сравненія и отвлеченія; поня-

§§.

ніе объ этомъ всеобщемъ и недостаточность одного анализа для его уразумѣнія. . . 236.

Ближайшее разсмотрѣніе способа, употребляемаго анализомъ для открытія всеобщаго: Возраженіе противъ этого способа, именно показаніе его недостаточности. . 237.

Справедливость этого возраженія съ точки зрѣнія номиналистовъ. . . . . 238.

Несправедливость взгляда номиналистовъ и темное чаяніе реализма у самыхъ Эмпириковъ. . . . . 239.

Оправданіе реализма и съ тѣмъ вмѣстѣ опроверженіе предложеннаго возраженія. 240.

Развитіе всеобщаго посредствомъ сравненія и отвлеченія:

Образованіе *видоваго* понятія чрезъ отдѣленіе индивидуальнаго. . . . . 241.

Развитіе *родовыхъ* понятій изъ видовыхъ и необходимость для того счастливыхъ дарованій. . . . . 242.

б) *Теоретическій синтезъ.*

Важность его для нашего познанія. . . . 243.

Формы теоретическаго синтеза:

Первоначальная: опредѣленіе; его правила. 244.

Дальнѣйшія: поясненіе и проведеніе, выводъ и изъясненіе, оцѣнка и обсуживаніе; понятіе о нихъ. . . . . 245.

Соотношенія понятій, которымъ эти синтетич. перестройки частнаго слѣдуютъ въ исчисленіи, сочетаніи и противопоставленіи частностей. . . . . 246.

Общее указаніе на значеніе всеобщаго, частнаго и ихъ доказательствъ въ синтетической ткани теоріи. . . . . 247.

§§.

Въ частности:

Значеніе *всеобщаго*, изъ котораго выходитъ теоретическій синтезъ, и

Законъ теоретическаго вывода и изъясненія *частныхъ* дѣйствительностей. 248.

Необходимость какъ аналит. *доказател.* всеобщаго, такъ и синт. частнаго. 249.

Напоминаніе о законѣ теоретическаго вывода частностей философскому умозрѣнію. . . . . 250.

в) *Побочныя средства теоріи:*

Предварительное объясненіе.

Понятіе о немъ. . . . . 251.

Аналогія.

Важность ея для теоріи и естеств. наукъ. 252.

Генетическій выводъ.

Понятіе о немъ и его отличіе отъ теоретическаго вывода. . . . . 253.

Случаи, въ которыхъ употребляется генетическій выводъ. . . . . 254.

Главныя точки, на которыя должно обращать вниманіе при генетическомъ выводѣ. . 255.

Сродство съ генетическимъ изъясненіемъ изъясненія *практическаго*. . . . . 256.

Основная форма теоретическаго, генетическаго и практическаго изъясненія. . 257.

3. Историческій методъ.

Главные пункты задачи историка: *изслѣдованіе* и *историческое описаніе*, и подраздѣленіе послѣдняго. . 258.

а) *Историческое изслѣдованіе:*

Его долгъ—изученіе источниковъ, и предварительное испытаніе ихъ. . . . . 259.

Испытаніе *объективной* достовѣр. повѣствованія:

Пункты, на которые должна обращать свое

§§.

вниманіе объективная критика; и ея достоинство. . . . . 260.

Испытаніе *субъективной* достовѣрности повѣствователя:

Правила этой субъективной критики. . . 261.

б) *Историческое описаніе*:

аа) *Собираніе* и *обработка* историческаго матеріала:

Формы ихъ: . . . . . 262.

Лѣтопись и *записка*; понятіе объ нихъ;

Прагматическое изложеніе исторіи:

Понятіе о немъ и отношеніе къ лѣтописи и запискѣ. . . . . 263.

Достоинство прагматическаго изложенія и недостаточность его. . . . . 264.

Истинное понятіе о предметѣ исторіи:

Постепенное развитіе человѣчества и народовъ; отсюда. . . . . 265.

Высшаго рода обработка историческаго матеріала,—исторія *философическая*; всемірная или народная; ея ожиданіе. . . . 266.

бб) *Историческое изложеніе*:

Отношеніе его къ различнымъ формамъ собиранія и обработки историческаго матеріала; и

Два главные закона его: . . . . . 267.

Историческая истина:

Различныя степени ея; . . . . . 268.

Ихъ совмѣстимость. . . . . 269.

Планъ:

Основаніе его: конечный результатъ.

Установленіе этого результата и источникъ его. . . . . 270.

2007040130